

РУССКОЕ СЛОВО ГОРИЗОНТЫ АНАЛИЗА

*(к 85-летию со дня рождения
Гурия Васильевича Судакова)*

Сборник статей

Министерство культуры Российской Федерации
Вологодская областная универсальная научная библиотека им. И. В. Бабушкина

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Вологодский государственный университет

РУССКОЕ СЛОВО: ГОРИЗОНТЫ АНАЛИЗА

(к 85-летию Гурия Васильевича Судакова)

Сборник научных статей

ВОЛОГДА
ВОУНБ
2026

УДК 81'374.3
ББК 81.411.2
Р89

Утверждено Научным советом
Вологодского государственного университета

Научные редакторы:

Е. Н. Ильина, доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации
Вологодского государственного университета,

И. Е. Колесова, кандидат филологических наук, учёный секретарь
Вологодской областной универсальной научной библиотеки им. И. В. Бабушкина

Рецензент:

Е. С. Лунькова, доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры русского языка Смоленского государственного университета

**Русское слово: горизонты анализа (к 85-летию Гурия Васильевича
Р89 Судакова)** : сборник научных статей / Министерство культуры Рос-
сийской Федерации, Вологодская областная универсальная научная
библиотека им. И. В. Бабушкина ; Министерство науки и высшего
образования Российской Федерации, Вологодский государственный
университет ; [научные редакторы Е. Н. Ильина, И. Е. Колесова]. –
Вологда : ВОУНБ, 2026. – 171 с. : ил. – Текст : электронный.

ISBN 978-5-6054173-1-6

Сборник включает в себя научные статьи участников юбилейной конферен-
ции, организованной в честь 85-летия Гурия Васильевича Судакова, доктора
филологических наук, профессора, Заслуженного работника высшей школы
Российской Федерации. В сборник вошли статьи по истории русского ли-
тературного языка, русской диалектологии, лексикологии и ономастике,
лингвистике массовых коммуникаций, лингвистической поэтике, методике
преподавания русского языка и по проблемам филологического краеведения.

Издание может быть рекомендовано ученым-филологам, учителям рус-
ского языка, студентам, а также широкому кругу читателей, интересующихся
проблемами теоретического и прикладного языкознания.

УДК 81'374.3
ББК 81.411.2

ISBN 978-5-6054173-1-6

© БУК ВО «Вологодская областная
универсальная научная библиотека», 2026
© Вологодский государственный
университет, 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Никитин О. В.</i> Живое русское слово в трудах и днях профессора Гурия Васильевича Судакова (к 85-летию со дня рождения).....	5
<i>Бекасова Е. Н.</i> Изучение истории русского литературного языка: актуальные проблемы и вызовы.....	12
Раздел I. ИСТОРИЯ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА: ФОНЕТИКА, ЛЕКСИКА, ГРАММАТИКА	
<i>Астахина Л. Ю.</i> Об одном неизвестном списке «Послания Ивана IV в Кирилло-Белозерский монастырь».....	19
<i>Ганжина И. М.</i> Дериваты христианских личных имен с суффиксальным ц-элементом (на материале тверских памятников деловой письменности преднационального периода).....	23
<i>Генералова Е. В.</i> Церковь клетушки и клетка с подклетом: строительная терминология с основой -клет- в старорусском языке.....	29
<i>Никитин О. В., Рыжков Е. В.</i> Письма и деловые бумаги адмирала Ф. Ф. Ушакова конца XVIII в. как лингвистический источник.....	37
<i>Щекин А. С.</i> Профессиональная лексика в «Росписи мастера Гришки Юрьева» (1672 г.)..	46
Раздел II. РУССКАЯ ДИАЛЕКТОЛОГИЯ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА	
<i>Андреева Е. П.</i> Отражение старорусской ремесленной лексики в вологодских говорах.....	51
<i>Боброва М. В.</i> ЦЕПУШКА vs. ЦЕЛУШКА: к проблеме верификации данных диалектных словарей.....	58
<i>Васильева О. В.</i> Об одном лексическом диалектизме и его дериватах в «Псковском областном словаре»	62
<i>Волженцева Е. А.</i> Наименования предметов домашней утвари в «Оренбургском областном словаре» Б. А. Моисеева.....	69
<i>Воропаева Е. А.</i> Параметры репрезентации образа человека в современной диалектной лексикографии.....	75
<i>Катышев П. А., Лушпей А. А.</i> Субъективно-ориентированная характеристика человека в русских говорах (на материале производной лексики с формантом - уша).....	80
<i>Кочкина Ю. Л.</i> Словообразовательные особенности религионимов в смоленском диалекте.....	84
<i>Лапина И. С.</i> Наименования головных уборов в оренбургских говорах на материале диалектных словарей.....	90
<i>Ширкунова А. В.</i> Реализация категории атрибутивности в народной речи.....	95
Раздел III. СЛОВО И ТЕКСТ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ	
<i>Волкова А. Д.</i> Динамика концепта «народный талант» / «талант из народа» в современной русской речевой практике.....	99
<i>Голубева А. А.</i> Функции онима Данте в эссе О. Э. Мандельштама «Разговор о Данте»..	106
<i>Губанов С. А.</i> Эпитет <i>лихой</i> в поэзии М. Цветаевой.....	116
<i>Гуликовский К. О.</i> Специфика музейной коммуникации в аспекте деятельности краеведческих музеев Кузбасса.....	120

<i>Калянин Г. О.</i> Изображение праздника развёрнутыми метафорами в рассказе Е. И. Замятина «Куны».....	125
<i>Коротун В. Л.</i> К проблеме эволюции письменного научного текста химической проблематики (XX-XXI вв.): роль сложноподчиненного предложения.....	132
<i>Котова К. А.</i> Региональный свертхтекст в школьной литературе на примере Северного и Южного текстов русской литературы.....	137
<i>Трикоз Э. Л.</i> За что Л. И. Ошанин ругал студента В. И. Белова?.....	144
<i>Федосеева Л. Н.</i> К вопросу о государственном регулировании в сфере языковой политики Российской Федерации.....	152
Раздел IV. ЯЗЫК И КУЛЬТУРА В НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ	
<i>Короткова М. А.</i> Элементы филологического краеведения в преподавании журналистских дисциплин (на примере Смоленского государственного университета).....	156
<i>Зарубалова Л. В.</i> Роль керамических сюжетов Т. А. Чистяковой в формировании художественного образа Вологодчины.....	159
<i>Ильина Е. Н.</i> Проблемы образования: классика и современность.....	165
Сведения об авторах.....	169

**ЖИВОЕ РУССКОЕ СЛОВО В ТРУДАХ И ДНЯХ
ПРОФЕССОРА ГУРИЯ ВАСИЛЬЕВИЧА СУДАКОВА
(К 85-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)**

Аннотация. В статье дается обзор биографии и основных направлений научной деятельности профессора Вологодского государственного университета Г. В. Судакова. Отмечается, что в центре его исследовательского внимания находится русское слово как историко-культурный феномен, его семасиологические, функционально-стилистические, грамматические особенности. Подчеркивается, что особое внимание в своих трудах ученый уделяет XVI–XVIII вв., когда происходило формирование русского литературного языка и закрепление его норм. Труды Г. В. Судакова вносят большой вклад в развитие исторической лексикологии и лексикографии, основаны на богатом фактическом материале памятников письменности и редких социо- и этнолингвистических наблюдениях.

Ключевые слова: Г. В. Судаков, лингвистическое источниковедение, лексика, семантика, историческая лексикология, памятники письменности, лексикография, диалектология.

Личность профессора Гурия Васильевича Судакова притягательна. Он запоминается сразу, с первых же минут общения – как вдохновенный филолог и гармоничный человек, влюбленный в свой край, имеющий незыблемые ценности и всю жизнь посвятивший светлому делу – изучению русского языка. Для одних – это просто защита диссертации, написание статей и монографий, получение должностей и званий. Для Г. В. Судакова, побывавшего на вершинах власти, филология – душевное призвание, высокая и ответственная миссия жить и думать по-русски. Действительно, с самых ранних работ и до настоящего времени он не изменил своей музе и последовательно под разным углом зрения изучает самые интересные для исторического развития русского языка этапы – XVI, XVII, XVIII вв. – от Московской Руси к эпохе Петра I. А потом так же легко может бросить мостик и в наше время – к Василию Ивановичу Белову и его «ладу» и обсуждению современной русской речи [Судаков 2022]. Здесь важно не только понимать времена. Нужно жить в них, ощущать себя в мире людей и исторических событий как соучастника, в какой-то мере быть летописцем нашей культуры и словесности. Только историк языка способен увидеть в рукописи живое, в настоящем – ниву добра или поле брани [Судаков 2018a], а значит – понимать, что происходило на самом деле. Г. В. Судаков обладает мастерством проникновения в языковую личность – будь то обычный вологодский крестьянин или купец, иностранный посланник или ученый муж, особа царского рода или безвестный средневековый писатель. Он каждого

примечает по его языку, яркие образы которого так красиво и достоверно запечатлены в трудах и днях Г. В. Судакова.

Краткие биографические данные ученого, которые уместны в юбилейной статье, тоже показательны (почерпнуты с нашими дополнениями из этого источника: [«Служение на ниве...» 2020: 101–102]) как служение живому русскому слову. Он от корня свой, вологодский, и знает здесь всех...

Г. В. Судаков родился 13 августа 1940 г. в деревне Куракино Кадуйского района Вологодской области в семье учителя. В 1962 г. окончил Вологодский государственный педагогический институт, получив специальность учителя русского языка, литературы и истории. Примечательно, что одна из первых работ Г. В. Судакова – исторический очерк о героине войны М. Цукановой – была опубликована в 1963 г. в Государственном издательстве политической литературы (сборник «Героини войны», г. Москва). В 1964 г. Г. В. Судаков вернулся в родной институт в качестве ассистента, в 1971 г. окончил аспирантуру в Московском государственном педагогическом институте им. В. И. Ленина и тогда же защитил кандидатскую диссертацию «Из истории падежных значений русского языка: на материале вологодской деловой письменности XVII в.» [Судаков 1971]. С тех пор он не расставался с альма-матер, даже когда ветер перемен унес его в дальние странствия по коридорам власти. И в этот период он заботился о своем вузе. Эта привязанность к филологическому факультету, который много раз менял свои официальные названия, живет в нем всегда, как будто Г. В. Судаков переступает порог родного дома.

Еще до знакомства с ним, будучи студентом, я читал многие работы этого самобытного ученого в Ленинке, отыскивая их по библиографическим указателям ИНИОН. Уже тогда, в 1980-1990-х гг., он представлялся мне эдаким исполином посреди бурного филологического моря, который всегда имеет свой звучный голос...

Г. В. Судакову повезло в том смысле, что он учился в начале 1960-х гг. в Москве, в ведущем педагогическом институте, где по коридорам ходили классики – И. А. Василенко, И. Г. Голанов, Ф. М. Головенченко... А чуть ранее – А. М. Пешковский, А. А. Реформатский – целая плеяда строителей великой науки. Они были проповедниками той старой классической традиции Московской лингвистической школы, идущей от Фортунатова – Шахматова – Ушакова. Увидеть их духовных наследников – уже событие, а быть их учеником и последователем – счастье. От общения с ними, от походов в Институт русского языка и МГУ имени М. В. Ломоносова, в незабвенную Ленинку, куда в былые годы приезжали со всех концов страны, чтобы прикоснуться к книге, – от всей столичной атмосферы филологии духа молодой исследователь напитался этими родниками на многие десятилетия вперед. Еще и потому в его работах,

образе научного мышления и филологических «тактиках» нет ничего «провинциального». Он воспитал в себе главную матерью ученого – быть настоящим! Отсюда и широта взглядов, потрясающая начитанность, умение видеть перспективу и выделять главное среди модной мишуры терминов и псевдонаук, афористичность и ироничность, стремление не быть, как все – видеть живое в языке, понимать ценность исторических фактов, уважать далеких и близких учителей и богатую филологическую традицию страны. Можно сказать, что Г. В. Судаков – олицетворение того, какой и должна быть научная школа.

В 1972–2020 гг. он работал доцентом кафедры русского языка, деканом факультета русского языка и литературы, проректором по учебной работе, заведующим кафедрой русского языка Вологодского педагогического института. Пожалуй, это были самые продуктивные и вдохновенные годы, когда еще многие хорошие, правильные советские традиции жили в высшей школе, а имя ученого, педагога, преподавателя произносили с большим уважением. На самом деле, если подумать, то профессор в Вологде – что-то небесное, недостижимое, особенное. Тот, кто пошел по этому пути, – великий труженик. Он сродни археологу... Ведь Гурий Васильевич всегда питал интерес к письменным «ископаемым», а значит, занимался древностями, о которых никто не знает. Г. В. Судаков не только на лекциях, но и в публичных беседах увлеченно рассказывает эти архивные тайны.

Докторская диссертация «Русская бытовая лексика XV–XVII вв. в динамическом и функциональном аспектах» [Судаков 1985] расширила горизонты исследования: от изучения грамматики письменных текстов ученый постепенно переходит в область лексикологии. Почему? Нам думается, что падежные окончания, чем занимался он ранее, более стабильны при всей вариативности – их можно «просчитать», они повторяются тысячами однотипных форм и в этом состоянии «живут» не один век. Кроме того, деловые тексты в сфере грамматики часто отражали письменную традицию. Лишь небольшие вкрапления устной речи могли проникать и «ломать» приказную грамматику. С лексикой всё по-другому. Ее география настолько широка, что даже в рамках одного региона можно встретить исконно русские элементы, финноугорские, тюркские. Вологодская область и в диалектологическом отношении во многом удивительна. Недаром сюда ездил Олаф Брок.

Делом и жизнью Г. В. Судакова стало «живое русское слово» [Судаков 2010; Судаков 2017; Судаков 2020]. Круг научных интересов ученого, помимо базовых дисциплин – истории и диалектологии русского языка, составляют историческая лексикология, лингвокультурология, литературоведение, теория и методика преподавания. В центре внимания Г. В. Судакова –

формирование старорусского языка, становление общерусской лексической сокровищницы, анализ языковой ситуации в XIV–XIX вв. Он разработал концепцию исторической лексикологии русского языка и оригинальную периодизацию истории русского слова, осуществил реконструкцию древнерусского бытового лексикона в семантической, пространственной, функционально-стилистической проекциях, предложил новую схему лингвистического ландшафта для эпохи русского средневековья, провел географическую дифференциацию лексики. Ученый опубликовал ряд уникальных памятников русской словесности XVI–XVIII вв.

Г. В. Судаков – автор «Хрестоматии по истории вологодских говоров» (1975), книг «Лексикология старорусского языка (предметно-бытовая лексика» (1983), «География старорусского языка» (1988), «Были о словах и вещах» (1989), «Живое русское слово» (2002), «О нашем, о русском. Мир русского человека в зеркале русского языка» (2006), «Когда появились фартуки. О многовековой истории русских слов и выражений» (2009), «История русского слова» (2015), «Русская историческая лексикология донационального периода (XI–XVII вв.)» (2017), «Русское слово в динамическом и функциональном аспектах: монография» (2020). Он был одним из авторов «Словаря русского языка XI–XVII вв.» и «Словаря русских говоров Карелии и сопредельных областей». Г. В. Судаков – заметная фигура в кругу авторов-разработчиков научно-издательского проекта «Памятники русской агиографической литературы», подготовленного в сотрудничестве с Санкт-Петербургским государственным университетом.

Основные концепции Г. В. Судакова об историческом функционировании старорусского слова могут быть продуктивно продолжены не только в филологии и истории, но и в культурологии и искусствознании. Всего ученый опубликовал более 300 научных работ.

Г. В. Судаков стоял у истоков создания аспирантуры при кафедре по направлениям «Русский язык», «Теория и методика обучения и воспитания (русский язык)» и организации в 1993 г. специализированного совета по защите кандидатских диссертаций по филологическим наукам. С 2005 г. он являлся председателем диссертационного совета, в котором с 2015 г. к рассмотрению принимались диссертации на соискание не только ученой степени кандидата наук, но и ученой степени доктора наук. Ученики и последователи продолжают активно развивать идеи своего учителя о слове как произведении национальной русской словесности.

Значителен вклад Г. В. Судакова в изучение истории, культуры и говоров родного края. Ученый-исследователь выступил как автор статей в альманахах «Старинные города Вологодской области». При его активном участии подготовлены и изданы книги «Выдающиеся вологжане», «Вологодская

энциклопедия», в которых он является главным редактором и одним из авторов. Длительное время Г. В. Судаков возглавляет большой издательский проект «Живое русское слово» в помощь школе, является заместителем председателя областного научно-методического совета по русскому языку. В период работы в качестве председателя Законодательного Собрания Вологодской области, члена Совета Федерации РФ и полномочного представителя Президента РФ в Вологодской области (1989–1996) активно содействовал реформированию высшей школы.

В 2018 г. Г. В. Судаков выступил с инициативой введения в образовательных учреждениях Вологодской области единого речевого режима. Эту идею поддержали на областном съезде учителей русского языка и литературы.

Г. В. Судаков награжден орденом «Знак Почета», медалями «Ревнителю просвещения. В память 200-летия со дня рождения А. С. Пушкина», «К 100-летию М. А. Шолохова»; ведомственными знаками отличия «Отличник народного просвещения», «Отличник просвещения СССР», «За отличные успехи в работе» в области высшего образования СССР; поощрен Благодарностью Президента Российской Федерации. Имеет почетное звание «Заслуженный работник высшей школы РФ».

В 2014 г. за выдающиеся достижения в области высшего профессионального образования и науки, значительный вклад в дело развития, защиты и поддержки русского языка, активное участие в общественной жизни города Вологды Г. В. Судакову присвоено звание Почетного гражданина города Вологды.

Но стандартные биографические данные, конечно же, не могут вместить всего человеческого, что есть в его имени. А это и обычные неспешные беседы о филологии и об актуальных событиях в науке в небольшом кабинете, новые задумки и проекты, которыми живет Г. В. Судаков, интереснейшие воспоминания ученого о своих учителях и великих педагогах старой школы, прогулки по древней Вологде. И просто уютные разговоры за семейным столом. И здесь живое слово Г. В. Судакова звучит бодро, прозорливо и вдохновенно. У него хочется учиться всегда!

А еще мне очень нравится наблюдать за тем, как Гурий Васильевич говорит: по-вологодски красиво, протяжно, с окающим акцентом и какой-то своей особенной «судаковской» интонацией.

И в 2000-е гг. Г. В. Судаков продолжает неустанно «филоложничать» – находит новые темы и тексты для изучения, остается чутким к дыханию словесности, видит сквозь слово облик эпохи. В его творчестве нет проходных, случайных работ – всё, что он создает, имеет высокий аксиологический смысл. Его публикации исполнены любовью к слову. А когда он говорит и пишет о родной стороне, они духовно приподнимают каждый оттенок народного

речетворчества. Даже заголовки таких работ выделяющиеся, словно автор хочет обратить внимание читателя на язык как дар Божий: «Названия любимого человека в вологодских частушках» [Судаков 2016], «Эволюция устного речевого этикета в Московской Руси в XIV–XVII вв.» [Судаков 2018б], «“Плетение словес” как способ создания текста (на материале «Жития Стефана Пермского»)» [Судаков 2023а], «Речь вологодских торговцев» [Судаков 2023б], «И жить торопится, и чувствовать спешит...» [Судаков 2024].

Он пишет свободно и ясно, с глубинным проникновением в язык каждой эпохи. Это значит, что Г. В. Судаков обладает редким даром настоящего русского филолога находить, например, в бытовой лексике системные отношения, по-своему оценивать достижения прошлых веков и понимать, что истоки современной лингвистической традиции можно и нужно искать в глубине веков. Показательна в этом отношении его статья «Букварь Кариона Истомина – идеографический словарь XVII в.» [Судаков 1984].

Радостно осознавать, что та славная языковедческая традиция лингвокультурологического осмысления слова в историко-этнологическом русле, берущая свое начало в трудах Ф. И. Буслаева, живет и в XXI в., что не забыты достижения И. И. Срезневского, А. А. Потебни и А. А. Шахматова, Н. Н. Дурново и В. В. Виноградова, П. Я. Черных и Б. А. Ларина, С. И. Коткова и Ф. П. Сороколетова и еще многих замечательных филологов, строивших науку о слове. Во второй половине XX в. началось фронтальное изучение местных особенностей языка: открытие письменных памятников прошлых веков, обширная источниковедческая работа, создание региональных исторических и диалектных словарей. Всё это способствовало введению в научный оборот тысяч новых слов и редких документов, пополнению и исправлению фундаментальных академических тезаурусов («Словаря русского языка XI–XVII вв.», «Словаря русского языка XVIII века», «Словаря обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков»), возвращению квалифицированных филологов, многие из которых стояли во главе целых научных школ и направлений исторического изучения языка (Е. Н. Полякова – в Перми, Е. Н. Борисова – в Смоленске, Ю. И. Чайкина и Г. В. Судаков – в Вологде...). Сейчас на посту Гурий Васильевич. Он – хранитель этой русской филологической традиции. И пусть она никогда не угаснет!

Литература

«Служение на ниве русской филологии есть самая патриотическая миссия» (К юбилею профессора Гурия Васильевича Судакова) // Русский язык в школе. – 2020. – Т. 85. – № 1. – С. 101–102.

Судаков, Г. В. Из истории падежных значений русского языка: на материале вологодской деловой письменности XVII века: диссертация ... кандидата филологических наук / Г. В. Судаков. – Москва, 1971. – 387 с.

Судаков, Г. В. Букварь Кариона Истомина – идеографический словарь XVII в. / Г. В. Судаков // Теория и практика русской исторической лексикографии. – М.: Наука, 1984. – С. 113–123.

Судаков, Г. В. Русская бытовая лексика XV-XVII вв. в динамическом и функциональном аспектах: диссертация ... доктора филологических наук / Г. В. Судаков. – Вологда, 1985. – 369 с.

Судаков, Г. В. История русского слова / Г. В. Судаков. – Вологда: ВГПУ, 2010. – 336 с.

Судаков, Г. В. Названия любимого человека в вологодских частушках / Г. В. Судаков // Вестник ЧГУ. – 2016. – № 6. – С. 111–120.

Судаков, Г. В. Русская историческая лексикология до национального периода (XI-XVII вв.) / Г. В. Судаков // Лексикология и лексикография славянских языков: международная коллективная монография / ответственный редактор М. И. Чернышева. – Москва, 2017. – С. 615–665.

Судаков, Г. В. Современная русская речь: нива добра или поле брани? / Г. В. Судаков // Беловский сборник. – Вологда, 2018а. – Вып. 4. – С. 140–147.

Судаков, Г. В. Эволюция устного речевого этикета в Московской Руси в XIV-XVII вв. / Г. В. Судаков // Вестник Томского государственного университета. – 2018б. – № 429. – С. 51–57.

Судаков, Г. В. Русское слово в динамическом и функциональном аспектах: монография Г. В. Судаков. – Вологда: ВоГУ. – 2020. – 167 с.

[Судаков, Г. В.] В мире мудрых мыслей В. И. Белова / главный редактор-составитель Г. В. Судаков. – Вологда, 2022. – 80 с.

Судаков, Г. В. «Плетение словес» как способ создания текста (на материале «Жития Стефана Пермского») / Г. В. Судаков // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Исторические и филологические науки. – 2023а. – № 2 – С. 95–99.

Судаков, Г. В. Речь вологодских торговцев / Г. В. Судаков // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Исторические и филологические науки. – 2023б. – № 4. – С. 95–98.

Судаков, Г. В. «И жить торопится, и чувствовать спешит...» / Г. В. Судаков // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Исторические и филологические науки. – 2024. – № 3. – С. 99–104.

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ВЫЗОВЫ

Аннотация. История русского литературного языка, начавшаяся с чтения лекций А. И. Соболевского в Санкт-Петербургском университете, складывалась как направление русистики весьма сложно, что обуславливалось целым рядом лингвистических, но чаще всего – экстралингвистических факторов, порождая болезненные дискуссии, диаметрально-противоположные точки зрения, непримиримые взгляды, что в конечном итоге отразилось не только на преподавании данной историко-лингвистической дисциплины, но и на ее научном развитии, что определяет необходимость выявления актуальных проблем изучения тысячелетней истории русского литературного языка и обстоятельств, обуславливающих современное ее состояние.

Ключевые слова: история русского литературного языка, литературный язык как историческая категория, периодизация истории русского литературного языка, этапы развития русского литературного языка, учебные пособия по истории русского литературного языка.

История русского литературного языка представляет особую сферу научных интересов русистов и шире – славистов. Следует согласиться с выводом Н. С. Трубецкого о том, что «сопряжение церковнославянской и великорусской стихии, будучи основной особенностью русского литературного языка, ставит этот язык в совершенно исключительное положение» [Трубецкой 1990б: 125–126].

С одной стороны, особые условия возникновения восточнославянского литературного языка (если, конечно признавать такой его статус), с другой – тесная связь развития литературной страты с историей его народа на протяжении тысячи лет, ставшая основной причиной современного неприятия русского языка в ряде европейских стран, определяют проблемы изучения, но в первую очередь – преподавания истории русского литературного языка, тем более условиях признания статуса русского литературного языка как государственного языка РФ.

Недостаточные знания специфики культурно-исторических процессов Средневековья, тесно связанных с развитием книжности, включая значимость сакральных текстов и рецепций книжных текстов, своеобразие бытования памятников письменности и деятельности писцов, переводчиков и книжников существенно снижают восприятие и понимание истории развития литературной страты, которая не только является категорией исторической,

по-разному проявляясь в донациональный и национальный периоды, но и имеет разнообразные реализации в системе языка, особенно в преломлении литературного текста, в котором могут накладываться территориальные и временные слои с разной примесью авторского начала.

Еще одна сложность, особенно показательная в преподавании данной историко-лингвистической дисциплины, – обращение к тексту, а не к привычно сложившемуся в вузовском преподавании изучению строя языка. В донациональный период текст имеет глубокие традиции с тем письменным наследием, что пришло вместе с переводами текстов Священного писания и сопровождающих их церковными памятниками, уходящими корнями в письменность Учителей славянского народа. Специфика бытования на Руси древнейшего литературно-письменного языка славян обуславливалась особенностями территориальной распространенности, традициями скриптория и жанром произведения, требующим от писца разной степени сохранности текста. При этом надо отметить обоснованность формулировки А. А. Шахматова о том, что «история русского литературного языка – это история постепенного развития русского просвещения» [Шахматов 1941: 256], которое, как, впрочем, и история России, по точному диагнозу А. С. Пушкина, «слишком мало известна русским» [Пушкин 1994: 148].

В результате синтеза историко-культурной составляющей со сложнейшим филологическим материалом, как отметил Н. С. Трубецкой, «получается очень сложная картина жизни языка. Объять всю эту картину почти невозможно, и поневоле приходится ограничиваться только рассмотрением отдельных её частей» [Трубецкой 1990а:123]. Более того, до сих пор справедливо утверждение А. И. Горшкова о том, что «историю русского литературного языка как отрасль языкознания и учебную дисциплину можно сравнить с огромным полотном, на котором должна быть изображена сложная, многоплановая, многофигурная живописная композиция. Но пока картина далека от завершения. На ней местами выписаны (и нередко тщательно, прекрасно, талантливо) отдельные детали, в то время как общий контур намечен неясно, зыбко, расплывчато» [Горшков 1983: 159].

Для студента, лишённого фоновых знаний, исторической и лингвистической базы, вхождение в историю русского литературного языка становится непролазными джунглями, где практически всё неизвестно, затуманено и ускользает от внимания, поэтому не только не распознаются части великой картины жизни языка, но и не понимается, что там изображено. Тем более, что у студентов не сформированы знания о функциональной парадигме языка; они не осмысливают различия между литературным языком, диалектом и разговорной речью, литературным языком и языком литературы, письменной и устной формой существования языка и даже речью и языком;

будущие филологи сомневаются, что в быту используют литературный язык, а состоянию современного русского литературного языка ставят двойки и тройки.

На этом фоне убийственным выглядит количество часов, отводимое учебными планами на формирование базовых установок дисциплины, поэтому речь уже идет не только о любительской лингвистике (А. А. Зализняк), но и тех, кто «прописан» в лингвистике изнутри» (Е. Л. Березович).

С другой стороны, история русского литературного языка, непосредственно связанная с историей государственности, – лакомый «кусочек» для различных идеологических построений и фейковых открытий – от записей «на русском языке» в египетских пирамидах и уничтожения «исконного русского» языка Учителями славянского народа до полного отрицания древнерусского происхождения «Слова о полку Игореве» (или его обращение в древнеболгарский язык), сомнений в существовании летописей (или их написании на старославянском / церковнославянском языке), вычеркивания деловой письменности из литературного языка (но почему деловой язык остается в рамках современного русского литературного языка?), а вслед за этим отказу в литературном статусе «Поучению Владимира Мономаха» (это ж завещание!), «Хождению за три моря» (вроде жанр паломнический, но описание путешествия!) и под. Всё это сопровождается подгонкой фактов под псевдонаучные концепции типа представления в языке рефлекса ж<*dʲ в качестве церковнославянского, а не восточнославянского, что соответственно усиливает значимость южнославянских по происхождению (старославянских) элементов в истории русского литературного языка.

Всё это процветает на почве сложнейшей судьбы русского (и в первую очередь – восточнославянского) литературного языка, на исторически сложившихся лакунах без учета специфики средневековой книжности до бесконечности расширяются лазейки, позволяющие протолкнуть широкий набор «претензий на учёность в сочетании с неменьшим невежеством» [Бодуэн де Куртенэ 1963: 244]. Но и «квасной» патриотизм, и «пепсикольный» космополитизм, склоняющие генезис русского литературного языка в свою сторону, игнорируют самое главное – уникальность становления и развития русского литературного языка [Бекасова, Устюгова: 2019], которое, по наблюдению А. С. Пушкина, сделанному им еще в пору «младенческого» состояния литературного языка, дает основание утверждать: «Как материал словесности язык славяно-русский имеет неоспоримое превосходство перед всеми европейскими. Судьба его была чрезвычайно счастлива» [Пушкин 1994: 136].

Недобросовестность, формализм, отсутствие знаний истории России и истории языка, а также определенная идеологическая ориентация, чаще всего

на «просвещенный» и «процветающий» Запад, в соединении с проблемами изучения литературных языков в их историческом развитии приводит к разным результатам, но всё чаще отдающим махровым невежеством и неконтролируемой агрессией. Например, новосибирские коллеги отказали рецензируемой ими статье в праве на существование на том основании, что «всем известно, что русский язык <! без указания на литературный – Е.Б.> по происхождению старославянский». Даже пресловутая формула госсекретаря Псаки («всем известно, что газ идет из Европы через Украину в Россию») меркнет не столько перед ссылкой на старославянский язык, сколько перед отказом в существовании русскому языку вообще, поскольку, если вдуматься в утверждение новосибирских рецензентов, никакого восточнославянского языка не было – бедная Русь жила безмолвной до прихода старославянских книг, и соответственно и сейчас нашим государственным языком является старославянский, который почему-то называют русским. Когда Н. С. Трубецкой, осмысливая судьбу славянских литературных языков в условиях возникновения древнейшего литературно-письменного языка, делал вывод о том, что «русский литературный язык в отношении использования преемства древней литературно-языковой традиции стоит, по-видимому, действительно особняком среди литературных языков мира» [Трубецкой 1990б: 125–126], он и не предполагал, что фантазии некоторых доморощенных «специалистов» в области лингвистики откажут русскому языку в существовании задолго до начала СВО.

В связи с этим возрастает роль изучения истории русского литературного языка, особенно в условиях, когда в учебных планах за безликим «История русского языка» (и даже просто «История языка», поскольку так в ведущем педагогическом вузе России) исчезает традиционная, научно и методически обусловленная дифференциация – «Историческая грамматика» и «История русского литературного языка». В свое время В. В. Колесов, осмысливая значимость труда А. И. Горшкова «Теоретические основы истории русского литературного языка» [Горшков 1983], указывал, что «теория и история литературного языка определилась прежде всего как предмет вузовского преподавания, то есть вышла из практики филологической работы, а сегодня, когда роль литературного языка стала исключительно важной для всего общества, для всех без исключения, это тем более практический аспект изучения нашего языка» [Колесов 1985: 88]. Вследствие этого особо значимой становится любая, профессионально исполненная работа, охватывающая с учетом экстра- и интерлингвистических особенностей тысячелетнее развитие русского литературного языка в осмыслении научных проблем и дискуссионных вопросов его изучения.

В этом плане следует особо отметить работу Г. В. Судакова «История русского литературного языка. Методические материалы» [Судаков 2000], которая представляет собой научно выверенное изложение понятийного аппарата курса «История русского литературного языка» и краткое изложение основных тенденций развития литературного языка на основе строго отобранного исследовательского материала. Небольшой объем пособия позволяет рассматривать его как логически построенное руководство к действию, где обозначенные те или иные аспекты развития русского литературного языка позволяют в общих чертах, но без искажения дать представление о становлении и развитии русского литературного языка. Для учебных целей в условиях стремительного уменьшения часов на изучение данной дисциплины это весьма важно, особенно на заочном отделении, где количество лекционных часов покрывает только 1/10 жизни русского литературного языка.

Следует отметить, что Г. В. Судаков прежде всего формирует у студентов теоретические основы истории русского литературного языка в соответствии с современными научными достижениями в области понимания литературного языка как исторической категории; его места в функциональной парадигме языка; особенностей развития национальных языков и специфики классических литературных языков, включая старославянский язык и его наследие в становлении русского литературного языка; определяет специфику языковой ситуации и языковой нормы и под.

Рассмотрение базовых понятий позволяет перейти к дискуссионным проблемам, прежде всего связанным с генезисом русского литературного языка. При этом Г. В. Судаков совершенно справедливо указывает на принципиальные отличия литературных языков Средневековья от национальных, на неоднозначное понимание границ и состава литературного языка, а также на проблемы разграничения исконных и старославянских по происхождению элементов. Это позволяет объективно разобраться с современным состоянием вопроса об истоках древнерусского литературного языка [Судаков 2000: 3]. В соответствии с принятой в пособии периодизацией автор представляет направления развития литературного языка в определенных культурно-исторических условиях.

Следует подчеркнуть, что в этом случае мы имеем дело не с отстраненным описанием периодов или формальным следованием изложения в учебниках. Автор прекрасно ориентируется в материале, прежде всего на уровне лексики, которая, по мнению А. И. Горшкова и В. В. Колесова, представляет некую лакуну в изучении истории русского языка в отличие от фонетики и морфологии, тем более, что его главный труд – исследование истории слова – требовал в той или иной степени (как автор отметил, «в тезисной форме») рассмотреть источники

изучения русского языка [Судаков 2015: 13–16], а также затронуть «вечную проблему» исторической лексикологии» – «проблему соотношения и взаимодействия церковнославянской и собственно русской лексики, равно интересующую лексикологов» [Судаков 2015: 17].

Особо следует отметить работы Г. В. Судакова, в той или иной степени затрагивающие концептуальные понятия и ключевые моменты истории русского литературного языка: литературный язык Древней Руси и его периодизация [Судаков 1989], языковая ситуация [Судаков 1984; Судаков 1988; Судаков 1995]; феномен стиля «плетения словес» [Судаков 2023]; этапы развития русского литературного языка [Судаков 1999] и др.

Методические материалы Г. В. Судакова представляют собой краткий экскурс в историю русского литературного языка и дают правильное направление понимания не только специфики научного изучения истории языка, но и сложной судьбы русского литературного языка, а также его значимости в истории русского государства. Такие знания (поскольку компетенции здесь не работают) крайне необходимы лингвистам и – шире – филологам, но в первую очередь – учителям-словесникам, которые только на базе усвоения специфики формирования и развития русского литературного языка, его значимости для русской культуры и государства могут воспитать любовь к русскому языку и передать ученикам через призму родного языка ментальность народа.

Такой подход особенно важен на фоне санкций против русского языка, идущих извне и тлеющих внутри; раздувания фейков как обывателями, так и не обремененными знаниями «специалистами»; отмены не только Дня славянской культуры пока в отдельно взятом вузе, но и русского языка внутри истории в подготовке учителей русского языка для Российской Федерации и пр.

И для этого нужен первый шаг – вернуть уважение к русскому литературному языку и его истории, потому что именно на этом зиждутся важнейшие ценности русского мира.

Литература

Бекасова, Е. Н., Устюгова, Л. М. История русского литературного языка: время мутаций / Е. Н. Бекасова, Л. М. Устюгова // Пятые Моисеевские чтения: историко-культурный и лингвистический ландшафт региона: Материалы Международной научной конференции, посвящённой 100-летию Оренбургского государственного педагогического университета, 275-летию Оренбургской губернии и 285-летию образования Оренбургской комиссии [Электронный ресурс]. – Оренбург, Оренбургский государственный педагогический университет, 3 – 4 октября 2019 г. / сост. и науч. ред. П. А. Якимов. – Оренбург: Издательство «Оренбургская книга», 2019. – С. 15–24.

Бодуэн де Куртенэ, И. А. Избранные труды по общему языкознанию / И. А. Бодуэн де Куртенэ. – Т. I. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. – 384 с.

Горшков, А. И. Теоретические основы истории русского литературного языка / А. И. Горшков. – М.: Наука, 1983. – 160 с.

Колесов, В. В. Литературный русский язык: размышляя над новой книгой / В. В. Колесов // Русская речь. – 1985. – № 5. – С. 88–93.

Пушкин, А. С. Собрание сочинений в пяти томах / А. С. Пушкин. – Т. V. Автобиографическая проза. Отрывки, афоризмы. Критика и публицистика. Исторические сочинения. – С.-Пб.: Библиополис, 1994. – 708 с.

Судаков, Г. В. «Плетение словес» как способ создания текста (на материале «Жития Стефана Пермского») / Г. В. Судаков // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Исторические и филологические науки. – № 2 (29). – 2023. – С. 95–99.

Судаков, Г. В. История русского литературного языка. Методические материалы / Г. В. Судаков. – Вологда: «Русь», 2000. – 17 с.

Судаков, Г. В. История русского слова: монография / Г. В. Судаков. – 2-е изд., доп. – Вологда: ВоГУ, 2015. – 360 с.

Судаков, Г. В. Лингвистический ландшафт Московской Руси по лексическим данным / Г. В. Судаков. // Международный симпозиум по проблемам этимологии, исторической лексикологии и лексикографии. – М., 1984. – С. 93–94.

Судаков, Г. В. Литературный язык Древней Руси и периодизация истории древнерусской лексики / Г. В. Судаков. // История русского литературного языка старшей поры: основные проблемы и перспективы исследования. – М., 1989. – С. 98–99.

Судаков, Г. В. Ломоносов о языковой ситуации в середине XVIII века / Г. В. Судаков. // Русская региональная лексикология и лексикография. – Вологда: «Русь», 1999. – С. 30–37.

Судаков, Г. В. Ф. П. Филин об отражении языковой ситуации в словаре Московской Руси / Г. В. Судаков. // Актуальные проблемы исторической лексикологии и лексикографии восточнославянских языков. – Ч. 1. – Днепропетровск: ДГУ, 1988. – С. 194–195.

Судаков, Г. В. Языковая ситуация в Московской Руси XVI–XVII вв. / Г. В. Судаков. // Вопросы региональной лексикологии и ономастики. – Вологда: «Русь», 1995. – С. 5–9.

Трубецкой, Н. С. Общеславянский элемент в русской культуре / Н. С. Трубецкой // Вопросы языкознания. 1990а. № 2. С. 122–139.

Трубецкой, Н. С. Общеславянский элемент в русской культуре / Н. С. Трубецкой // Вопросы языкознания. – 1990б. – №3. – С.114–134.

Шахматов, А. А. Очерк современного русского языка / А. А. Шахматов. – М.: Учпедгиз, 1941. – 288 с.

Раздел I.
**ИСТОРИЯ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА: ФОНЕТИКА, ЛЕКСИКА,
ГРАММАТИКА**

Астахина Л. Ю.
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(г. Москва)

**ОБ ОДНОМ НЕИЗВЕСТНОМ СПИСКЕ ПОСЛАНИЯ ИВАНА IV В КИРИЛЛО-
БЕЛОЗЕРСКИЙ МОНАСТЫРЬ¹**

Аннотация. В статье комментируется текст Послания Ивана IV в Кирилло-Белозерский монастырь, ранее не вошедшего в обзоры эпистолярного наследия Ивана Грозного.

Ключевые слова: история русского литературного языка, переписка Ивана Грозного, лингвистическое источниковедение.

В 1951 г. под редакцией В. П. Адриановой-Перетц вышла книга «Послания Ивана Грозного», собранные и подготовленные к печати Я. С. Лурье и Д. С. Лихачевым (в 2025 г. эту книгу напечатали снова).

Впервые издание «Послания Ивана Грозного в Кирилло-Белозерский монастырь» было осуществлено в 1812 г. в книге «История Российской Иерархии» [т. IV: 420–479] по орфографии начала XIX в.

Второе издание этого Послания помещено в 1841 г. в первом томе «Актів исторических, собранных и изданных Археографической комиссиею». [т. 1. 1334–1598. – СПб., 1841. – С. 372–395; далее – АИ I]. Оно было напечатано по орфографии XIX в. с привлечением вариантов из пяти списков с таким указанием: «Послание царя Иоанна Васильевича Кирилло-Белозерскому игумену Козме, около 1578 г., сличенное по четырем спискам и печатному изданию в «Истории Российской Иерархии», Ч. IV, стр. 420–479. (Материал, весьма важный для биографии царя Иоанна и нравов духовенства тогдашнего времени, доселе не оцененный критикой) [АИ I: VII]. В конце этой публикации Послания читаем: «Из трех рукописных Сборников (XVII века, in 4⁰), хранящихся в Новгородской Софийской библиотеке: под № 99 или 814, л. 189–226 (1), под № 733 (из Кирилловских), л. 4–37 (2), и под № 56 или 973 (также из Кирилловских), л. 174–226 (3). Сверено также, для вариантов, с рукописным Царским Посланием (конца XVII века in 4⁰), находящимся в библиотеке Кирилло-Белозерского монастыря под № 16 или 813, л. 1–53 (4), и с напечатанным в Ист. Росс. Иерархии, Ч. IV, стр. 420–479 (5)» [АИ I: 395].

¹ Статья публикуется в авторской редакции, также сохранены авторские орфография и пунктуация

В основу издания 1951 г. Д. С. Лихачев взял список из «Архива Ленинградского отделения Института истории АН СССР, из собрания Н. П. Лихачева № 94: сборник, полуустав последней четверти XVII в., лл. 105–150» (Посл. Ив. Гр.: 562). Разночтения были привлечены из четырех списков [там же: 581]. В «Археографическом обзоре» Д. С. Лихачев отметил 28 известных к тому времени списков Послания, хранящихся в СПб ИИ, РНБ, БАН, РГБ, ГИМ, Тверском музее.

Послание опубликовано Д. С. Лихачевым по орфографии XX в., сопровождается обширными комментариями о лицах и об исторических событиях, упоминаемых в Послании, что несомненно ставит это издание в ряд выдающихся. Оно помогает ярче представить не только жизнь и быт в монастырях, но и отношение автора послания к нарушениям «иноческого жития». Ведь Иван IV отвечает на обращение к нему насельников Кирилло-Белозерского монастыря, текст которого, как пишет Д. С. Лихачев, не сохранился. Сам же Иван IV бывал в этом монастыре неоднократно: в 1544 г., 1545 г., а также в 1565 г. и весной 1567 г.

Внимательное прочтение Д. С. Лихачевым Послания, разделение его на слова и смысловые фрагменты, употребление современной пунктуации (включая тире, вопросительные и восклицательные знаки) говорит о глубоком проникновении издателя не только в текст Послания, но и в душевное состояние человека, написавшего (или надиктовавшего) его. Д. С. Лихачев отразил в издании и печаль автора, и иронию, и насмешку, и прямые упрёки, адресованные монахам за неправильное исполнение взятых ими на себя обязательств. Автор упрекает монахов Кирилло-Белозерского монастыря за то, что они не смогли у себя установить строгий порядок после того, как к ним после пострижения поселились богатые бояре, не желающие соблюдать монастырский устав. С сожалением приводит примеры о состоянии в других монастырях, где в свое время также были нарушены монастырские установления в силу различных причин. В тексте публикации Д. С. Лихачева эти настроения автора находят яркое воплощение, в том числе и в силу примененной пунктуации. Царь Иван IV ссылается на цитаты из Священного Писания, из Жития Иоанна Златоуста, из других произведений, известных на Руси в XVI в., что свидетельствует о начитанности автора, его несомненной эрудиции.

Приведем некоторые сведения из «Археографического обзора» Д. С. Лихачева.

«Послание Грозного в Кирилло-Белозерский монастырь игумену Козме» было впервые издано более 100 лет тому назад в I томе «Актов исторических» (СПб., 1841, № 204, стр. 352–394) по трем спискам и обычно отсюда переиздавались в отрывках или целиком. Н. М. Карамзин и первые издатели

Послания относили его приблизительно ко времени «около 1578 г.» на том основании, «что в нем говорится о царском походе в Ливонию («Зимусь, – пишет Грозный, – по него [по Варлама Собакина – А. Л.] потому не послали, что нам поход учинился в Немецкую землю»). Однако И. Н. Жданов и Н. К. Никольский доказали принадлежность этого Послания сентябрю 1573 г. Действительно, в списке Послания Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (ГПБ) (Софийское собрание, № 1152) на л. 117 имеется дата послания: «Лета 7082 [послание царя и великого князя] месяца сентября в 20 день в пречесную обитель пресвятыя и пречистыя владычица наша Богородица честнаго и славнаго ея Успения и преподобного и богоносного отца нашего Кирила чюдотворца». Что же касается до упоминаемого в послании похода в Немецкую землю, то здесь, очевидно, имеется в виду поход 1572–1573 гг. (Грозный выступил в этот поход в сентябре 1572 г., 1 января пал Витгенштейн, в апреле–мае Грозный вернулся назад) (Посл. Ив. Гр.: 562).

Далее Д. С. Лихачев дает описание 28 списков Послания, сообщает и подробно комментирует список № 332 из того же собрания Н. П. Лихачева, что и издаваемый им список. В нём есть киноварные указания копииста относительно вставок в текст Послания Ивана Грозного из Послания Иллариона Великого к некоему иноку, которому, по-видимому, «надлежало... сделать парадный список» [Посл. Ив. Гр.: 564].

Список Послания из РГАДА № 605/1113 не отмечен в перечне Д. С. Лихачева. Он находится в объемистом сборнике в 4⁰, написанном скорописью XVII в., среди других произведений. Сборник начинается «Хожением сѣго Ивана Феолога, списано учѣком его Прохором» (лл. 1–128). Далее идёт «Преподобного отца нашего Илариона Великого послание к некоему брату просившу у нег<о> и наказание к отрекшимся мира Христа ради» (лл. 129–163). На л. 163 об. – «Того же Илариона поучение ко иноком», на л. 168 – «Сѣга Василия о постничестве как подобает украшену быти иноку». На лл. 172 об.–175 об. – «Третье поучение к црем и ко кнзем и к епископом и попом и ко всѣм крѣстьяном еже не упиватися».

Послание Ивана IV в Кирилло-Белозерский монастырь занимает лл. 176–230 об. Далее на лл. 232–283 помещен «Алфавит», в котором греческие термины переводятся на русский язык. Завершает сборник «Список с грамотки» – копия письма Третьяка Васильева к младшему брату (лл. 283 об. – 287 об.). Этот последний документ, как одно из ранних свидетельств о расколе, в 1932 г. заинтересовал В. Ф. Ржигу, который безуспешно пытался дважды его опубликовать (сейчас это сделано мною в ТОДРЛ № 69). Тогда же, в 1932 г., В. Ф. Ржига выписал две карточки из письма Третьяка Васильева со словами *убелиться* и *уснежиться* и послал их Б. А. Ларину, работавшему над «Проектом

древнерусского словаря». Слово *уснежиться* оказалось единственной фиксацией в Картотеке Словаря русского языка XI–XVII вв. Б. А. Ларин в 1936 г. включил письмо Третьяка Васильева в Список источников своего «Проекта древнерусского словаря».

Список Послания в Кирилло-Белозерский монастырь из сборника № 605/1113 в Археографическом обзоре Д. С. Лихачев не упоминает. Откуда попал в архив этот сборник и почему в нем наряду с другими произведениями оказалось Послание Ивана Грозного в Кирилло-Белозерский монастырь, пока неясно, но осмелимся высказать предположение. Сборник в 4⁰ в досках, в кожаном коричневом переплете с тиснением, находится среди рукописей Московского Государственного архива Министерства иностранных дел (МГАМИД) в Российском государственном архиве древних актов. В «Путеводителе» Центрального Государственного архива древних актов есть указание: «В 1677 г. в Посольский приказ поступили рукописи и книги, принадлежавшие боярину А. С. Матвееву».

Высокообразованный просветитель второй половины XVII в. Артемон Сергеевич Матвеев оказался не чужд западных новшеств. Это он участвовал в организации театра для царя Алексея Михайловича, приобретал книги и картины западных мастеров. Именно он стал не угоден сыну прежнего монарха царю Федору Алексеевичу (1676–1682), попал в опалу и был сослан. А в 1682 г. закончил жизнь на копьях восставших стрельцов, когда, возвратившись из ссылки, вышел к ним с увещанием и просьбой прекратить мятеж. В свое время он возглавлял Стрелецкий приказ.

Содержание сборника № 605/1113 позволяет предположить, что он мог быть создан по заказу А. С. Матвеева или кого-либо из его окружения в качестве занимательного и поучительного чтения для людей, близких к его культурной среде. Вспомним, что последняя жена царя Алексея Михайловича, Наталья Нарышкина, мать Петра Первого, воспитывалась в доме А. С. Матвеева.

Точную дату списка, по которому создана копия № 605\1113, вычислить не удалось.

По прошествии более 70 лет после публикации Д. С. Лихачева возникло намерение осуществить издание неизвестного списка по правилам лингвистического источниковедения – направления, разработанного в русистике профессором С. И. Котковым, когда сохраняются все черты рукописи, отражающие особенности ее языка. Эта публикация была бы предназначена для изучения языка XVI в., отраженного в орфографии XVII в. Она сопровождается не только вариантами из двух изданий (1841 г. и 1951 г.), но и Указателем слов, в котором отразилась не только вся лексика, но и функционирование форм одного и того же слова.

В публикации почти полностью принимается пунктуация издания Д. С. Лихачева, так как она точно отражает оттенки настроения Ивана Грозного, автора Послания. Она ждет своего издателя.

Ганжина И. М.

Тверской государственный университет
(г. Тверь)

ДЕРИВАТЫ ХРИСТИАНСКИХ ЛИЧНЫХ ИМЕН С СУФФИКСАЛЬНЫМ -Ц- ЭЛЕМЕНТОМ

**(на материале тверских памятников деловой письменности
преднационального периода)**

Аннотация. В статье рассматриваются деривативные формы христианских личных имён (далее – ХЛИ) с -Ц-суффиксами: -ец, -ц(а), -иц(а), зафиксированные в тверской деловой письменности XVI–XVII вв. Анализируется возможность их образования от разных производящих основ, показана степень их употребительности, сочетаемостные возможности.

Ключевые слова: христианское личное имя, суффикс, дериват, производящая основа, преднациональный период

Согласный *ц* генетически родствен *к*, однако является более поздним по своему образованию: он, как известно, развился из **k* в результате его палатализации под влиянием предшествующих гласных переднего ряда, и изначально употребление *k – c* «зависело только от фонетических условий – от ряда предшествующего гласного», поэтому «первоначально было противопоставление суффиксов: 1) -ько и 2) -ьць (-ьце), -ица» [Толкачев 1977: 83]. Однако в исследуемый нами период данный закон давно перестал действовать, такое противопоставление суффиксальных вариантов усложнилось, и в результате действия закона аналогии выработалась целая группа самостоятельных -К- и -Ц-суффиксов.

Суффикс -ЕЦ, как показывает материал, в прошлом был достаточно широко распространен на тверских территориях, хотя в исследуемый период и не входил в число самых продуктивных формантов. В подавляющем большинстве случаев он прибавлялся к полному христианскому личному имени (далее – ХЛИ) с твердой консонантной основой: **Андрянец / Андреянец** < Андреян < Адриан; **Борисец** < Борис; **Гаврилец** < Гаврил / Гаврило / Гаврила < Гавриил; **Глебец** < Глеб; **Давыдец** < Давыд; **Данилец** < Данил / Данило / Данила < Даниил; **Демьянец** < Демьян < Дамиан; **Емельянец** < Емельян < Емилиан; **Иванец / Еванец / Ыванец** < Иван; **Игнатец** < Игнат < Игнатий; **Ивец** < Иев < Иов; **Иналец** < Инал < Инарх < Иринарх (мена *p / l* и выпадение серединного

слога *-ри-*); **Клепец** < Клеопа; **Конанец** < Конон; **Лукьянец** / **Лутьянец** < Лукьян / Лутьян < Лукиан; **Максимец** < Максим; **Мартемьянец** / **Мартьянец** < Мартемьян / Мартьян < Мартиниан; **Мартынец** < Мартин; **Никифорец** < Никифор; **Олферец** < Олфер < Елевферий, **Онтонец** < Онтон < Антоний; **Павелец** < Павел; **Петрец** < Петр; **Родионец** < Родион; **Романец** < Роман; **Селиванец** < Селиван < Сильван; **Семенец** / **Семьюнец** / **Сменец** (вероятно, *Смёнец* – судя по произношению современного топонима) < Семен; **Степанец** < Степан; **Трофимец** < Трофим; **Ульянец** < Ульян < Иулиан; **Федорец** < Федор; **Филипец** / **Филиппец** < Филипп; **Якимец** < Яким < Иоаким; **Яковец** < Яков.

Подобные образования от твердых основ являются вторичными, более поздними (А. И. Толкачев называет их «новообразованиями»), возникшими под влиянием либо исконных квалитативов с мягкой основой, либо квалитативов дохристианских личных и нарицательных имен, «в которых суфф. *-ьць* уже давно проник в твердые основы» [Толкачев 1977: 104]. Между тем в наших материалах число таких форм значительно преобладает. Однако в тверских материалах встречаются и формы на *-ец*, восходящие к полным личным именам с мягкой основой – в данном случае можно отметить две разновидности:

1) образования от собственно мягких согласных: **Василец** (исходное – известное еще в древнерусском языке имя *Василь* // Василий [Толкачев 1977а: 92], встречающееся и в тверских источниках); **Григорец** – производящая основа не совсем ясна: это может быть как усеченный мягкий вариант *Григорь* < Григор'ий, так и твердая основа усеченного имени: *Григор*; обе основы встречаются в составе тверских топонимов *Григорево*, *Григорово* (ТТС: 1060); **Михалец** < Михаль < Михаил (относительно этой неоднократно отмеченной в памятниках формы предполагаем, что она восходит к зафиксированному в разных текстах полному варианту *Михаль*, хотя нельзя исключить и возможность ее образования от твердой основы других вариантов имени Михаил: *Михаило* / *Михаила* (с утратой редуцированного гласного *и*);

2) образования от основ на *-j* – на *-ей* – как правило, ударное: **Алексеец** / **Олексеец** < Алексей; **Андреец** / **Ондреец** < Андрей; **Еремеец** < Еремей < Иеремия; **Матвеец** < Матвей < Матфей; **Сергиец** < Сергей; **Тимофеец** < Тимофей; **Юрьец** (орфогр. **Юрьиц**) < Юрий. В этом случае обычно *j* на письме не отражается, хотя отмечены и вариантные написания типа **Ондрейец**, **Матфейец** < Матфей; **Олексейц** < Алексей (последняя форма, возможно, появилась по аналогии с косвенными падежами – с выпадением *e*). К данной группе, возможно (при этом не исключено его прозвищное происхождение), относится и оним **Огурец** < Гурий, где, в соответствии с моделью, логично было бы ожидать промежуточную форму **Огурей*, однако в данном случае мог

сыграть свою роль и семантический фактор: влияние нарицательного *огурец* либо северного глагола *огуреть* 'ошалеть, одуреть' (СРНГ: 364).

Суффикс *-ЕЦ-* мог присоединяться и к усеченной консонантной основе: **Голец** < Галактион; **Елец** < Елизар / Елисей; **Зенец** < Зиновий; **Карец** / **Корец** < Корнил < Корнилий / Карион; **Конец** < Конон; **Курец** / **Чирец** < Курило / Чюрило < Кирилл (или от полного ХЛИ Кир); **Ларец** < Ларион; **Малец** < Малафей < Малахия; **Митец** < Митрей < Дмитрий; **Семец** < Семен; **Сенец** / **Синец** < Семенец < Семен (с гаплогогическим выпадением слога *-ме-*) / Арсений; **Федец** < Федор; **Ярец** < Ярофей < Иерофей (менее вероятным кажется его производство от личного имени *Ярослав*, встретившегося один раз в форме *Ерослав*, поскольку имена-композиата не были характерны для антропонимической системы исследуемого периода – за исключением имени *Владимир*). Материал показывает, что усечение основы обычно происходило за счет выпадения конечных звуков, и лишь в единичных случаях усекались начальные или срединные звуки – ср.: **Кунец** < Бакун < Абакум (ср. переход *м > н* в форме *Бакуня*) / *Кундин < Акиндин (ср. форму от того же суффикса с чередованием *и / у*: *Онкудинко*); **Палец** < Павел (ср. эту же производящую основу в широко распространенном деривате *Палка*, а также в современной разговорной форме *Пал Палыч*).

Как можно заметить, практически все подобные формы состоят из двух слогов, а суффикс прибавляется к консонантной основе, состоящей из трех звуков (за исключением онима *Огурец*, на появлении которого, вероятно, отразился фактор народной этимологии). Это вполне соответствует выведенному В. И. Супруном закону современной русской гипокористики [Супрун 2000: 77]. Более того, вполне вероятно, что подобные формы восходят к бессуффиксным дериватам, употребительность которых не была широкой в исследуемый период, но чрезвычайно широка в современных гипокористиках, например: **Ларец** < Ларя < Ларион, **Митец** < Митя < Митрей, **Сенец** < Сеня < Се(ме)н, **Палец** < Паля < Па(ве)л, **Федец** < *Федя < Федор, **Елец** < *Еля < Елисей / Елизар.

Кроме того, суффикс *-ЕЦ* мог прибавляться к некоторым суффиксальным дериватам, являвшимся единичными:

-Н-ЕЦ(ь): **Тимо-н-ец** < Тимоня < Тимофей; **Ха-н-ец** < Ганя < Гавриил (если предположить отражение на письме фрикативного произношения звука *ʒ*);

-ЯЙ-ЕЦ(ь): **Петр-я[й]-ец** < Петряй < Петр.

Суффикс *-ИЦ(а)*, по наблюдениям исследователей, в древнерусском языке в квалитативном значении употреблялся, начиная с XI в., а в XIV–XV вв. был очень продуктивным [Толкачев 1977: 110], главным образом в женских именах. В наших материалах подобные женские именованья также зафиксированы: *Аксиньица*, *Маница*, *Марфица*, *Марьица*, *Овдотьица*,

Огрофеница, Оксиньца, Офимьца, Офросиньца, Ульяница, Устиньца, Феклица. Представлен этот формант и в мужских личных именах, однако распространенность его была значительно меньше, чем у форманта *-ЕЦ*. Он присоединялся к именам как на твердый, так и на мягкий согласный – ср.: **Гридица** < Григорий, **Ильица / Елейца** (с редукцией заударного *и*) < Илья, **Костица** < Константин; **Лешица** < Алексей; **Матица** < Матвей; **Палица** < Павел (ср. *Палец, Палка*); **Юрица** < Юрий; **Апаница / Апоница** (варианты, в которых отразилось цоканье – неразличение в говоре или в речи писца аффрикат *ц* и *ч*) / **Офоница** < Апанасей / Офонасей < Афанасий; можно предположить в отдельных случаях и возможность образования формы **Галица / Галича** (второй вариант, вероятно, также появился в результате цоканья) < Галактион (ср. ту же исходную основу *гал-* / *гол-* в многочисленных деривативах: *Галаш / Голаш, Галан / Голан, Галах, Галута, Галько, Галко* и др.). Однако подобная форма отмечена лишь в составе патронима и более вероятным представляется все же ее отпрозвищное происхождение: фамилию *Галицын / Голицын* все антропонимисты соотносят с прозвищем от нарицательного *голица* [Федосюк 1981: 59; Унбегаун 1989: 182; Никонов 1993: 31; Грушко, Медведев 1998: 114; Полякова 2005: 97 и др.].

Большинство подобных образований, как и форм с суффиксом *-ец*, образованных от усеченной основы, являются дериватами второй степени и восходят к бессуффиксным, а изредка к суффиксальным формам (в настоящее время являющимся гипокористиками): **Гридица** < Gridя < Григорий; **Костица** < Костя < Константин; **Лешица** < Леша < Алексей; **Матица** < Матя < Матвей; **Офоница** < Офоня < Афанасий.

Кроме того, нами зафиксировано несколько случаев употребления в составе дериватов христианских личных имен форманта *-Ц(а)*, добавленного к усеченной (чаще односложной) основе (возможно, в ряде случаев через промежуточную бессуффиксную форму): **Борца** < Борис, **Велца** < Вельямин < Вениамин, **Панца** < Панфил / Пантелей / Панкратий; **Савца** < Сава / Савелий / Савастьян (< Севастиан); **Ельца / Ельча** < Елизар / Елисей; **Калица** < Калина < Каллиник; **Спица** < Спиридон. Однако в последних двух примерах исходная основа, как и формант (*-иц-а* или *-ц-а*) до конца не ясна: возможно, тут имела место аппликация конечного *и* основы и начального *и* суффикса; кроме того, не исключена и вероятность их прозвищного происхождения.

Употребительность того или иного *Ц*-суффикса отражена в следующей таблице.

Дериваты с Ц-суффиксами в мужских ХЛИ

Суффикс		Примеры	Количество употреблений	Процент
-ЕЦ	от полной основы на твердый согласный	<i>Лукьянец / Лутьянец</i> < Лукьян / Лутьян < Лукиан; <i>Мартынец</i> < Мартин; <i>Степанец</i> < Степан; <i>Трофимец</i> < Трофим	104	52,5 %
	от полной основы на мягкий согласный	<i>Григорец</i> < Григор'ий; <i>Еремеец</i> < Еремей < Иеремия; <i>Михалец</i> < Михаль < Михаил; <i>Тимофеец</i> < Тимофей	34	17,2 %
	от усеченной основы	<i>Зенец</i> < Зиновий; <i>Ларец</i> < Ларион; <i>Митец</i> < Митрей < Дмитрий; <i>Федец</i> < Федор	34	17,2 %
	от суффиксальных дериватов	<i>Петр-я[j]-ец</i> < Петрай < Петр; <i>Тимо-н-ец</i> < Тимоня < Тимофей; <i>Ха-н-ец</i> < Ганя < Гавриил	3	1,5 %
-ИЦ (а)		<i>Гридица</i> < Григорий, <i>Матица</i> < Матвей; <i>Офоница</i> < Афанасий; <i>Юрица</i> < Юрий	16	8,1 %
-Ц(а)		<i>Ельца / Ельча</i> < Елизар / Елисей; <i>Панца</i> < Панфил / Пантелей / Панкратий; <i>Савца</i> < Сава / Савелий / Савастьян (< Севастиан)	7	3,5 %
Общее количество			198 (= 100 %)	

Как видим из таблицы, наиболее употребительным из Ц-суффиксов был формант *-ЕЦ*, обладавший широкими сочетаемостными возможностями. Как и формант *-К* (*а, -о*), он мог добавляться к основам, оканчивавшимся как на твердый, так и на мягкий согласный, как к полным именам, так и к сокращенным основам, а также образовывать дериваты второй степени, прибавляясь к готовым деривативным формам – как бессуффиксным, так и суффиксальным.

Тем не менее дериваты с суффиксом *-ец* нельзя отнести в преднациональный период к числу широко распространенных, подавляющее большинство зафиксированных нами форм подобного типа входит в состав тверских топонимов и патронимов, что, по-видимому, свидетельствует об употребительности подобных онимов в более ранний период и о снижении их активности в качестве живых форм в XVI–XVII вв. Дериваты же от мужских

имен с суффиксом *-иц(а)*, по всей вероятности, никогда не входили в ранг широкоупотребительных, а в дальнейшем число подобных образований постепенно сокращалось. Так, Е. Л. Гвоздева и Е. А. Охомуш, исследовавшие мужские календарные имена в русской деловой письменности Северо-Восточной Руси XIV–XVI вв., отнесли суффикс *-ец* к числу продуктивных, в то время как соотносительный с ним суффикс *-иц(а)* для мужских имен того периода отметили как малопродуктивный [Гвоздева, Охомуш 1989: 29]. Заметим также, что в некоторых работах, содержащих отрывочные наблюдения за формами личных имен, вообще не встречаются ХЛИ с этим суффиксом в именовании мужчин, он зафиксирован исключительно у женщин [Комарова 2000: 12].

Материалы тверских документов свидетельствуют о том, что в преднациональный период, по всей видимости, формы мужских имен с суффиксом *-ЕЦ* являлись уже локально ограниченными: так, немногочисленные реально функционировавшие личные имена с этим суффиксом зафиксированы по большей части в Бежецких писцовых книгах (земли, входившие во владения Новгорода); формы мужских личных имен с суффиксом *-ИЦ(а)* также ограничены, видимо, территорией северных говоров. Так, В. А. Никонов полагал, что фамилии на *-ицын* имеют повышенную частотность на Севере в сравнении со Средней Россией [Никонов 1980: 140].

Однако дериваты с формантом *-иц(а)* не утратились в неофициальном употреблении и продолжают функционировать до сих пор в бытовой речи, являясь, по всей видимости, оставаясь территориально ограниченными. Модель образования подобных форм, отмеченных нами в документах преднационального периода, в настоящее время сохраняется в отдельных регионах Тверской области: так, по данным проведенных автором диалектологических экспедиций, и в настоящее время в ряде районов сельской местности (в частности в Зубцовском и Жарковском) используется суффикс *-иц(а)* для образования деминутивов от гипокористических форм мужских имен: *Федица* < Федя < Федор, *Ваница* < Ваня < Иван; *Мишица* < Миша < Михаил и т. п.

Источники

СРНГ – Словарь русских народных говоров / главный редактор Ф. П. Филин. – Вып. 22. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1987. – 368 с.

ТТС – Воробьев, В. М. Тверской топонимический словарь / В. М. Воробьев. – М.: Русский путь, 2005. – 472 с.

Литература

Гвоздева, Е. Л., Охомуш, Е. А. Образование и функционирование мужских календарных имен с суффиксами *-ец*, *-иц(а)* в русской деловой письменности XIV–

XVI вв. / Е. Л. Гвоздева, Е. А. Охомуш // Ономастика Поволжья: материалы VI междунар. конф. – Волгоград: ВГПИ, 1989. – С. 28–29.

Грушко, Е. А., Медведев, Ю. М. Фамилии... / Е. А. Грушко, Ю. М. Медведев. – М.: Рольф, Айрис-пресс, 1998. – 574 с.

Комарова, Л. Э. Тюменские челобитные XVII – первой четверти XVIII века как лингвистический источник / Л. Э. Комарова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тюмень, 2000. – 27 с.

Никонов, В. А. Северные фамилии / В. А. Никонов // Этимология 1978. – М.: Наука, 1980. – С. 134–152.

Никонов, В. А. Словарь русских фамилий / В. А. Никонов. – М.: Школа-Пресс, 1993. – 222 с.

Полякова, Е. Н. Словарь пермских фамилий / Е. Н. Полякова. – Пермь: Книжный мир, 2005. – 463 с.

Супрун, В. И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал / В. И. Супрун. – Волгоград: Перемена, 2000. – 172 с.

Толкачев, А. И. К истории словообразования форм со значением субъективной оценки (квалитативов) личных собственных имен греческого происхождения в древнерусском языке XI–XV вв. / А. И. Толкачев // Историческая ономастика. – М.: Наука, 1977. – С. 72–130.

Унбегаун, Б.-О. Русские фамилии / Б.-О. Унбегаун. – М.: Прогресс, 1989. – 443 с.

Федосюк, Ю. А. Русские фамилии: Популярный этимологический словарь / Ю. А. Федосюк. – М.: Детская литература, 1981. – 239 с.

Генералова Е. В.

Институт лингвистических исследований Российской Академии наук
(г. Санкт-Петербург)

ЦЕРКОВЬ КЛЕТЦКИ И КЛЕТКА С ПОДКЛЕТОМ: СТРОИТЕЛЬНАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ С ОСНОВОЙ -КЛЕТ- В СТАРОРУССКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. В статье рассматривается семантика и функционирование лексемы *кльть* (*клеть*) и производных в старорусском языке. На примере слов, принадлежащих к лексике строительства, демонстрируются характерные особенности предметно-бытовой лексики в языке Московской Руси. Подробно описывается семантика составных наименований со словами *клеть* и *клетка*, терминология для обозначения клетского храма как особого типа постройки в русском деревянном зодчестве.

Ключевые слова: историческая лексикология, строительная терминология, предметно-бытовая лексика, гнездо *-кльт-* (*-клет-*).

Строительная терминология в русском языке многочисленна и разнообразна. Эта лексическая группа исследовалась в лингвистическом, историко-архитектурном и этнокультурном отношении. Используемая в

истории строительная лексика получает отражение в архитектурных словарях и справочниках, попадает на страницы общих и специальных исторических словарей, однако до настоящего момента не была предметом отдельного лингвистического лексикографического проекта.

При этом трудно переоценить значимость этого пласта лексики. Восстановление истории каждого конкретного слова и выражения важно и в культурологическом отношении с учетом уникальности феномена русского деревянного зодчества, и в историко-лингвистическом: «русская строительная терминология является одной из старейших терминосистем, так как ее основной фонд сложился еще до XVII в.» [Верещагина, Савинцева 2016: 87].

Предметом настоящей статьи выступает семантика и функционирование слова *клеть* (*кльть*)¹ и производных в старорусском языке. Изучение названий предметов плодотворно на материале памятников старорусского языка в связи с большим количеством конкретной лексики, содержащейся в разножанровых деловых документах, дошедших от этой эпохи: «количественное увеличение предметно-бытового словаря в языке Московской Руси – реальное явление истории языка, даже если делать скидку на разный объем и неодинаковые информативные качества текстов, написанных до XV в., с одной стороны, и источников XVI–XVII вв., с другой» [Судаков 2010: 78]. В частности, активно в этот период формируется строительная терминологическая система. Интересно, что и «самые древние деревянные храмы, которые сохранились до нашего времени, датируются, в основном XVI–XVII вв.» [Дорофеева 2024: 37].

Слово *клеть* относится к пласту предметно-бытовой лексики и обладает характерными признаками единиц этого объединения, выделенными Г. В. Судаковым: может быть интерпретировано как этнографизм, сближается с народной терминологией [Судаков 2017: 16].

Слово принадлежит к общеславянской лексике, имеет соответствия в балтийских языках [Фасмер: 249]. Для терминологии русского зодчества характерно обилие слов исконного происхождения (см. *захаб*, *охлупень*, *причелина* и др.), эта специфика хорошо видна по сравнению с другими терминами архитектуры и строительства. Слово известно уже в древнерусском языке, но особенно активно используется в языке Московской Руси, являясь высокочастотным, образуя обширное словообразовательное гнездо и устойчивые сочетания, развивая различные значения.

Древнейшая и исходная семантика лексемы *клеть*, лежащая в основе других значений этого слова и однокоренных, – обозначение четырехугольного сруба: «Клеть – простейшая конструкция в деревянном строительстве; крытый

¹ Слова с корнем *-клет-* имеют этимологический ять в корне слова (*-кльт-*). С учетом множественности графико-орфографических вариантов в памятниках старорусского языка, в статье лексемы в начальной форме приводятся в приближенной к современной графике записи, в цитатах воспроизводится использованное в источниках написание.

прямоугольный деревянный сруб, который образуется положенными друг на друга венцами из бревен: широко применяется в деревянной архитектуре (избы, хозяйственные постройки, церковь клетского типа)» [Сафонова 2018: 139–140]. Сруб – основа главного и простейшего типа постройки в деревянном зодчестве. В старорусском языке основная семантика лексемы, реализуемая множеством контекстов, – ‘неотапливаемая бревенчатая или дощатая постройка’: *А хором в тои нашеи деревни изба да клеть, да напогребица, да на гумне овин* (А. Сав. Стор. м., 23, 1548 г.). Принадлежность клетки как типа постройки к деревянному зодчеству закреплена даже в пословице XVII в.: *Печать воцаная. а клѣть дощаная* (Сим. Послов., 132, XVII в.). По признаку неотапливаемости клеть противопоставляется избе: *На томъ же гостинь дворъ изба дубовая 3-хъ сажень, крыта лубьемъ вновъ; противъ избы клѣть ольховая, крыта лубьемъ вновъ* (АМГ III, 23, 1660 г.).

В том же значении в памятниках старорусского языка активно используется производная от *клеть* лексема *клетка*: *Двор, на дворе хором: изба ветха, 2 клетки ветхи, да конюшня колотоя ветха* (РД IV, 42, 1671 г.). Лексема *клетка*, образованная путем добавления к *клеть* уменьшительного суффикса *-к-*, очень характерна для делового и обиходного языка XVI–XVII вв. Г. В. Судаков подчеркивает «особую развитость уменьшительных образований в старорусской письменности» и подробно описывает последовательность появления и семантическое развитие таких производных: «после непродолжительного функционирования у слова возникает деминутив, имеющий ту же стилистическую окраску, но отличающийся оттенком значений... На следующем этапе происходит десемантизация деминутива с утратой оттенка уменьшительности и приобретением способности обозначать модифицированный вариант или новый тип реалии, при этом начальная форма может перейти в разряд архаично-книжных слов, утратить в значительной степени конкретное значение и приблизиться по характеру семантики к общему именованию. Одновременно происходит развитие вторичного деминутива по соответствующей модели» [Судаков 2010: 80–81]. Именно таким образом происходит развитие гнезда с опорным словом *клеть*: *клеть > клетка > клетченка* наряду с *клеть > клетенка, клеть > клетишка, клеть > клетица* и др. Различные уменьшительные (в ряде случаев с оттенком пренебрежения) от первоначальной основы *-клет-* и от производной *-клетк-* – типичные дериваты старорусского языка: см. *клетица, клетушка*, а также обнаруживающие морфологическое варьирование по роду *клетенка* и *клетенко, клетишко* и *клетишка, клетченка* и *клетченко*.

Другая характерная черта функционирования конкретной лексики в памятниках этого периода – активное образование с такими словами устойчивых сочетаний-коллокаций, уточняющих в разном отношении

семантику исходного существительного, причем «анализ семантики слов, определяющих существительные в составных наименованиях, позволяет восстановить не только утраченные реалии, но и сам тип древнего взгляда на мир, поскольку дает информацию о дифференциальных, значимых для древнего человека признаках, используемых при назывании той или иной реалии» [Генералова 2014: 117].

Со словом *клеть* с семантикой 'неотапливаемая постройка' активно образуются сочетания, уточняющие тип постройки и ее назначение. Г. В. Судаков обращает внимание на то, что «именно функция считалась определяющим признаком предмета, сделанного человеком для своих нужд» [Судаков 2008: 147]. Различное предназначение клетки находит отражение в соответствующей семантике единицы и формировании составных наименований. Чаще всего клеть использовалась как хозяйственная, производственная, реже торговая постройка, неслучайно в русско-иностранных разговорниках XVI–XVII вв. слово включено в ряд обозначений производственных помещений: *Pogreb [погреб] Ein keller Komorka [коморка]. Aber. klet [клеть] Ein Kammer* (Аноним. разг., 28, сер. XVI в.). Частая специализированная семантика слова – 'кладовая (для продуктов, одежды, предметов обихода, снаряжения и т. п.)': *И у нас после Велика дни на другой недѣле со вторника под середу покрали клеть а в клетти покрали служивую рухледь, седло и саадаки* (Ст. печ. пр., 64, 1613 г.). Устойчивые сочетания указывают на назначение (и нередко расположение) такой хозяйственной постройки: *клеть дворовая, клеть мельничная, клеть таможенная, клеть полевая* 'хозяйственная постройка для хранения полевого инвентаря, а также, вероятно, части урожая', *клеть соляная (варничная)* 'хозяйственная постройка при варнице для хранения соли' и др. Постройка могла использоваться и как торговое помещение: см. *клеть торговая, клетка кабацкая*. Слово *клеть* также обозначало и помещение для хранения зерна, амбар: *Украли ис клетки три куля сухорей четвертных да муки гръчної куль да пшена куль* [Сл. Ворон. 2: 66]. В значении 'амбар' используются и устойчивые сочетания с уточняющими семантику многозначного слова *клеть* определениями: *клеть житница* и *клеть хлебная*. В летнее время неотапливаемое помещение могло служить и жилым, в связи с чем возникают составное наименование *клетка людская* 'помещение для прислуги'. Образование таких сочетаний – яркая примета старорусского языка: «используя в имущественных росписях название какой-то хозяйственной реалии, писец, не уверенный, во-первых, в общерусском характере слова, во-вторых, в знании читателем хозяйственной полезности того или иного предмета, во избежание непонимания, двусмысленности старательно описывал функцию, предназначение предмета, помогая читателю правильно идентифицировать упоминаемую вещь» [Судаков 2008: 145].

В текстах также часты уточнения вида нижней части такой постройки: *клеть (клетка) наземная* ‘постройка, уровень пола в которой совпадает с уровнем земли или возвышается над ней (в отличие от землянок)’, *клеть (клетка) с подклетом (на подклете)* ‘постройка, стоящая на нижнем этаже хозяйственного назначения’ и близкое ему *клетка на погребке*.

В результате метонимического переноса существительные *клеть* и *клетка* могли обозначать не только постройку в целом, но и отдельное помещение в ней: *На дворе 2 избы, конюшня, в конюшни 5 стоел, клетка, денник, 4 навеса, горожены забором, крыты соломою; ворота к притвору* (АХБМ I, 83, 1667 г.). Слово *клетца* используется для обозначения монашеской кельи.

Специфической строительной семантикой лексем *клеть* и *клетка* являются значения: ‘крытая надстройка; чердак’ (*Над ворота ж надобеть кровли или какие клѣтки учинити. чтобы былъ въздѣ хорошии и сухи. и чтобы ворота от дождя и от иныхъ непогодъ в суши стояли должае и не изгнили* (Назиратель, 167, XVI в.)) и ‘помещение в городской стене’ (*Осмотрели в городской стене в клѣтке четвертей с шесть муки ржаной тоъ клѣтку запечатав велел беречь* (Сл. Перм. 1: 251)).

Кроме того, лексемы могли обозначать разные объекты в форме параллелепипеда: *клеть* ‘четырёхугольная укладка бревен’, *клетка* ‘деревянный крытый ящик, для хранения, транспортировки чего-л.’, в том числе ‘ящик, заполненный землей или камнями, используемый для укрепления моста или другого сооружения’ и ‘ящик, вместимостью до 500 пудов, для перевозки на плоту зерна, льна, угля и т. п.’

У слова *клетка* образуются и специфические значения, становящиеся основной семантикой этого слова в современном русском языке. На это обращал внимание В. В. Виноградов, когда писал, что «слово *клетка* постепенно деэтимологизируется, отрывается от слова *клеть* и, обрастая новыми значениями, входит в основной словарный фонд национального русского языка» [Виноградов 1999: 80–81]. Будущая основная семантика слова *клетка*, сформировавшаяся уже в языке XVI–XVII вв., представлена двумя значениями. Во-первых, это семантика ‘изображение четырехугольной формы: узор, образованный пересечением полос под прямым углом’ (значение реализуется и в производных словах: *клеточка* (см. терминосочетание *вышить в клеточку*), *клетчатина* и *клетчетина* ‘полотно с узором, вытканым в виде клеток’, *клетчатый*). Во-вторых, в текстах XVI–XVII вв. слово *клетка* хорошо известно как обозначение сооружения из прутьев, решеток для искусственного ограничения свободы и передвижения кого-л.: для содержания птиц (ср. в текстах старорусского языка упоминаются *попугаиные* и *попугаеви, кинареечные, скворцовые, перепелочные, щеглятьи* и др. клетки) и для содержания людей.

В качестве строительной предметной лексики с корнем *-клет-* функционируют слова *подклет* и *подклеть*, *клетница*, *клетский*, *клетчатый*.

Слово *подклет* (*подклеть*) обозначало нижний этаж, помещение под полом постройки, обычно использовавшееся с хозяйственной или производственной функцией. Это тоже одна из центральных реалий русского деревянного зодчества: подклет использовался как кладовая, мастерская, зимой там могли содержать скот. На севере России были распространены постройки на высоком подклете, в то время как в средней полосе он приближался по типу к погребу, подполу [Сафонова 2018: 237-238]. Из терминологии деревянного зодчества термин перешел и в лексику каменного строительства. Слово известно в русском языке с XV в., высокочастотно, имеет ряд производных: уменьшительно-пренебрежительное *подклетешко*, относительное прилагательное *подклетный*, которое, субстантивируясь в форме среднего рода, служило обозначением пошлыны – *подклетное*.

Слово *клетница* старец Арсений Суханов использует в своем «Проскинитарии» (своеобразном отчете о паломничестве в Иерусалим и другие святые места) для обозначения специфического архитектурного сооружения – небольшого размера часовни в центре храма, кувуклии. В тексте словом *клетница* обозначается такая кувуклия в Храме Гроба Господня, в Храме Успения Пресвятой Богородицы, а также погребальная камера внутри часовни в центре храма Гроба Господня. Такое использование слова своего языка, а не заимствования даже при описании иноземных реалий характерно для старорусского периода.

Прилагательные от основы *-клет-* с разными суффиксами специализируются в относительных значениях: *клетный* ‘относящийся к клетки’, *клетчатый* ‘имеющий рисунок в виде квадратов или прямоугольников’, но прилагательные *клетчатый* и *клетский* относятся и к лексике строительства. Эти слова обозначали древнейший тип храма, характерный для русского деревянного зодчества – культовую постройку в виде четырехугольного сруба, перекрытого двускатной кровлей, с прирубленной с востока алтарной частью, а с запада – трапезной: *Да на монастыре храм другой теплой клетчатой* (Сл. промысл., 3: 471). В современном языке как архитектурный термин для обозначения этого типа храма функционирует слово *клетский* см. [Сафонова 2018: 243-244; Носкова 2018; Бодэ и др. 2023]. В старорусском языке это слово (лишь несколько раз в графическом облике *клетский*, в большинстве же случаев в виде *клецкий* и *клецкий*) частотно, но известно прежде всего в составе устойчивых словосочетаний, синонимичным сочетаниям с другими компонентами с корнем *-клет-*. Широко распространены терминосочетания *рубить клетцим делом* (*клетцы*, *клетци*, *в клетци*): *А в сельь храмъ Николы чудотворца рублен клецки с трапезою* (Шумаков. Сот. и гр.,

13, 1594 г.). В качестве наименований храма такого типа используются обозначения *церковь (храм) [древяна(я, -ый)] клетци (клетки, в клетки)*.

С понятийной точки зрения ясно, что речь идет о специфическом типе русского храма, который в современной архитектурной терминологии и называется *клетский*. А вот в лингвистическом плане загадки остаются, потому что определение частеречного статуса (и лексикографическое представление) образований с корнем *-клет-* затруднительно. Вероятно, слово *клетци (клецки)* – это наречие, произошедшее от прилагательного *клетский*: *клетский > клетски (клетци, клецки)* (хотя большинство наречий на *-ски* (и *-цки*) образуется от прилагательных, мотивированных существительными со значением лица (*зверский > зверски, мертвец > мертвецки*), но есть и другие). Возможно, наречие начинает формироваться и на базе существительного *клетка*, которое в форме множественного числа встречается в качестве несогласованного определения как в форме винительного падежа с предлогом *в* (*А впереду церковь древяна в клѣтки во имя св[ятой] великомученицы Параскевы* (Сл. промысл., 3: 477) (ср. *вдребезги, взаймы*), так и без предлога в форме именительного падежа как приложение (*В Неревском же концы за городомъ в Кузмодемьянскомъ заполье за Деревянымъ городомъ церковь древяная Успенъе Пречистые, клетки* (Новг. писц. кн. I, 46, к. XVI в.), *Церковь Преображение Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа древянна клетки вверхъ шатромъ* (А. Нижегород. Печ. м., 23, 1642 г.)). Особенно сложна для объяснения форма *в клецки*: *А в нем церковь во имя преподобнаго отца нашего Сергия, рублена в клѣцки, низкая* (Сл. промысл., 3: 234). С одной стороны, она может быть объяснена как образование от краткого прилагательного *клетский* с предлогом *в* (ср. *вкратце, вчерне, вдалеке*). С другой стороны, краткое прилагательное возможно только от качественного прилагательного, а *клетский* – относительное. Можно предположить наличие аналогии между образованиями *в клетци* и *в клетки* или отражением в тексте диалектной фонетики.

В языке последующего периода слово *клеть* постепенно устаревает (Сл18: 560). В. В. Виноградов пишет, что оно входило в основной словарный фонд русского языка, вероятно, вплоть до XVIII в. [Виноградов 1999: 80–81]. На всем протяжении функционирования в русском языке слово сохраняет свою основную семантику ‘деревянная постройка в виде четырехугольного сруба’, но в современном языке несколько сужает ее, обозначая преимущественно хозяйственные постройки. Слово *клетка* закрепляется в указанных выше специфических значениях и развивает новые, обособляясь от исходного *клеть*. Из многочисленных уменьшительных до нашего времени доходят *клеточка* как деминутив от *клетка* (с теми же значениями) и *клетушка* ‘небольшое,

тесное жилое помещение' – слово, сохраняющее в современном русском языке как раз исходную (строительную) семантику корня.

Источники

Расшифровку сокращенных названий источников см. <https://xvi-xvii.iling.spb.ru/sources>

Словари

Сафонова, Н. К. Русское зодчество. Иллюстрированный словарь русских архитектурных терминов и понятий / Н. К. Сафонова. – СПб.: Феникс, 2018. – 386 с.

Сл. Ворон – Хитрова, В. И. Русская историческая и диалектная лексикология: Материалы к практическим занятиям по истории русского литературного языка и русской диалектологии. / В. И. Хитрова. – М., 1989.

Сл. Перм. I-II – Полякова, Е. Н. Словарь лексики пермских памятников XVI – начала XVIII века: в 2 т. / Е. Н. Полякова. – Пермь: изд-во Перм. Гос. ун-та, 2010.

Сл. Промысл. I-III – Словарь промысловой лексики Северной Руси XV–XVII вв. / Ред. Ю. И. Чайкина. Вып. 1–3. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2003–2015.

Сл18 – Словарь русского языка XVIII вв. Вып. 10. Кастальский – Крѣпостца. – СПб: Наука, 1998. – 256 с.

Фасмер – Фасмер, М. Этимологический словарь современного русского языка. Вып. 2. Е – муж. / М. Фасмер. – М: Астрель-Аст, 2004. – 672 с.

Литература

Бодэ, А. Б., Воеводин, И. В., Жигальцова, Т. В. Деревянные клетские храмы Нижегородского Заволжья. Новые типологические исследования / А. Б. Бодэ, И. В. Воеводин, Т. В. Жигальцова // Вестник МГСУ. – 2023. – Т. 18. – № 2. – С. 192–201.

Верещагина, И. М., Савинцева, М. Е. Русская архитектурно-строительная терминология. культурологический аспект / И. М. Верещагина, М. Е. Савинцева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 11-3 (65). – С. 87–92.

Виноградов, В. В. История слов / В. В. Виноградов. – М.: Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова, 1999. – 1138 с.

Генералова, Е. В. Составные наименования в истории русского языка / Е. В. Генералова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. – 2014. – № 3. – С. 110-121.

Дорофеева, Т. Г. Самобытность русского деревянного храмостроительства / Т. Г. Дорофеева // Annali D'italia. – 2024. – № 55. – С. 37-39.

Носкова, А. Г. Клетские храмы Присвирия XVI-XVII веков / А. Г. Носкова // Сборник научных трудов РААСН по научному обеспечению развития архитектуры, градостроительства и строительной отрасли Российской Федерации в 2017 г.: сб. научных трудов РААС. – М., 2018. – С. 140-148.

Судаков, Г. В. Древний русич как этнограф и лексиколог / Г. В. Судаков // Русская историческая лексикология и лексикография. межвуз. сб. – СПб.: СПбГУ, 2008. – С. 145-166.

Судаков, Г. В. Лексика русского языка преднационального периода в структурно-семантическом и функциональном аспектах / Г. В. Судаков // Слово и текст в культурном сознании эпохи: сб. научных трудов. – Вологда: ВГПУ, 2010. – С. 77–86.

Судаков, Г. В. Типология лексических групп русского языка / Г. В. Судаков // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. – 2017. – № 2 (55). – С. 76– 88.

Никитин О. В., Рыжков Е. В.

Петрозаводский государственный университет
(г. Петрозаводск)

ПИСЬМА И ДЕЛОВЫЕ БУМАГИ АДМИРАЛА Ф. Ф. УШАКОВА КОНЦА XVIII В. КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК (ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ)

Аннотация. В статье анализируются письма и деловые бумаги адмирала Ф. Ф. Ушакова с точки зрения выявления в них индивидуально-речевых особенностей и типичных черт делового языка второй половины XVIII в. Обращается внимание на проблематику писем, связанную с морскими походами Ф. Ф. Ушакова. Отмечается, что в их текстах встречается большое количество специальных терминов и заимствований. Выявляются наиболее характерные черты авторского стиля, отразившиеся в бумагах Ф. Ф. Ушакова. Намечается перспектива изучения данных текстов в аспекте лингвистического источниковедения и исследования языковой личности адмирала.

Ключевые слова: Ф. Ф. Ушаков, деловой язык, лингвистическое источниковедение, письменная речь, термин, заимствование.

XVIII в. в истории русской культуры и языкового творчества представляет собой очень интересный этап формирования новых традиций: исторических, военных, научных, духовных. Это эпоха, в которую происходили значимые события в жизни России, повернувшие дальнейший ход её развития в европейское русло. Большое влияние на становление государственности страны в то время имели яркие личности – «птенцы гнезда Петрова»: от В. Н. Татищева и В. Е. Адодурова до М. В. Ломоносова, от Екатерины II и Е. Р. Дашковой до А. В. Суворова и Ф. Ф. Ушакова. Все они в той или иной мере, даже те, кто родился много позднее правления Петра Великого, впитали заложенные им традиции и каждый по-своему возвращал любимое Отечество, приумножал его достижения и победы, менял историко-культурный облик патриархальной страны. Поэтому многие события XVIII в. связывают именно с судьбами выдающихся деятелей – творцов и созидателей законов нового языка, боевого духа армии и флота, промышленности – с путешественниками, первооткрывателями, учёными, царедворцами. Если изучение их биографий –

это удел историков, то для лингвистов большой исследовательский интерес представляют документальные свидетельства таких личностей: письма, донесения, научные труды, художественное творчество, которые содержат любопытные языковые факты.

В этом отношении личность адмирала Фёдора Фёдоровича Ушакова (1745–1817), легендарного русского флотоводца, командующего Черноморским флотом, победителя крупнейших сражений в Средиземном и Чёрном морях, несокрушимого «Ушак-паши», привлекает к себе исключительное внимание [Ганичев 1990]. В 2001 г. Русская православная церковь причислила его к лику святых как праведного воина Феодора Ушакова, христианина-подвижника, воспитавшего плеяду русских моряков, каждую свою битву начинавшего с молитвы, дорожившего жизнью подопечных [Праведный воин 2015]. Он выиграл более 40 морских баталий с минимальными потерями. Все сражения, в которых Ф. Ф. Ушаков принимал участие, заканчивались не просто победой, а уважением к побеждённым – так мог вести себя только сильный, глубоко верующий человек, обладавший одержимостью и крепким духом.

В его биографии много интересных фактов. Юный Фёдор Ушаков усердно учился в Морском кадетском корпусе, куда поступил по своему большому желанию, потому что его влекли синие и могучие воды. Затем он служил на флоте в Балтийском море, где отработывал навыки, получал первые практические знания, приобретал личный опыт в военном деле. Капитан 1 ранга в отставке И. И. Бочаров пишет, что офицер Ушаков воспитывал в себе организаторские качества, находясь под влиянием вице-адмирала А. Н. Синявина [Бочаров 2004: 6]. Легко верится в то, что Ф. Ф. Ушаков – прилежный и учтивый командир по отношению к своим капитанам, он всегда был вежлив и к рядовым морякам.

Эпистолярное наследие Ф. Ф. Ушакова при повышенном интересе к исторической личности флотоводца до сих пор остаётся никем не тронутым с точки зрения языковых особенностей авторских текстов и выявления в них как типичных черт русской деловой письменности XVIII в., так и индивидуальных особенностей словесного почерка Ф. Ф. Ушакова. К настоящему времени его разнообразная переписка издана и составляет три объёмных тома (Адмирал Ушаков), вобравшие в себя практически все документальные свидетельства легендарной биографии. Эта «Ушаковская энциклопедия» 1951–1956 гг. уже давно стала библиографической редкостью. В 2004 г. опубликовали отдельные фрагменты старого издания (Ушаков) в хронологической последовательности, которые мы использовали в настоящей статье. Таким образом, мы имеем значительный корпус текстов конца XVIII – начала XIX вв., отражающих не только военно-политическую проблематику, но в целом *исторические* события, в которых Ф. Ф. Ушаков принимал участие

лично. Эти документы показательны и с жанровой точки зрения. Деловая документация XVIII в. чрезвычайно разнообразна: рапорты, личные письма разным лицам, приказы, ходатайства, ордера, соображение, записи Ф. Ф. Ушакова в «Кратком историческом флагманском журнале», прошение, предписание, обращение и др.

Биографическая литература о Ф. Ф. Ушакове представлена трудами военных историков (особенно плодотворно на этом поприще работает В. Д. Овчинников, посвятивший Ф. Ф. Ушакову докторскую диссертацию [Овчинников 2019], немало содержательных статей и книг (см., например: [Овчинников 2014; Овчинников 2021])), литераторов [Ганичев 1990; Сергеев-Ценский 1985], деятелей просвещения. И таких работ очень много. Тогда как лингвистические исследования о сочинениях Ф. Ф. Ушакова отсутствуют вовсе. К настоящему времени сложился парадокс: многие выдающиеся личности XVIII в. так или иначе вписаны в *филологическую* летопись Отечества, например, генералиссимус А. В. Суворов, адмирал А. С. Шишков. Их имена получили «прописку» в курсах истории русского литературного языка. Личность Ф. Ф. Ушакова до сих пор в этом отношении стоит особняком: богатейшее письменное наследие легендарного флотоводца не изучено с языковедческой стороны, хотя заслуживает внимания как ценное собрание документальных фактов о словесной коммуникации XVIII в. Эта статья призвана в какой-то мере восполнить имеющийся в нашей историко-лингвистической литературе пробел и рассмотреть некоторые интересные «качества» ушаковских текстов – наметить пунктиром дальнейшую программу их изучения в контексте характеристики жанров деловой письменности XVIII в., исследования лексики в семасиологическом и функциональном аспектах и анализа литературного-языкового процесса в ту стремительную эпоху, одним из героев которой был Ф. Ф. Ушаков.

Не менее важна и другая линия: рассмотрение *языковой личности* русского флотоводца как яркого представителя своего времени, чиновника высокого ранга и даровитого писателя, мастерски владевшего разными стилями речи и риторическими приёмами. Он сумел преобразить клишированный деловой язык, сделать его инструментом победы, воздействовать своей приказной интонацией на души и умы людей, найти и использовать особые формы словесного влияния на собеседника, стать тонким и мудрым дипломатом в решении государственных дел. И всё это во многом благодаря незаурядным профессиональным способностям Ф. Ф. Ушакова «глаголом жечь сердца людей».

Первое, на что мы обратили внимание, когда знакомимся с письмами и деловыми бумагами Ф. Ф. Ушакова, – это обилие иностранных слов в текстах флотоводца, которые в эпоху Петра I воспринимались неоднозначно.

Ф. И. Буслаев по этому поводу так высказался: «Они вторгаются толпами и неуклюже громоздятся в русской речи» [Буслаев 1992: 349]. Но для конца XVIII в. ситуация уже не выглядела столь «неуклюжей»: многие галлицизмы, англицизмы, слова немецкого, голландского происхождения прижились в русском языке и получили особенно активное применение в терминологии. Её часто использовал Ф. Ф. Ушаков в своих письмах и рапортах. Такие лексемы стали первым и зачастую единственным названием для новых предметов, механизмов, действий и т. д. Их было много в морском делопроизводстве. Вместе с ними бытовали новые слова, которые, казалось бы, по значению были одинаковы с русскими, но существовали в отдельности от них (*фортеция* – крепость, *войско* – армия и т. д.) [Левин 1964: 114].

В текстах донесений Ф. Ф. Ушакова они занимают ключевые позиции для объяснения военной стратегии. Например, в «Дополнении» к рапорту М. И. Войновичу от 5 июля 1788 г. он писал: «Сначала боевая линия наша построена была в ветру левым *галсом*, самый полный *бейдевинт* или близко *перпендикуляра* ветра для разных надобностей и указания, каким расположением *нерегульный* неприятель наш поведет свою атаку» (Ушаков: 49)¹.

Лексема *бейдевинт* в «Словаре русского языка XVIII века» дается как *бейдевинд* и объясняется так: «1. Курс корабля по направлению ветра... 2. нареч. Под углом по направлению ветра (о курсе корабля)» (СРЯ XVIII). Она впервые была зафиксирована в 1714 г.

Слово *галс* в нашем примере означало «положение судна относительно ветра» и отмечалось в текстах с 1709 г. (СРЯ XVIII).

Лексема *перпендикуляр* как геометрический термин с толкованием «линия или плоскость, расположенная к другой линии или плоскости под прямым углом» был известен по письменным текстам с 1703 г. (СРЯ XVIII).

Слово *нерегульный* не указано в СРЯ XVIII – там даётся лексема *нерегулярный* в трёх значениях «1. Воен. Не имеющий твердо установленной, постоянной организации и не прошедший специальной военной подготовки (о войске, армии)... 2. Имеющий геометрически неправильную форму... 3. Неравномерный, повторяющийся через разные промежутки... (о времени, расстоянии)» (СЛР XVIII). Очевидно, в нашем случае слово *нерегульный* используется в том же значении (1), что и *нерегулярный*.

Еще один случай, который передает очередную особенность адаптации иностранных лексем в русском языке, – это слово *шхипер* (Ушаков: 90), от датского *skipper*. В современном русском языке данное слово произносится как *шхипер*.

¹ Здесь и далее в текстах Ф. Ф. Ушакова мы специально выделяем курсивом отдельные слова и выражения.

Автор использовал слово *репетовал* (Ушаков: 93), от французского *répéter*. Оно относится к морскому делу и означает «повторять подаваемые кем-либо сигналы для облегчения принятия их отдалённо стоящими кораблями в условиях плохой видимости» (БТСРЯ). Слово вошло в язык, приспособилось к нашей грамматической системе и приобрело привычное родному языку оформление.

Термин *фордевинд* (Ушаков: 88), от нидерл. *voor de wind* – буквально «идти по ветру». Это морской термин, «попутный ветер», которого желают морякам. Он нашел применение и в современном спорте – виндсерфинге.

Таким образом, заимствованная лексика, прежде всего военно-морская терминология, естественно вошла в деловое письмо Ф. Ф. Ушакова.

В записках флотоводца мы наблюдаем отличное от современных грамматических правил употребление слова *госпиталь* в женском роде: *отстройкою новой госпитали* (Ушаков: 79). В нормативном русском языке слово перешло в мужской род.

Теперь скажем о выражениях, которые звучат почти художественно и образно, используют элементы высокого «штиля». Такие обороты включены в деловую канву писем, чтобы усилить воздействие на собеседника, показать ему реальную картину событий: «Уповаю я, что он с превеликого азарта спустился еще ближе...» (Ушаков: 51), «...Всевышний нам сим положением и победою спомоществовал...» (Ушаков: 51).

Как и любой официальный документ, ушаковские письма и рапорты очень лаконичны. Однако и в них мы изредка встречаем необычные для деловой стилистики тропы, оживляющие такие тексты, придающие им элементы экспрессии. Например, в таком случае: «Но капитан-паша... прибавя все паруса, бросился с чрезвычайной скоростью, *как лев*, атаковать передовые мои фрегаты» (Ушаков: 50). Странно, что Федор Федорович решил использовать сравнение именно при описании данного момента, потому что он отразил этот ход противника даже несмотря на то, что у паши был «лучший из всех корабль» и «дрался он с чрезвычайным жаром», но в итоге «в корабле его, по видимости, должно быть столько пушечных пробоин, что скоро сосчитать нельзя» (Ушаков: 51). И снова особенное выражение: «...поворачивать всею *густою* колонною через оверштаг» (Ушаков: 83), которое можно квалифицировать как эпитет. В авторский стиль Ф. Ф. Ушакова незаметно включались элементы олицетворения, он как будто воспринимал фрегаты как *живые* существа: «...отправьте оные фрегаты... гнилые и ненадежные *члены* переменить новыми...» (Ушаков: 375). В повседневной жизни слово «члены» в отношении частей тела человека не используют, его сменили «конечности», не говорят так и о деталях корабля.

Ещё один случай: «Суда в такой были робости, что против крепости придвинулись вплоть к самой мелкости» (Ушаков: 720) – это похоже на олицетворение, потому что адмирал наделяет человеческим свойством морские суда. Заметим, что высокому слогу свойственны не только тяжеловесные конструкции, но и инверсия, латино-немецкий образец постановки глаголов в конце предложения [Левин 1964: 149], превосходная степень: *величайшая моя вина, ваше светлейшее и великое имя, всемилостивейший государь* (Ушаков: 54), *усерднейшее почтение* (Ушаков: 56), *в самоскорейшем времени работы* (Ушаков: 86) и т. д. В «Грамматике» Ломоносова говорится, что формы на *-ейший, -айший* «мало употребляются, кроме важного и высокого стиля» (цит. по изд.: [Левин 1964: 137]). В донесениях Ф. Ф. Ушакова они являются маркёром его авторской стилистики.

В одном из писем он интересно выразился о назойливости турецкого подданного: «Он происками только *вклепывается* в судно» (Ушаков: 383). Видимо, тот изрядно надоел Фёдору Фёдоровичу, и он использовал просторечное слово «вклепываться», которое означает «вмешаться, вступиться во что-л.» (СРЯ XVIII). Такие стилистически сниженные элементы придают письменной деловой речи особый аромат, оживляют её средствами и формами народного языка, делают речь динамичной, запоминающейся, показывают, что Ф. Ф. Ушаков отлично владел как строгими законами деловой риторики, так и обиходно-бытовой культуры. Приведём ещё несколько похожих примеров: *заштилеп* (от слова «штиль»), *сплеснены* (разговорное слово у моряков, означающее «соединить канаты концами»), *откудова, спышками* (т. е. вспышками; пропуск первой буквы – это признак просторечного слова), *иттить* (в значении «идти»), *назади* («позади»). Заметим, что именно в этот период, в 1760–1790-е гг., «начинается формирование просторечия как части литературного языка...» [Судаков 2010: 31].

Обширная тема, о которой необходимо сказать, связана с употреблением слов в таком значении и контексте, которые сейчас неактуальны. Приведём несколько примеров. «Ветр был свежий от стороны ZOZ, весьма *способный* к нападению» (Ушаков: 87) – слово «способный» в данном контексте выглядит как семантически устаревший элемент (в современном языке мы бы использовали слово «способствующий»). Похожие случаи необычного для нашего времени употребления слов: «Я удержан был с эскадрою на рейде Неаполитанском долгое время крепкими и *противными* ветрами» (Ушаков: 371). Здесь «противный» в значении «неподходящий, противоположного направления». Ещё пример: «Крайняя *худоба* только, что я провианту здесь совсем не имею» (Ушаков: 388) – речь идёт не о телосложении, в данном примере «худоба» имеет значение «проблема, беда». В следующем контексте –

«Но четыре корабля, со мною бывшие... оказали в себе великую и опасную течь» (Ушаков: 392) – словосочетание «великая течь» в наше время выглядело бы так: «огромная / обильная течь». Прилагательное «бурливый» обычно применяют, когда говорят о море, реке, но никак не о погоде, но мореплаватели XVIII в. так выражались: «...за продолжающимися весьма крепкими и бурливыми противными погодками» (Ушаков: 397). В предложении «Произведя я довольный огонь...» (Ушаков: 77) слово «довольный» употреблено в данном случае в значении «достаточный». Подобных примеров в документах немало. Их следует рассматривать в аспекте стилистики текста и тех семантических изменений, которые происходили в русском литературном языке в конце XVIII – начале XIX вв.

В. Д. Левин, говоря о языковой ситуации в Московской Руси, отмечал «значительную степень обработанности и нормализованности» [Левин 1964: 88] делового языка. В XVIII в. он приобретает черты «государственного наречия», обрастает новыми законами, расширяет жанрово-стилистическую палитру и активно участвует в формировании литературно-языковой политики. Через несколько десятилетий, в 1835 г., М. Л. Магницкий осуществил обзор деловой письменности того времени и посвятил этому вопросу целую брошюру, где сделал чёткие указания по «деловой и государственной словесности для чиновников, вступающих в службу». Он упомянул и «слог управлений распорядительных», к числу которых автор отнёс *военный и гражданский (полицейский, финансовый, ученый, дипломатический)* [Магницкий 1835: 56]. О первом он выразился так: «Характер военного слова есть благородная красота и краткость» [Магницкий 1835: 61–62]. В качестве обладателя образцового делового слога этого типа он назвал имя А. В. Суворова. Полагаем, что личность Ф. Ф. Ушакова чрезвычайно интересна и в контексте формирования *новой* традиции военно-морского делового языка и жанров делопроизводства в конце XVIII в. и может дать современным исследователям немало интересных фактов. Согласимся также с мнением Г. В. Судакова о том, что юридические источники наряду с эпистолярными очень важны для воссоздания реальной картины жизни языка [Судаков 2010: 15].

Завершить наши предварительные наблюдения над письмами и деловыми бумагами Ф. Ф. Ушакова хочется на высокой ноте – так, как была устроена и жизнь нашего легендарного флотоводца, для которого высшей заповедью был Бог. Эта духовная нить проходит через всю жизнь праведного воина. Даже сдержанные на религиозную риторику официальные письма содержат упоминания славянизмов (*Благодарю Всевышнего за все дарованные в нынешнюю кампанию всещедрые милости...* (Ушаков: 111); *Во ожидании сей благосклонной милости...; с помощью Божию* (Ушаков: 113)). Особенно часто они встречаются в наименованиях церковных праздников («...приношу

наипокорнейшую мою благодарность и поздравить честь имею с наступающим высокотожественным праздником *Святой Пасхи*» (Ушаков: 121)), в названиях кораблей с такими светлыми и памятными обозначениями, как «Вознесение Господне» (Ушаков: 117), «Сошествие Святого Духа», «Рождество Христово» (Ушаков: 134), и в обращениях к Богу: «...Господи, приклони ухо твое и услышим я и от восстающих и стужающих на мя избави» (Ушаков: 106). Такие «сюжеты» невелики, но значимы для воссоздания портрета Ф. Ф. Ушакова и в целом для характеристики деловой письменности, которая не была чужда архаики. В. Д. Левин, например, применительно к XVII в. писал, что книжные слова в этих текстах «употреблялись при необходимости выразить такие понятия, для которых не было вполне адекватных средств выражения в бытовой речи» [Левин 1964: 93]. И хотя в XVIII столетии права «старой» речи были сильно ограничены в официальных жанрах, она по-прежнему использовалась для придания высокой стилистики какому-либо важному событию, а потому заслуживает и нашего внимания как *книжный* элемент деловой коммуникации в письмах Ф. Ф. Ушакова.

Из содержаний писем Фёдора Фёдоровича видно, что он очень чуткий и отзывчивый человек, и нынешнему поколению надо учиться этому. «При оном весьма с превосходным неприятелем сражении оказали отличную неустрашимую храбрость и мужество определенные от меня на корабле... Оные старанием и примером храброго мужества и искусства, ободряя и поощряя служителей во все время сражения, артиллерией производили такое отменно искусное действие, что весьма малое число ядер проходило мимо корпуса неприятельских кораблей» (Ушаков: 48) – он не скуп на слова, когда речь заходит о похвале своих подчинённых, достойных этого. Строки, в которых адмирал рассказывал о подвигах простых людей, звучат с особой пронзительностью и часто идут от первого лица: «Я сам удивляюсь проворству и храбрости моих людей... Они во всем словам моим бессомненно верят и надеются, а всякая их ко мне доверенность совершает мои успехи» [Ушаков: 55]. Как он отмечал, для моряка главным признанием является высоко оценённая капитаном работа. Но речь шла не только о наградах. Моряки любили Ф. Ф. Ушакова, восхваляли его и сочиняли песни про него. Они говорили, что им руководят «ангелы божьи», и от того «он все дела свои вершит по Божьим законам» [Ганичев 1990]. И пусть это была всего лишь художественная рефлексия талантливого русского писателя. В ней выражено гораздо большее: облик выдающегося флотоводца Ф. Ф. Ушакова становится подобен праведным воинам, а это значит, всё, что он делал, говорил, писал – все эти благочестивые «упражнения» освящены высотой его духа и чести – подвижничеством во имя своей Родины.

Лучшее погружение в язык какой-либо эпохи обеспечивает только чтение переписки людей того времени. Открывая книгу, ты остаешься наедине с автором, с особенностями языка его эпохи и погружаешься в историческую жизнь. Наши предварительные наблюдения над документами Ф. Ф. Ушакова свидетельствуют, что его слог ясный, чёткий, использующий богатую терминологию. Вместе с тем он не лишён патетики и высокой риторической символики. В письменной коммуникации адмирал использовал разные речевые средства: от просторечных до специальных. Его рапорты и донесения представляют для нас богатое культурное наследие, удивительный источник языковых традиций и переломов, которые нашли отражение в индивидуально-авторской манере Ф. Ф. Ушакова, своеобразный памятник русскому языку XVIII столетия.

Источники

Адмирал Ушаков – Адмирал Ушаков / под ред. и со вступ. ст. Р. Н. Мордвинова. Т. 1–3. М.: Военмориздат, 1951–1956.

Ушаков – Адмирал Ушаков: письма, записки. – М.: Воениздат, 2004. – 463 с., ил.

БТСРЯ – Кузнецов, С. А. Большой толковый словарь русского языка. [Б. м.]: Авторская редакция, 2000. – 1536 с. URL: [https://gramota.ru/poisk?query=%D1%80%D0%B5%D0%BF%D0%B5%D1%82%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%82%D1%8C&mode=slovari&dicts\[\]=42](https://gramota.ru/poisk?query=%D1%80%D0%B5%D0%BF%D0%B5%D1%82%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%82%D1%8C&mode=slovari&dicts[]=42) (дата обращения: 15.11.2025). – Текст: электронный.

СРЯ XVIII – Словарь русского языка XVIII века. СПб.: ИЛИ РАН, 2023–2025. URL: <https://xviii.iling.spb.ru/> (дата обращения: 10.11.2025). – Текст: электронный.

Литература

Бочаров, И. И. Вся жизнь – неустанный подвиг / И. И. Бочаров // Адмирал Ушаков: письма, записки. – М.: Воениздат, 2004. – С. 5–24.

Буслаев, Ф. И. Преподавание отечественного языка: Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. «Рус. яз. и лит.» / Ф. И. Буслаев. – М.: Просвещение, 1992. – 512 с.

Ганичев, В. Н. Ушаков / В. Н. Ганичев. – М.: Мол. гвардия, 1990. – 462 с., ил. (Жизнь замечат. людей. Сер. Биогр.; Вып. 712). URL: <https://klex.ru/1kql?ysclid=mk9pm24zuj93076504> (дата обращения: 12.11.2025). – Текст: электронный.

Левин, В. Д. Краткий очерк истории русского литературного языка / В. Д. Левин. – Изд. второе, испр. и доп. – М.: Издательство «Просвещение», 1964. – 247 с.

Магницкий, М. Л. Краткое руководство к деловой и государственной словесности для чиновников, поступающих на службу / М. Л. Магницкий. – М.: В типографии Лазаревых Института Восточных языков, 1835. – 120 с.

Овчинников, В. Д. Адмирал Фёдор Ушаков – святой праведный воин / В. Д. Овчинников. – Ярославль: Академия 76, 2014. – 656 с.

Овчинников, В. Д. Личность адмирала Ф. Ф. Ушакова и влияние его деятельности на строительство и применение отечественного флота: автореферат дис. ... доктора исторических наук: 07.00.02 / В. Д. Овчинников. – Саранск: Морд. гос. ун-т им. Н. П. Огарева, 2019. – 49 с.

Овчинников, В. Д. Непобедимый праведный воин Фёдор Ушаков: Духовно-просветительское издание / В. Д. Овчинников. – М.: ИП Журбенко, 2021. – 536 с.

Праведный воин Феодор Ушаков // Журнал «Фома». 15.10.2015. URL: <https://foma.ru/pravednyij-voin-feodor-ushakovinfografika.html?ysclid=mk776q97iq282018317> (дата обращения: 07.11.2025). – Текст: электронный.

Сергеев-Ценский, С. Н. Адмирал Ф. Ф. Ушаков: Ист. очерк / С. Н. Сергеев-Ценский // Витязи морей: Ист. очерки, рассказы, новеллы, статьи. – М.: Воениздат, 1985. – С. 36–63.

Судаков, Г. В. История русского слова / Г. В. Судаков. – Вологда: ВГПУ, 2010. – 336 с.

Щекин А. С.

Институт лингвистических исследований РАН

(г. Санкт-Петербург)

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ЛЕКСИКА В «РОСПИСИ МАСТЕРА ГРИШКИ ЮРЬЕВА» (1672 Г.)

Аннотация. В настоящей статье публикуется текст датированного ноябрем 1672 г. документа из фондов Российского государственного исторического архива (РГИА) – «Росписи государева циленского езу мастера Гришки Юрьева», в которой содержится перечисление имущества Г. Юрьева. В статье рассматривается лексика, относящаяся к профессиональной деятельности Г. Юрьева – рыболовству и судовому делу. Лексические материалы сопоставляются с данными исторических словарей русского языка, главным образом Словаря промысловой лексики Северной Руси XV–XVII вв. и Словаря русского языка XI–XVII вв., а также диалектных словарей. В источнике выделяется ряд лексем (*головник, носник, хвостник, поддон*), для которых историческими словарями не были зафиксированы терминологические значения, относящиеся к рыболовству и судовому делу.

Ключевые слова: русский язык, историческая лексикология, историческая лексикография, диалектная лексикография, деловой язык XVII в.

Одной из насущных задач исторической лексикологии и лексикографии русского языка является расширение круга источников. Особое место занимает здесь работа с архивными материалами. Говоря о задачах исторической лексикологии русского языка, в частности, об исследовании лексики старорусского языка XIV–XVII вв., Г. В. Судаков отмечает: «Обязательным моментом в работах нынешнего периода является использование новых рукописных материалов, раскрытие лексической содержательности разных видов текстов» [Судаков 1983: 5]. С этим утверждением нельзя не согласиться. Несмотря на большое количество публикаций текстов исторических памятников, значительное число хранящихся в архивах и библиотеках документов, принадлежащих старорусскому периоду, остаются неопубликованными. Часто они не попадают в поле зрения лексикографов, хотя иногда даже небольшой по объему документ может содержать

лексические материалы, представляющие несомненный интерес для истории лексики русского языка.

В Российском государственном историческом архиве (РГИА) в Санкт-Петербурге в фонде 899 (фонд графов Бобринских) в разделе XIII (коллекция имущественных и хозяйственных документов начала XVII – конца XVIII вв., собранная графом Алексеем Александровичем Бобринским) под номером 1173 находится документ, представляющий собой роспись имущества некоего Григория (Гришки) Юрьева, который назван в документе мастером государева Циленского езу (по всей вероятности, принадлежавшего царю рыболовного угодья на реке Цильме). Источник датируется ноябрем 1672 г. (число не указано). В описи фонда документ назван «Роспись заказов государева мастера Ер[...]ва Григория» и ошибочно датирован 1623 г. [Бобринские 2017: 79об.]. Документ сохранился не в идеальном состоянии, некоторые места по правому краю листа с большим трудом поддаются прочтению или вообще не читаются.

Здесь приводится текст «Росписи мастера Гришки Юрьева», воспроизведенный по правилам лингвистического издания старорусских документов (см., например, [Памятники 1965: 5–7]). В квадратных скобках даются цифровые соответствия буквам, обозначающим цифры, а также буквы, чтение которых вызывает сомнение из-за загрязнения листа.

РГИА Ф. 899. Оп. 1. Д. 1173. 1 л.

Л. 1. | Роспис гсдрва циленского ѳзу мастера Гришки Юрева | Спасовъ шбрас
Петръ и Павел да двѣ избы изба | с печью а наверхъ свшило да малои шнбарець
| да садъ наплавної в воде шбмерзъ подон дри[вя]лно¹ тесъ KE [25] тесин баба
и палка на берелгъ лежит пором с тесомъ 8 берегу стоит [да]² | два гоитана чем
ез бьют да головник шдна | вода KE [25] сажен да носник M [40] сажен A [1] вода
| да хвосник M [40] сажен B [2] воды заплата | снасть что лесъ заплатаецъ H
[50] сажен | две воды да котел гсдрвъ козан и [остро]га³ гсдрва да бредник B [2]
воды да стръгъ | гсдрвъ да лотчинко гнилое да замок [8 со.п.]ла⁴ гсдрвъ а
роспис писал по велению Гришки Юрева церковной дьячек Гришка Козмин |
лѣта 73РПА [7181] 2 годъ ноября въ день⁵ |

Л. 1об. | К сеи росписе церковной дьячек Алешка Грагорев вместо Грагоря
Юрьева по его велению рѣкъ приложил ||

¹ 2-3 буквы в конце строки читаются плохо, чтение предположительное.

² Слово читается плохо, чтение предположительное.

³ 4-5 букв в конце строки читаются плохо, чтение предположительное.

⁴ 2-3 буквы в конце строки читаются с большим трудом или совсем не читаются. Возможно, «замок у сопла», ср. сопло ‘желоб, труба’ [Сл XI–XVII: 26: 158].

⁵ Число не указано.

Сам жанр этого документа предполагает наличие в нем предметной лексики, относящейся к повседневной жизни и профессиональной деятельности Г. Юрьева. Если перечисленная в «Росписи» лексика, связанная с домашним хозяйством, была широко распространена в русском языке XVII в. (*изба, печь, анбарец, сушило* и др.), то профессиональная лексика, относящаяся к рыболовству и судовому делу, включает специфические лексемы, некоторые из которых не были учтены историческими словарями русского языка.

Следует сказать, что лексика рыболовства, наряду с терминами других ремесел, была предметом описания специального лексикографического труда – «Словаря промысловой лексики Северной Руси XV–XVII вв.» (Сл. промысл.). Связанные с этой сферой слова или их отдельные значения выделяются также в «Словаре русского языка XI–XVII вв.» (Сл XI–XVII) и «Словаре обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв.» (СОРЯ). Ряд употребленных в «Росписи мастера Гришки Юрьева» терминов рыболовства и судовождения зафиксирован этими словарями: *баба* 'вертикальный ворот для вытаскивания судна на лед' (Сл. промысл., 1: 27), *бредник* 'бредень: небольшой невод, используемый при ловле рыбы вброд в мелководных местах' (Сл. промысл., 1: 56), *ез* 'запорное сооружение на реке для ловли рыбы в виде плотины с промежутками, воротами, в которых устанавливались рыболовные орудия: неводы, сети, сежи и т. п.; уголье с подобным сооружением для рыбной ловли' (Сл. промысл., 1: 185–186), *паром (пором)* 'составная часть (в виде бревенчатого настила?) еза, запорного сооружения для ловли рыбы' (Сл. промысл., 3: 28), *сад* 'устройство в пруду или в реке для содержания и разведения пойманной рыбы; рыбный садок' и *сад наплавной* 'название садка по особенности его конструкции и устройства' (Сл. промысл., 3: 281).

У некоторых лексем, зафиксированных в словарях, данные «Росписи мастера Гришки Юрьева» позволяют увидеть применение обозначаемых ими предметов, как, например, для слова *гайтан (гойтан)* 'шнурок; веревка' (Сл. промысл., 1: 125): *два го^чтана че^м е^з бью^т* (Роспись: 1).

«Роспись мастера Гришки Юрьева» содержит и слова или их отдельные значения, которые не были зафиксированы историческими словарями русского языка. Так, в «Словаре промысловой лексики Северной Руси XV–XVII вв.» отсутствуют словарные статьи для лексем *головник* и *хвостник*, а для слова *носник* отмечается только значение 'речной лоцман, проводник на судне' (Сл. промысл., 2: 252–254)¹. В других исторических словарях русского языка у этих лексем также не зафиксированы значения, относящиеся к рыболовству. В «Росписи мастера Гришки Юрьева» эти лексемы очевидно обозначают какие-то рыболовные снасти; каждое из этих слов сопровождается указанием на

¹ В «Словаре русского языка XI–XVII вв.» сходное определение: 'тот, кто ведет судно, правит судном с носа; лоцман' (Сл XI–XVII 11: 428).

размер в саженьях (видимо, длина) и количество сезонов использования – *одна или две воды*, ср. одно из значений слова *вода* в «Словаре промысловой лексики Северной Руси XV–XVII вв.»: ‘год службы, плавания судна’ (Сл. промысл., 1: 92).

Соотнесение этих лексем с конкретными предметами представляется задачей крайне сложной. Никаких других сведений об этих реалиях памятник не содержит. Возможно, данные диалектной лексикографии русского языка, в первую очередь «Словаря русских народных говоров» и словарей севернорусских диалектов, могли бы дать ориентиры для установления более точных значений этих лексем. У слова *головник* в «Словаре русских народных говоров» в качестве одного из значений выделяется ‘крепкое дерево, которым скрепляются бревна, плот (при сплаве леса)’ [СРНГ, 6: 309]. Сходное значение дается в «Архангельском областном словаре»: ‘дерево (жердь?), которым скрепляется (передняя?) часть плота’ (АОС, 9: 246). Слово *голова* в архангельских и псковских говорах может обозначать определенные рыболовные снасти: ‘запруда, заграждение для ловли рыбы из кольев и трех рыболовных снарядов’, ‘верша’, ‘передняя часть верши’ (СРНГ, 6: 301). Можно предположить, что в «Росписи мастера Гришки Юрьева» это слово обозначает какую-то часть еза. То же можно предположить и о значении слов *носник* и *хвостник*. Хотя для слова *носник* в «Словаре русских народных говоров» не выделяются значения, относящиеся к рыболовным снастям, слово *нос* в псковских говорах может иметь значение ‘закрытый узкий конец рыболовной снасти (верши); мотня’ (СРНГ, 21: 285). У слова *хвостник* в «Словаре русских народных говоров» указывается только значение ‘сплетник’ (СРНГ, 50: 101); однако у слова *хвост*, от которого образована эта лексема, выделяются значения, связанные с рыболовством: ‘конусообразная конечная часть рыболовного снаряда – мережи, в которой собирается рыба’, ‘остроконечный длинный мешок в средней части невода, куда попадает при ловле рыба, мотня’, ‘в рыболовном снаряде вьюнице – пространство между стенками бочонка и вставляемой в его конец воронки’ (СРНГ, 50: 88–89). Очевидно, что эти слова: *головник*, *носник* и *хвостник* были образованы по одной модели. Сложно установить их точное значение, не располагая описаниями обозначаемых ими предметов и не имея прямых соответствий в современных русских говорах. Для них пока можно дать лишь максимально общее определение ‘рыболовная снасть’.

В «Словаре промысловой лексики Северной Руси XV–XVII вв.» и в «Словаре русского языка XI–XVII вв.» у слова *поддон* определяются только значения ‘то, что приделывается ко дну каких-л. сосудов или кладется под сосуды, подставка’ (Сл. промысл., 3: 89), ‘круг, который подделан к сосуду или кладется под сосуды, подсвечники и т. п.’ (Сл. XI–XVII, 15: 252). В «Росписи мастера Гришки Юрьева» контекст показывает, что здесь речь идет о части (вероятно, нижней) рыбного

садка: *да садъ наплавно в воде шбмерзъ подо* (Роспись: 1). «Словарь русских народных говоров» приводит для этого слова значения из области рыболовства: 'сеть для ловли сельди, сайры, трески, которую опускают на дно', 'сетчатое дно тайника (корзины-ловушки в рыболовном заколе)', 'средняя часть морской рыболовной сети', зафиксированные в севернорусских говорах (СРНГ, 27: 392).

Настоящая статья не претендует на окончательное определение значений рассмотренных в ней лексем, не зафиксированных историческими словарями русского языка. Ее целью было обратить внимание исследователей на источник, ранее не использовавшийся в русской исторической лексикологии и лексикографии, и представить новые лексические материалы, которые могут быть использованы в исследованиях и лексикографических описаниях терминологической лексики русского языка в области рыболовства и судового дела.

Источники

АОС – Архангельский областной словарь. Вып. 1–24. – М.: Издательство Московского университета, 1980–2023 (издание продолжается).

Роспись – Роспись государева циленского езу мастера Гришки Юрьева. – РГИА. – Ф. 899. (графов Бобринских). – Оп. 1. – Д. 1173. – 1 л. [Ноябрь 1672 г.].

Сл XI–XVII – Словарь русского языка XI–XVII веков. Вып. 1–32. – М.: Наука, 1975–2023 (издание продолжается).

Сл. промысл. – Словарь промысловой лексики Северной Руси XV–XVII вв. – Вып. 1–3. – С.-Пб.: Дмитрий Буланин, 2003–2015.

СОРЯ – Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков. – Вып. 1–10. – СПб.: Наука, 2004–2025 (издание продолжается).

СРНГ – Словарь русских народных говоров. – Вып. 1–52. – М.–Л. (С.-Пб.): Наука, 1965–2021 (издание продолжается).

Литература

Российский государственный исторический архив. – Ф. № 899. – Оп. № 1. Бобринские, графы: Алексей Александрович (1852–1927), член Государственного совета и Государственной думы, председатель Археологической комиссии, вице-президент Академии художеств, председатель Совета объединенных дворянских обществ; Алексей Алексеевич (р. 1894), его сын и другие. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://fgurgia.ru/imageViewer/img?url=mZaTmpGekprCx8bGoM7Rj5uZ2ZyKjY2akYuvnpiaws7ZmoeLwtGPm5nZkj2VmpyLws3Hy8fLy87ZnouLjcLOysfH2YyajZaek8LO> (дата обращения: 30.09.2025).

Памятники русского народно-разговорного языка XVII столетия (Из фонда А. И. Безобразова) / издание подготовили С. И. Котков, Н. И. Тарабасова. – М.: Наука, 1965. – 162 с.

Судаков, Г. В. Лексикология старорусского языка (предметно-бытовая лексика) / Г. В. Судаков. – М.: Московский государственный педагогический институт имени В. И. Ленина, 1983. – 101 с.

Раздел II.
РУССКАЯ ДИАЛЕКТОЛОГИЯ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

Андреева Е. П.

Вологодский государственный университет
(г. Вологда)

**ОТРАЖЕНИЕ СТАРОРУССКОЙ РЕМЕСЛЕННОЙ ЛЕКСИКИ В ВОЛОГОДСКИХ
ГОВОРАХ**

Аннотация. В статье показывается развитие отдельных групп ремесленной лексики на протяжении веков. С этой целью сопоставляется старорусская лексика, зафиксированная в «Словаре промысловой лексики Северной Руси XV-XVII вв.», с данными современных диалектных словарей. Консервативный характер севернорусских говоров способствует, с одной стороны, сохранению старорусской лексики, с другой стороны, позволяет говорить о ее трансформации. Ретроспективный анализ лексики дает возможность проследить историю древних ремесел, динамические процессы в развитии народной терминологии. Подчеркивается роль региональных словарей в исследовании материальной и духовной культуры жителей Русского Севера.

Ключевые слова: народные термины, севернорусские говоры, ремесленная лексика, диалектное лексикографирование.

В одной из своих работ Г. В. Судаков, характеризуя преднациональный период русского языка (хронологические рамки: XVI-XVII вв.), отмечает, что это чрезвычайно важное время в истории развития лексики, когда закладываются основы национального словаря [Судаков 2010: 77]. Данное положение доказывается ученым в ходе описания основных процессов, обусловивших развитие предметно-бытовой лексики.

Объектом анализа в нашей статье является ремесленная лексика, функционирующая в вологодских говорах на протяжении веков. В качестве основного источника в данной работе используются 12 выпусков «Словаря вологодских говоров» (далее СВГ), инициатором и редактором которого была Т. Г. Паникаровская. Последние выпуски СВГ редактировала Л. Ю. Зорина, в настоящее время под ее руководством готовится второе, существенно дополненное издание словаря; использованные в нем материалы обновленной картотеки СВГ также учитывались нами. В ряде случаев привлекались факты монодиалектного «Словаря вологодского режского говора» (далее СВРГ), редактор Л. Ю. Зорина. Ретроспективный взгляд на ремесленную лексику, сохранившуюся в вологодских говорах, стал возможен благодаря трем выпускам «Словаря промысловой лексики Северной Руси XV-XVII вв.» (далее СПЛ), над составлением которого более двадцати лет под руководством

профессора Ю. И. Чайкиной трудились исследователи целого ряда вузов России.

Специальная лексика представляет собой полиструктурную языковую систему, включающую ряд подсистем, которые наряду с общими чертами обладают специфическими признаками. Материал вышеуказанных лексикографических изданий позволяет провести динамический (синхронно-диахронический) анализ как тематических групп, так и отдельных слов. В данных источниках достаточно полно представлены народные термины плотницкого, кузнечного, бондарного дела и других ремесел, в том числе и традиционных женских занятий, среди которых выделяются прядение и ткачество.

На протяжении столетий ряд ремесел исчезает, часть их претерпевает значительное изменение, но памятником им могут служить словари разных эпох. Проследим описание отдельных лексем и обозначающих их реалий в указанных выше исторических и региональных словарях. В качестве объекта описания послужат народные термины строительного и кузнечного ремесел.

Л. А. Берсенева, описывая лексику плотницкого дела в старорусском языке, подчеркивает роль глаголов в ее составе: «Основой для формирования языкового образа профессиональной деятельности плотника являются глаголы: они отражают важные онтологические категории, служат производящей основой для дериватов» [Берсенева 2015: 530].

Прослеживая развитие этой подсистемы, отметим, что многие из этих глагольных лексем, прежде всего гиперонимов (например, *плотничать*, *рубить*), функционируют в современном русском литературном языке, сохраняя исходное значение. В то время как ряд гипонимов продолжает использоваться в XX в. только в языке архаичных говоров, в частности в вологодских: напр., глагол *городить* в значении 'ставить забор, изгородь, огораживать' зафиксирован как в памятниках XVI-XVII вв., так и в записях речи современных диалектоносителей: ***городити*** 'ставить забор, ограду, огораживать' *За эти денги ему на деревню Притынинъ землю пахать, огород городить, избу нарядить, сьнникъ на дворъ поставить*. Порядн. Сп.-Прил. м. 1559 г. (СПЛ, 1: 141); ***городить*** 'окружать изгородью, огораживать' *Пойду городить сад тыном, старый-то изломаУся* (СВГ, 1: 124). В «Словаре русского языка» под редакцией А. П. Евгеньевой данное значение глагола *городить* дается с пометой обл. (МАС, 1: 336).

Сохраняется на протяжении нескольких веков в диалектной речи специальное значение термина ***дорожити*** 'делать желобки на досках, брусьях и т. п.' *А чешуя тесать в вершек верховой и дорожить. Охлупень наверх положить вытесать гребнем, а верхней тес зубцовой дорожить ... а зубцы тес дорожить*. Поряди. Хавр. в. 1 670 – САС Ш, 420 (СПЛ, 1: 169). *Семирёзка дак шла*

на опушку. А на крышу дак потолыше. Его обязательно дорожат – две дорожки проделывают. На нижней карте – нет, а вторая карта дорожёная. Сямж. Монаст. (СВГ, 2: 282). В ряде случаев можно отметить дальнейшее развитие глагольной семантики. Например, в старорусском языке слово **пазиту** имеет значение ‘делать в бревне или доске выемку, паз’ (СПЛ, 3: 22), в современных вологодских говорах **пазить** ‘конопатить’ (СВГ, 7: 119).

Историки, этнографы, архитекторы отмечают многообразие деревянных строений на Русском Севере. Так, М. И. Мильчик, Ю. С. Ушаков, перечисляя жилые и хозяйственные постройки, называют «горницы, повалуши, сени, клетки, а также погреба, мшаники, повети, конюшни, хлева, сенники, гумна, овины и другие постройки, объединенные в прошлом общим словом “хоромы”» [Мильчик, Ушаков 1981: 13]. В вологодских говорах эти древние названия построек, а также их частей сохраняются. При описании данной лексической группы следует учитывать синкретизм семантики, характерный как для старорусского языка, так и языка диалекта.

Сопоставим отдельные наименования строений. В старорусских памятниках фиксируется многозначное слово **кльть** (*клеть*), широко представленное и в русских говорах. СПЛ отмечает большое количество составных наименований с этим существительным. **Кльть** 1. ‘четырёхугольная укладка бревен’. *Чем яз, Ушак, сам владел, с тем и продал, а во дворе во всех хоромех половину, опричено уличной клетки бревен.* Купч. Солов. м. 1564 – АСМ, 174. 2. Строит. ‘неотапливаемая бревенчатая или дощатая жилая постройка’ *Да на монастыре клеть с сеньми.* Гр. Тот. XVI в. – Тотьма I, 204. *В ть три годы подрубить по двь кльти хльвы новые.* Порядн. Важ. 1657. – Р. Я. Ист., 184. 3. Строит. ‘холодная бревенчатая или дощатая постройка хозяйственного назначения, амбар, кладовая’. *Занял есми у Семена у Иванова сына у Дуракова девеносто пузов соли моря Белого угодьев <...>, а дать ми ему та соль в лямецких варницах ис клетки.* Закладн. Солов. м. 1550 – АСМ, 97. **Кльть наземная, клеть на подклете** ‘названия клетки по характеру нижней части строения’. *Да кльть наземная, да мылня.* Гр. Унск. 1550 – ОСВ VII, 5. *А во дворе хором – изба на змосте, а под нею вылаз, да против избы клеть на подклете, да сенник, а под ним два хлева, да другой сенник у ворот, а под ним подклеть, да два сарая, да мылня на улицы против ворот.* Купч. Золотиц. вол. 1570 – АСМ, 219. *Да клить на подклите.* Купч. Умб. в. 1577 – АСМ II, 99. **Клеть плоская.** *На коровьем дворцѣ хором: изба нова с передмостьем, за с край под нимъ конюшня, да две избы ветхи, в одной живут, да клеть плоская, да сарай.* Гр. Сп.-Прил. м. 1613 – САСК (К), 234. **Клеть полевая.** *А во дворе хоромов – изба с подклетом, да две избы челяденные, да сенник з двема хлевами, да мылня, да клеть полевая, да кузница.* Купч. Солов. м. 1544 – АСМ, 67. **Клеть соляная. Клеть варничная.** ‘амбар, кладовая при варнице для хранения соли’. *Да црен ветчан и с крюки и варницы в Лопалахте;*

да в анбарех в соляных и в избе в варничной по половинам, и в колодеце в варничном половина; да в волости в Золотице варница да пол клетки соляной, да и в бадьи половина, из чего варят в реки, да и на реки на Золотици в избе половина, где дрова подвигают, и во дворе. Дан. Солов. м. 1566 – АСМ, 198. Да в црене променил есми восмью долю и с крюками, и с варницею, и с росолом, а выменили црен вместе с Нечаем с Федоровым, да с спаскими старцами, да с Ларюковыми, да в клетке варнишной половина у Большого колодеся у владыченского. Мен. Солов. м. 1555 – АСМ, 123 (СПЛ, 2: 52-53).

В вологодских говорах слово **клеть** также имеет ряд значений: 1. 'рубленая комната в верхней части крытого крестьянского «двора», служащая для хранения вещей и продуктов, а летом используемая в качестве спальни'. Горница у нас на избе наверху, клить-то тоже на избе, изба – жилая часть дома, а там двор, хлев. Грид. У нас ведь зовут подклет, потому что на сарае ставили клеть, а под низом жила скотина. Клеть на сарае в любом углу вырубается, комнатка такая, вроде цюлана, как будто банька такая. Она уж рубится вместе с сараем. В эту клеть и двери у неё есть, там хранят муку, мясо. Монаст. 2. 'летняя неотапливаемая комната в пятистенном крестьянском доме'. В клити меня положили, ну, как горница по-топерешнему. Рассох. 3. 'кладовая'. Мука-то у меня в клите вся. Грид. // Место в сарае, предназначенное для хранения вещей или продуктов. Клить – это кладовка для продуктов в сарае, там холодно. Монаст. 4. 'место, предназначенное для содержания мелкого рогатого скота'. В одну клить баранов не сади, ведь будут бости друг друга. Монаст. (СВРГ: 193).

Многозначной является и лексема **горница** как в старорусском языке, так и в вологодских говорах. Обратимся к данным СПЛ. **Горница**. 1. Строит. 'верхняя часть строения, жилое помещение в верхней части строения'. А во дворе хором: горница с комнатою на подклетах. Отв. пам. Белооз. 1581 – Белозерье I, 33. 2. 'отдельное жилое помещение'. А во дворе хором – горница да повалуша с синми, да и с местом, на чом двор стоит. Купч. Солов. м. (Жереть) 1544 – АСМ, 66. А хоромов на том дворе – изба, да два сенника, да горница на погребе, да поветь, и жердьми, и с огородом, и со всем угодьем. Купч. УВ 1557 – АСМ, 1, 38. **Горница белая, горница черная**. Названия горниц по способу отопления. И у белой горницы в окна ж рогатиной колото и топорками сечено. Гр. Белоз. у. 1699 – ОСВ VII, 1 26. У Григория Маслова у горницы черной в окошко в закутку ис пищали стреляно. Там же, 1, 25. 3. 'помещение производственного назначения'. **Горница мастерская**. Сдѣлалъ чюланъ в мастерской горницѣ на воеводском дворѣ. Кн. расх. Хлын. 1679. 55 – КДРС (СПЛ, 1: 140).

В СВРГ слово **горница** имеет 2 значения: 1. 'рубленая комната на чердаке крестьянского дома'. Горница у нас на избе наверху, клить-то тоже на избе, изба – жилая часть дома, а там двор, хлев. Грид. Вчера ходили в горницу: там у миня

набелки до сих пор лежат. Монаст. 2. 'жилая, обычно меньшая комната в доме'. Но до сего времени <кошка> дома не спит – легла дак теперь уж. Монаст. // 'помещение, комната'. Когда Божья мать померла, возвешчено всем двенадцети, што приезджайте в таком-то мисяце в такую горницу, што Божья мать померла. Монаст. (СВРГ, 71-72). Как свидетельствуют региональные словари, в XX в. в языке диалекта у слова **горница** закономерно исчезает третье значение, но в целом семантика старорусского слова и диалектного совпадает.

Сопоставим значения однокоренного слова **горенка** в СПЛ и СВГ. В памятниках письменности лексема **горенка** употребляется в двух значениях: 1. Строит. 'небольшое помещение в верхней части строения'. *Да задняя горенка на хлеве.* Купч. Солов. м. 1580 г. 2. Строит. 'отделенное от основного строения жилое помещение'. *Против той избы горенка.* Оп. им. Вол. 1 702 – ГАВО, ф. 496, оп. 1, № 23, л. 2 (СПЛ, 1: 138).

Трансформация значения слова **горенка** в говоре незначительна, выделяется также два значения: 1. 'большая светлая комната в крестьянской избе' *Горенкам ране звали самую светлую, самую лучшую комнату в избе.* К-Г. Плоск. 2. 'маленькая комнатка в крестьянской избе или отгороженная часть большой комнаты, используемая как спальня'. *Горенка – это маленькая комнатка, считается как спальня* (СВГ, 2: 123).

Несколько иная судьба у терминов кузнечного дела в современных говорах. О роли этого ремесла в жизни крестьянина говорит пословица: «Кузнец – всем ремеслам отец!» Справедливо замечание С. Г. Шейдаевой: «В памятниках русской письменности можно обнаружить немало терминов кузнечного производства» [Шейдаева 2015: 69]. Исследователь выделяет при этом ряд тематических групп: названия металлов (*железо, медь, олово, серебро* и др.), производственных действий и процессов (*ломать руду, плавить руду, варить железо, ковать железо* и др.), мест трудовой деятельности (*рудня, кузня, кузница* и др.), инструментов (*наковальня, молот* и др.), мастеров (*рудокон, кузнец, коваль, укладный мастер, молотник, медник, гвоздарь* и др.), продуктов труда (*кузнь, гвозди, косы* и мн. др.) [Шейдаева 2015: 69]. На первый взгляд, при этом перечислении не разграничиваются смежные понятия: металлургия (получение металлов из руд, а также первичная обработка металлов) и собственно кузнечное дело (изготовление металлических изделий). Однако такой подход оправдан синкретизмом старорусской терминологии.

СПЛ позволяет судить о богатстве и специфике терминосистемы кузнечного ремесла в XV-XVII вв. Так, словарная статья **гвоздь**, включающая составные номинации (например, *гвоздь большой, малый, четверной <...>, гвоздь дwoетесное, гвоздь дwoетесь, гвоздь одnotесное, гвоздь полутесовое, гвоздь полускаловое* и пр.), занимает около 5, 5 страниц словаря (СПЛ, 1: 128-

133). Интерес представляют и статьи, содержащие однокоренные слова, обозначающие действие, напр., *гвоздити, гвождение*, лицо *гвоздарь, гвозденикъ, гвоздочникъ*, инструмент *гвоздильница, гвоздильня*, диминутивы *гвоздокъ, гвоздочекъ* (СПЛ, 1: 128-133).

Однако в СВГ лексика кузнечного ремесла представлена в небольшом количестве, что объясняется экстралингвистическими причинами: в связи с научно-техническим прогрессом сельские кузницы еще сохранялись в XIX-первой половине XX в., но позднее ручное производство постепенно сменилось фабричным. Для обозначения базовых понятий кузнечного дела в вологодских говорах, как правило, использовались общерусские слова: *кузнец, кузница, ковать: За бабу-то выйдешь, дак по тропинке к кузнице-то и пойдёшь*. У-К. Корол. (СВГ, 1: 17).

Между тем говор сохраняет и отдельные старорусские слова, составляющие ядро терминологической системы, но не входящие в состав общерусского языка: *кузленица* 'помещение для обработки металла, кузница'. Ср. *Да в кузленице клещи большие*. Оп. им. К-Новоез. м., 1675 г. (СПЛ, 2: 138). *А кузле'ница у нас вон, за деревней*. Тот. Б. Горох. (СВГ, 4: 13). В том же значении в СВГ отмечено и слово *ку'зня*, первая фиксация которого относится к XVI в. (СлРЯ XI-XVII вв., 8: 111): *Под горой на берегу была кузня*. Влгд. Свет. *В кузне у нас раньше дедко работаУ. Ковать-то он умелец быУ*. Ник. Филип. (СВГ, 4: 13).

В СВГ среди предметных слов, восходящих к старорусскому языку, преобладают наименования изделий кузнечного ремесла. Примеры их употребления свидетельствуют о тождественном значении: *горбуша* 'коса с изогнутым лезвием на короткой рукоятке' *Косы то разные бывают: есь литовка. У нас эдакой не косят, у нас горбуши все. Горбуша то дак она горбиком*. Тот. Бор. (СВГ, 1: 122), 'коса с короткой рукоятью и серповидным лезвием'. *Сковали 3 косы, горбуши, дал от кузла 3 алт*. Кн. пр.-расх. Унск. пр. 1597 (СПЛ, 1: 138) *клюка'* 'кочерга' *Клюка-то один раз уж изгорала, дак возили в кузницу*. Сямж. Монаст. 1600 – ВХК, 200. *У печи заслонъ и клюка жълезные*. Вед. Сп. -Прил. м. 1702 – ГАВО, ф. 496, оп. 1, № 26, л. 5. (СПЛ, 2: 56).

В говоре сохранилось ограниченное количество слов, обозначающих действие кузнеца и его подручных, о чем свидетельствуют данные СВГ. Сопоставим значение глагола *вострить* 'делать острым, затачивать', синтагматику слова в историческом и диалектном контекстах: *Вострили сошники и новые дълалы итого дали кузнецу от дъла восемь атын*. Кн. прих. -расх. Сп. -Прил. м. 1606 г. (СПЛ, 1: 103). *Плуги в кузнице вострили*. Влгд. Синд. (СВГ, 1: 85). Но такие параллели найти сложно, что объясняется экстралингвистическими причинами.

Закономерно, что на протяжении XIX-XX вв. ряд ремесел исчезает, часть их претерпевает значительное изменение, при этом своеобразным памятником

им можно считать диалектное слово, зафиксированное в словаре. Продуктивным представляется сопоставление фактов, получивших отражение в исторических и региональных словарях, такой подход, как справедливо отмечала Г. А. Богатова, обеспечивает «всесторонний подход к истории слова, широкий языковой фон и „прочтение истории“ слова с той мерой подробности, потребность в которой может возникнуть у разных категорий обращающихся к словарям специалистов» [Богатова 1981: 81].

Словари

СВГ – Словарь вологодских говоров. / Под ред. Т. Г. Паникаровской, Л. Ю. Зориной. – Вып. 1–12. – Вологда: ВГПИ/ ВГПУ, 1983–2007.

СВРГ – Словарь вологодского режского говора. / Научный редактор Л. Ю. Зорина. – Вологда: ВоГУ, 2017. – 604 с.

СПЛ – Словарь промысловой лексики Северной Руси XV–XVII вв. / редактор Ю. И. Чайкина. – С-Пб: Дмитрий Буланин, 2002–2015. – Вып 1–3.

МАС – Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А. П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Русский язык, 1981–1984.

Литература

Берсенева, Л. А. Лексика плотницкого дела XV–XVII вв. как отражение языковой картины мира севернорусского крестьянина. // Рябининские чтения – 2015. Отв. ред. Т. Г. Иванова. – Петрозаводск: Музей-заповедник «Кижы», 2015. – С. 530–532.

Богатова Г. А. Историческая лексикография как жанр / Г. А. Богатова. – Вопросы языкознания. – 1981. – № 1. – С. 80–89.

Мильчик, М. И., Ушаков, Ю. С. Деревянная архитектура русского Севера. Страницы истории / М. И. Мильчик, Ю. С. Ушаков. – Л.: Стройиздат. Ленингр. отд-ние, 1981. – 128 с.

Судаков, Г. В. Лексика русского языка преднационального периода в структурно-семантическом и функциональном аспектах / Г. В. Судаков. // Слово и текст в культурном сознании эпохи: сборник научных трудов. – Вып. 4, ч. 1 – Вологда: ВГПУ, 2010. – С. 77–86.

Шейдаева, С. Г. Лексика крестьянских промыслов как источник русских фамилий: кузнечное дело. // Вестник Удмуртского университета. История и филология. – 2015. – Т. 25, вып. 2. – С. 69–77.

ЦЕПУШКА VS. ЦЕЛУШКА: К ПРОБЛЕМЕ ВЕРИФИКАЦИИ ДАННЫХ ДИАЛЕКТНЫХ СЛОВАРЕЙ

Аннотация. В статье затрагивается актуальный вопрос диалектной лексикографии, связанный с верификацией данных. На примере слова *цепушка* рассмотрена одна из зафиксированных в региональных словарях лексем, которые заставляют предполагать в них ошибку прочтения рукописных материалов. Приведен ряд аргументов, позволяющих считать данную вокабулу подменяющей лексему *целушка*. Сделан вывод о необходимости внимательного и критичного взгляда на материалы, скрупулезности, ответственности как при создании диалектных словарей, так и при работе с уже изданными трудами.

Ключевые слова: русская диалектология, диалектная лексикография, верификация данных, цепушка, целушка.

Критиками лексикографических работ уже давно поставлен вопрос о таком виде словарных ошибок, как «фантомные слова» («фантомы», «мнимые слова» и др.), то есть фиксация не существующих в действительности лексем. Данной проблеме посвящали свои работы многочисленные отечественные и зарубежные исследователи, включая диалектологов, в том числе А. М. Бабкин, Х. Вальтер, И. Г. Добродомов, А. В. Жуков, А. Ф. Журавлев, В. Махек, А. С. Мызников, Б. Ю. Норман, А. Б. Страхов, Н. И. Толстой, В. В. Шаповал и др. (см., например, [Аникин 2015; Боброва 2014; Михайлова 2009; Мызников 2023 и др.]).

Фантомные единицы крайне многочисленны, и они появляются, а затем проникают из словарей в аналитические работы по разнообразным причинам. Приведем лишь один пример, с которым мы столкнулись в нашей практике составления «Словаря русских народных говоров» (СРНГ), чтобы заострить внимание на крайне важной проблеме верификации диалектных данных. Лексикограф, безусловно, должен помнить об опасности разного рода ошибок, которые потом искажают выводы исследователей, а при обработке для включения в сводный диалектный словарь требуют дополнительных изысканий, иногда довольно затратных по времени.

В словарях сибирских говоров, причем дублирующих диалектные материалы, обнаружен гапакс *цепушка* 'стенка русской печи' с иллюстрацией: *Между передней и задней цепушками находится труба* (СРНГО: 576; СРГС, 5: 248). Данная цитата позволяет прежде всего уточнить значение: предполагаем, что здесь номинирована не стенка печи, как было обозначено составителями

словарей, а один из двух сводов – в передней стенке и в стенке горнила печи, между которыми дым из топки проникает в трубу.

Связь предполагаемого здесь корня *-цеп-* с «печной» тематикой неочевидна, но возможное объяснение данного факта подсказывает мысль Е. Л. Березович о позднем сближении корней *-соп-* → *-цеп-* // *-чеп-* [Березович 2023: 92–93]. Это позволяет выдвинуть гипотезу о связи слова *цепу́шка* с лексемой *сопу́ха* ‘разного рода отверстия для выхода дыма’, ‘сажа’ (СРНГ, 40: 9), ср. также: вологодское *сопуха́* ‘отверстие в русской печи для самоварной трубы’ – и *чепуха́* ‘отверстие для выхода дыма в стене’ (СРГК, 6: 224, 769); рязанское *чепуха́* ‘сопуха, трубная, сажа’ (Даль, 4: 607), *чипуха́* ‘сажа’, *чипушнóй* ‘цвета сажи, черный’ (ССРНГ: 597).

С одной стороны, данная версия подтверждается доводами Е. Л. Березович: «Думается, что превращение *сопухи* в *чепуху* произошло не только по фонетическим причинам (смещение *с//ц//ч* вследствие «соканья», «цоканья», «чоканья», когда при деэтимологизации переходы идут в разных направлениях), но и вследствие контаминационных процессов: во-первых, В. И. Даль прав, говоря о возможности притяжения *соп-* → *цеп-* // *чеп-* (сажа, копоть – то, что “цепляется”, а затем – метонимически – сама поверхность, на которую садится сажа); ...мы считаем, что здесь может быть только вторичное притяжение, а первично корневое *соп-*» [Березович 2023: 93].

С другой стороны, в этом случае должны были бы существовать переходные звенья от лексемы *сопу́ха* к *цепу́шка*, предположительно *сопу́ха* ‘выходное отверстие для дыма’, ‘сажа’ > **цепу́ха* > *цепу́шка*. Однако никаких свидетельств существования такой словообразовательной цепочки в территориальных диалектах не имеется. Кроме того, в новосибирских говорах, в которых зафиксирована интересующая нас лексема, слова с близкой семантикой отмечены только с корнем *-соп-*. При этом необходимо отметить, что в русских говорах есть лексемы с начальным *ч-*, хотя и немногочисленные, но с начальным *ц-* имеется только слово *цепу́шка*.

Следует допустить, что опосредующее звено (гипотетическое **цепу́ха*) не было зафиксировано случайно, как и множество других слов, большое количество которых утрачено теперь навсегда. Обратим, однако, внимание на другой факт: картотека СРНГ демонстрирует, что в сибирских говорах для обозначения отверстия в русской печи широко (в новосибирских, томских, алтайских, верхнеленских, иркутских, бурятских, амурских говорах) фиксируется наименование *цёлó*. Более того, существуют устойчивые сочетания *переднее* и *заднее цёлó*, которыми обозначают отверстия в передней стенке и стенке горнила русской печи, между которыми дым из печи уходит в трубу. То есть это именно то значение, которое было предложено для слова *цепу́шка*, и те сочетания, в которых оно использовано в иллюстрации. Это

означает, что с высокой степенью вероятности при чтении или непосредственно при воспроизведении в словарях рукописного первоисточника была допущена ошибка – произошло смешение графем *л* и *п*, и в действительности *цепу́шка* необходимо читать как *целу́шка*.

Косвенным, но немаловажным доказательством верности наших рассуждений служит машинопись словаря, текст которого и был позднее неоднократно воспроизведен (тиражирован) в различных версиях сводных сибирских словарей. Одна из машинописных копий в настоящее время хранится в архиве Института лингвистических исследований РАН (СРГКН).

Обращает на себя внимание, во-первых, то, что для лексемы *цепу́шка* в ней предложено толкование ‘стенка, образующая свод печи’, при этом различаются *цепу́шка передняя*, ‘находящаяся на передней стороне печи’, и *цепу́шка задняя*, ‘находящаяся на задней стороне печи’. На наш взгляд, данные дефиниции неточны и нуждаются в пояснении: что понимается под сводом печи и какая стенка с таким сводом обозначена как задняя.

Во-вторых, словник словаря включает, помимо прочих, лексемы *челó*, *цéло* ‘место перед печкой с отверстием для трубы’, в которых усматривается развитие значения исходного общерусского слова *челó* ‘устье печи’. Полагаем, такая связь более проста и очевидна, нежели гипотетические производные отношения с лексемой *сопу́ха*, что заставляет усомниться в необходимости апеллировать к ней при этимологизации указанного слова.

В-третьих, словарная статья «Цепу́шка» нарушает алфавитное расположение слов, находясь между статьями «Цéвка» и «Центрóвка». В сочетании с уже изложенными соображениями данный факт подводит к заключению о том, что это неслучайно, и также указывает на ошибочное смешение машинисткой графем *л* и *п*.

В итоге нельзя утверждать с абсолютной точностью, будто лексема *цепу́шка* ‘одно из двух сводчатых отверстий, сводчатых перекрытий в передней стенке и стенке горнила, между которыми дым из печи уходит в трубу’ – фантомное слово, подменившее существовавшую в действительности лексему *целу́шка*, однако приведенные аргументы позволяют говорить об этом с очень высокой степенью уверенности.

Таким образом, лексикографам крайне важно соблюдать предельную внимательность при словарном описании слов на всех этапах, начиная с ознакомления с материалами картотеки, с рукописной или иной экспедиционной записью. Каждый шаг требует ответственности и скрупулезной проверки. В свою очередь, работа с изданными словарями предполагает сохранение критичности взгляда и внимательности прочтения.

Источники

Даль – Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В. И. Даль. – 2-е изд. – СПб.; М.: Изд. М. О. Вольфа, 1880–1882 (1989).

СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей: в 6-ти т. / гл. ред. А. С. Герд. – СПб., 1994–2005.

СРГНО – Словарь русских говоров Новосибирской области / под ред. А. И. Федорова. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1979. – 605 с.

СРГС – Словарь русских говоров Сибири: в 5-ти т., 6 кн. / под ред. А. И. Федорова. – Новосибирск: Наука, 1999–2006.

СРНГ – Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, С. А. Мызников. – Т. 1–52. – М.; Л.; СПб., 1965–2021.

ССРНГ – Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области) / под ред. И. А. Оссовецкого. – М.: Наука, 1969. – 612 с.

СРГКН – Солтан, С. Г. Словарь русских говоров Кыштовского р-на Новосибирской области / С. Г. Солтан, С. К. Макеенко. Новосибирск, 1968. – Рукопись. – Место хранения: ИЛИ РАН, г. Санкт-Петербург.

Литература

Аникин, А. Е. Критико-этимологические этюды: примеры недоразумений, неточностей и фальсификации в русской диалектной этимологии и лексикологии / А. Е. Аникин // Сибирский филологический журнал. – 2015. – № 4. – С. 129–137. – DOI 10.17223/18137083/53/14.

Березович, Е. Л. О роли живого материала при верификации этимологических решений: случай чепухи / Е. Л. Березович // Вопросы языкознания. – 2023. – № 3. – С. 77–98. – DOI: 10.31857/0373-658X.2023.3.77-98.

Боброва, М. В. О фантомах в диалектной фразеографии: к постановке вопроса / М. В. Боброва // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2014. – № 3 (27). – С. 94–103.

Михайлова, Л. П. Качество собранного материала и вопросы составления диалектных словарей / Л. П. Михайлова // Методика полевых работ и архивное хранение фольклорных, этнографических и лингвистических материалов: мат-лы науч.-практ. семинара, г. Петрозаводск, 23–24 марта 2009 г. – Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2009. – С. 95–103.

Мызников, С. А. Сводная диалектная лексикография: проблемы верификации в диахронии / С. А. Мызников // Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий: сб. науч. ст. / науч. ред. С. И. Доброва. – Воронеж: Изд-во Ворон. гос. пед. ун-та, 2023. – С. 174–180.

ОБ ОДНОМ ЛЕКСИЧЕСКОМ ДИАЛЕКТИЗМЕ И ЕГО ПРОИЗВОДНЫХ В ПСКОВСКОМ ОБЛАСТНОМ СЛОВАРЕ

Аннотация. Статья посвящена диалектизмам с корнем *-посак-* / *-посач-*, представленным как в «Псковском областном словаре с историческими данными», так и в некоторых других диалектных словарях.

Ключевые слова: лексические диалектизмы, «Псковский областной словарь с историческими данными».

Работа над ПОС ведется в СПбГУ и ПсковГУ уже седьмое десятилетие. В 2024 г. опубликован 29 вып., в который вошли слова от *пойти́* до *поля́шить*. Уже составлены выпуски 30 (*но́ма-порошо́чек*), 31 (*порсану́ть-по́тный*), 32 (*пото́г-пра́ться*), отрезки для дальнейших выпусков, которые ожидают редактирования.

В свое время получила для составления очередной отрезок, который начинался со слова *поса́к*. Далее по алфавиту нашелся *поса́ч*, а также несколько производных: *поса́цкий*, *посачёнок*, *посачёныш*, *посачьё*. Авторы ПОС давно привыкли к тому, что в картотеке регулярно встречаются непонятные слова, относящиеся к группе собственно-лексических диалектизмов. Карточек на лексему *поса́к* оказалось очень много, на дериваты меньше (общее количество цитат на все перечисленные слова – 93), и из знакомства с ними семантика слов вырисовалась вполне отчетливо. Приведу составленные, но еще не обсужденные словарные статьи.

ПОСА́К, м. 1. *Плохой человек, негодяй; хулиган, бандит. Ёхали пьсаки́, хош фулюга́ны, а па-стариннаму пьсаки́. Пушк. 1958. Паёхали с мясам. Пасаки́ вяли́, вяли́ – филиганье́-та, завяли́ ф такую камза́тку, у́зинька ме́ста, те́мна там, игра́ют и патпива́ют, атабра́ли де́ньги и да свиданья́. Остр. 1960. Вдрук ф куста́х павёртываица чилавёк. Мо́жыт, э́та паса́к был, ани́ фсе́ па дама́м хади́ли. Н-Рж. 1974. Какии́-та пасаки́ уби́ли Пе́тьку. Ён партиза́нам мало́у муку́. Себ. 1962. Ни хачу́, штоп ты был паса́к, ни варавáл, ни хулюга́нил, ни брани́лся, штоп никто́ плахо́ва сло́ва ни сказа́л. Остр. 1960. Ён, паса́к, тако́й хулига́н. Я ево́ баю́сь, бе́са. Пыт. 1983. Пьсаки́ – е́тъ фсе́ хулига́ны. Гд. 1968. Паса́к што хош, то и зде́лае, по́длый тако́й. Остр. 1960. В нас ро́да сто́ышшая, а от ф табя́ анни́и пысаки́. Остр. 1925. – бранно. Паса́к! Уби́л чилавёка. Душыгу́биц. У! Варю́га! Беж. 1969. Пасаки́! Кр. 1999. + Гд. 1958; Остр. 1961, 1973; Палк. 1961; Печ. 1961. ср. **поса́цкий**, **поса́ч**; **посачьё**.*

2. *Вор*. Пасак – ані с Лянинграда высылалісь. Мόжна фулюганам [назвать], али пасак. Пасакі кармаыны чыстыли. Я помню, три штуки были высланы, абихажывались тут па диярвням, ну, паабедать прасили. *Кр.* 1961. Пасак был Мйшка-Стрябок. Ня аткрывали яму двери: спирал фсе. *Оп.* 1975. Пасак – эта самыи плахой целавек, шшяс и ф кармаы заберецца. *Кр.* 1958. > Идти в посаки. *Начать заниматься воровством и бродяжничеством. Нев.* 1978. > Посак на посаку. *Вор на воре, бродяга на бродяге. Нев.* 1978. Δ Довести до посака кого-н. *Причинить вред кому-н.* Ани ш давидут тибя да пасака, ани ш фулиганы – гаварю – куда ты паедиш с ними! *Остр.* 1970. **ср. посачье.**

3. *Буян, драчун*. А нихарашо делаит пасак: дирещца, кулакй вздымаит свай. *Дед.* 1974. Витька, пасак такой, фсе драцца лезит. *Остр.* 1960. Пасак называецца, каторый бузит. *Палк.* 1961. Пасак – он напился, чаво-нибуть нагрубил, стекла пабил, во, гаваря, пасак. *Кр.* 1961. Этат Зинкин Жэнька ва фсе время сабачицца, как пасак какой. *Кр.* 1961.

4. *Лентяй, бездельник*. Пасак – вот маладой парень работать не хочэт – вот и пасак. *Кр.* 1958. Пасакй там бигут за каретай. Ну, каторые ницэво ни делают, ни работают. *Палк.* 1961. Пасакй – сапьюцца или ни хатят работать, пасакй называюцца. *Н-Рж.* 1974. С этым пасаком сйездиш в Ленинград: пьянствуют, работать ни хочут, а хочут штоп манна с нибес валилась. Вот и пасак, пасаккий. *Н-Рж.* 1984. **ср. посач.**

5. *Нищий, живущий подаянием*. Пабряех таперь нету, а раньшы пасакй бывала ходят. Ня лезут нахам, а паздарофкаюцца, а патом исть папросят. *Остр.* 1966. Пасакй – ани бенныи, ани харошыи были. Пасак называицца: ня работает, адетый плоха, в лаптях. Сявоння у мяня паберя кускоф, зайдёт выпья. Ани как цыганы хадили. *Кр.* 1961. Пасак – каторы ходят пабираюцца, варуюцца. *Н-Рж.* 1984. Иди ф пасакй, рас без разряшэния жэнишся. *Остр.* 1960. А он пабирался, и яму дарили, фсе знакомыи. Так и пабиралси, пасак. *Пыт.* 1983. Нявеска была ленинграцца, каканибуть с пасакоф. *Остр.* 1961. – *в сравн.* Галошы падвяжу, пайдю как пасак. *Кр.* 1971. Кагда приывают в армию, ани идут как пасакй, полы распустифшы. *Печ.* 1976. **ср. посаккий.**

6. *Пьяница*. Типерь плоха живёт уш кто чыстый пасак. Эта какой многа вотку пьёт. *Оп.* 1971. Приде мужык пьяный – назывался пасак да пасаккий, нажрафшы – так пасак. *Гд.* 1972. Уедя – фсе пасаком прапье. Такой пьяница, пасаккай. *Остр.* 1961.+ *Оп.* 1925. **ср. посаккий.**

7. *истор. Сосланный в деревню революционер, ссыльный*. Пасакй – высланные за ревалюцыонную деятельность. Не разрешалась в гарадах жить. *Сл.* 1957. Пасак – вышлють жить из горада в уес, он атмяццаца ходит, яму няльзя в анном месте работать, ани бенныи да рваныи хадили. *Пушк.* 1958. Пасакам назывались-та, забастофку делали. З гарадоф приежжали, высылали

их. Тóрбу на плéчи и пашóл. Спéрва ни хóчат, пла́чют, а патóм идúть с тóрбай-та. *Остр. 1960.* Пасакí – уцóные лúди. *Остр. 1968.*

8. *Воробей.* Пасáк – éта мазúрик, затó и варабéй пасáк: ён пшанíцу варúит. *Палк. 1961.* Варабья́ пасакóм завúт: ён любóй хлеп клюёт, где пасéют. *Сл. 1957.* ср. **посáцкий.**

9. *Озорной мальчик.* Рябёнак штó-нибуть балúет – «вó пасáк» гавáривали. *Н-Рж. 1984.* Вот хулюгáны! Што с пасакáм здéлаш? Па-харóшаму ни слúшают. *Гд. 1959.* У Гáли-та аннí мальчы́шки, аннí пасакí, балóванныи. *Стр. 2001.* С Пíтера пасáк, мáленький пасáк. *Стр. 1959.* Привязúть мне пасакóф [внуков] – какíе анí памóшники? *Оп. 1971.* Два посакá у мянá. Засекáют рукавá и дерúцца, драксуны́. *Гд. 1959.* Пасáк – мальчы́шка-хулигáн, дяфчёнку пасакóм ни назавёш. *Палк. 1961.* – *бранно.* Ах ты, пасáк éтакий! Ня дразнí сабáку! *Дед. 1962.* Ах ты пасáк! Што ты дéлыш, нецýстая сýла! *Н-Рж. 1961.* [Псу:] Пирáт! Ах ты волк éдакий! Пасáк такóй! *Кр. 1968.* ср. **посачёныш, посачóнок, посачьё.**

Мы видим, что большая часть примеров была записана в 50-е – 70-е годы, однако встречаются записи и 80-ых годов, и даже начала XXI в. География представлена широко, что свидетельствует о распространённости диалектизма в псковских говорах от самых северных (гдовские) до южных (невельские).

В большинстве значений лексема выражает неодобрение говорящих, что естественно, поскольку бандитизм, хулиганство, воровство, убийство относятся к социально неприемлемым действиям, а пьянство, драчливость и лень – к порицаемым пристрастиям и свойствам человека. Отрицательная коннотация в меньшей степени свойственна значению ‘нищий’, поскольку, как видно из цитат, диалектоносители по-разному относились к людям, вынужденным собирать подаяние. Лишено, как кажется, отрицательной окраски историческое значение ‘ссылный’. Номинативным, а не оценочным, является значение ‘воробей’. Что касается значения ‘озорной мальчик’, то здесь, как видим, снова преобладают коннотативные употребления слова, потому что в большинстве контекстов речь идет о драчунах и маленьких хулиганах, которые, хотя и являются детьми, но доставляют беспокойство окружающим.

Остальные лексемы с корнем *-посак-* / *-посач-*, представленные в том же словарном отрезке, совпадают по семантике с теми или иными значениями описанного слова.

ПОСА́ЦКИЙ, м. *То же, что посáк.* 1. Сáмый лихóй – пасáцкий, пасáк. Э́та нихарóший чилавёк. *Остр. 1973.* Пасáцкий убивáет людéй. *Беж. 1969.* Пасáцкий – так как разбóйник. *Печ. 1961.* Во посáцкий где! (Кто это?) Бандíт, да, бандíт. *Нев. 1998.* Рáньшы нихарóших людéй назывáли: как пасáцкий хóди. Был такóй разгавóр. Яны́ пíли, гуля́ли. *Оп. 1975.* Нашóлса адíн пасáк, пасáцкий. *Гд. 1959.* Я

на кур говорю: Посачи вы этакие! Такие вредные, как посацкие. Выходи! *Пл. 1968.* – бранно. Фсю пшаницу смясили, во гады, посацкие, вольные. *Пуст. 1990.*

2. Посацкии ходят, ани тибя и апкрадут. *Беж. 1977.* Посацкий и взять можы што. *Пуст. 1973.* Радитили добрыи, а сын стал посацким. *Пушк. 1959.*

3. А азарника и посацким назавеш. Мйшка Акунькоф няхарошый, лезит вязде, кричу: «Посацкий, чяво тут лезиш?» *Пуст. 1973.* «Посацкии» парней называют, как раньшы посацкии хадили: рукавы засуча и вдоль ярманки и пашол. *Он. 1975.*

4. Бяздельник, не работаит – эта фалюган, посацкий. *Беж. 1977.*

5. Галошы падвяжу, пайду как пасак. У нас фсе гаваря: как посацкий. *Кр. 1971.* Посацкий ходя рваный. *Пуст. 1973.* Наташа аделась как посацкий. *Он. 1975.*

6. Приде мужык пьяный – назывался пасак, да посацкий. *Гд. 1972.* Пьянствуют, работат ни хочут, а хочут штоп манна с нибес валилась. Вот и пасак, посацкий. *Н-Рж. 1984.* Такой пьяница, посацкай. *Остр. 1961.*

8. Варабей-та посацкий раньшэ называли. *Палк. 1961.* Висной на палях посацких тьма. *Пск. 1970.* Посацкый к пшаницы прибралси. *Сл. 1957.*

ПОСАЧ, м. *То же, что пасак.* 1. Да эта лининградские пасачи машину взяли. *Локн. 1980.* Посачи – хош и люди бывають, такие отчаянные. *Пл. – бранно.* Я на кур говорю: Посачи вы этакие! Такие вредные. *Пл. 1968.*

4. Бахлюй – пасач настаяшый, непригодный г жызни, ад дома атказался; сынокф ымеет, а сынки ня знають, што есть радитель. *Беж. 1977.*

ПОСАЧЭНЫШ, м. *Ум.* → **пасак 9.** – бранно. [Маленькой девочке:] Ах ты, пасачэныш, фся извазифшы! *Пыт. 1983.*

ПОСАЧОНОК, м. *Ум.* → **пасак 9.** – бранно. [Котенку:] Пашол, пасачонак, прочь! *Пушк. 1958.*

ПОСАЧЬЁ, с. *Собир.* → **пасак 1.** Раньшы няхарошых людей так называли: как посацкий ходи. Как пасачье. Яны пили, гуляли. *Он. 1975.*

2. Булки брали – фсе нарядныи такии окала миня, ни падумаеш, што пасачье, што згримзят. *Остр. 1960.*

9. Иш пасачье какоя! Пасакй вроди как мальчишки фулиганы. *Остр. 1961.* Вот пасачье расте! Мазурики такии, балавники. *Он. 1975.* **Вар. пасачье.**

Как видим, наиболее представлена и семантически богата лексема *посацкий*, синонимичная слову *пасак* во всех современных значениях. Фонетическая оболочка этого субстантива наводит на мысль о его производности от историзма *посадский* ‘житель посада’. В Словаре русского языка XI–XVII веков на прил. *посадский* представлено устойчивое сочетание *посадские люди* ‘тяглое торгово-ремесленное население русских городов’ [Сл. XI–XVII, 17: 153].

Обращение к дериватам историзма *посад*, представленным в ПОС, дало следующие результаты. Три лексемы взяты из Словаря Карпова, откуда они

попали в Словарь Даля и СРНГ (из этих источников для ПОС выбирается весь материал с пометой «псковское»). Это *посади́ха* и *посади́ша* ‘растеряха’ [Даль, 3: 338; СРНГ, 30: 135] и *поса́дица* ‘бестолковый, некорыстный расход, растрата’ (там же). Далее в ПОС представлены свои материалы:

ПОСА́ДНИЧАТЬ, *несов. Вести себя недостойно, нарушать закон, воровать, бродяжничать. Дóчка пашла́ поса́дничать, хулига́нкъ ста́ль и уби́ть мо́жыт. Остр. 1998. Мíня поса́ньничал, хулига́ньничал. Гд. 1959. Вы́рвался из роди́тельских рук, начнё́т поса́дничать – недалеко́ и до тюрю́мы. Полн. 1957. Идёт ф пасаки́, а сам гра́матный – што, рабо́ты нет? Поса́дничать пашо́л. Нев. 1978.*

ПОСАДО́Р, *м. Бездельник, ведущий праздную, разгульную жизнь за счёт сбора подаяний. Ф Пíтеры фсе́ посадо́ры, пью да гуляю, хазя́йства не имéю, насаби́рают здесь, прададу́т, на даро́гу нако́пя и апя́ть паéдут сизо́н свой справля́ть. Гд. 1959.*

ПОСА́ДЬЯ, *м. и ж. Нищий. Паса́дья – ёта нихаро́ший па́ринь, паса́к. Он хади́л и пабира́лся. Остр. 1961. Гуля́й, мая́ паса́дья, гуля́й не уныва́й, пача́щи то́рбачку патря́хивай, куско́ф ни пати́ряй. Остр. 1961.*

Все эти слова образованы от слова *посад* ‘торгово-ремесленная часть русских городов, расположенная вне крепости’ (Сл. XI–XVII, 17: 149) и имеют, как видим, семантику, аналогичную или очень близкую значениям описанных выше лексем с корнем *-посак-* / *-посач-*.

Вместе с тем само слово *посадский* ‘житель посада’ как в ПОС, так и в Сл. XI–XVII не имеет ни одной пейоративно окрашенной иллюстрации. В ПОС приводится 11 цитат из разных исторических источников, и во всех слово *посадский* выполняет исключительно номинативную функцию. В связи с этим возникает вопрос, почему его дериваты в псковских говорах в большинстве своем обозначают плохих и очень плохих людей.

Понятно, что все описанные выше лексемы с корнями *-посак-* / *-посач-* относятся к диалектной составляющей русского языка, поэтому в словарях литературной лексики отсутствуют. В БАС-1 за словом *посажённый* следует *посапывание* (БАС-1, 10: 1451), в МАС аналогично (МАС, 3: 311), в БАС-3 соседствуют *посажённый* и *посамовольничать* (БАС-3, 19: 61).

Зато в 30-м вып. СРНГ данный корень представлен в четырех лексемах следующего ареала: тверское, псковское, калининское, русские говоры Латвии, а также предположительно олонецкое. Семантика очень близкая к тому, что дают материалы ПОС: *поса́к* ‘вор, мошенник’, *поса́ч* ‘босяк, оборванец’, ‘жулик’, ‘ловкач’, *поса́чество* ‘бродяжничество, попрошайничество’, *поса́чить* ‘попрошайничать, собирать милостыню’ (СРНГ, 30: 137–138). Выше по алфавиту нашлись *поса́дская рыба* ‘испорченная рыба’ (Азов, Таганрог, Керчь)

и *посадский* в значениях 'жулик' (Ярославль), 'босяк' (Петроград, Архангельск), 'пропащий человек, выпивоха' (Лодейное Поле) (СРНГ, 30: 136).

Сл. XI–XVII, который, подобно СРНГ, обобщает материалы разных регионов, да к тому же еще и разных эпох, ничего подобного не фиксирует.

Не нашлось лексемы *посак* и в этимологических словарях. Так, у Фасмера представлены *посаг* 'свадьба', *посад*, *посажоный*, а следом за ними уже *поселюга* 'новосёлы в Сибири' (ЭСФ, 3: 3380).

Вместе с тем в Интернете имеются материалы из ряда газет, в которых в июне – октябре 2016 г. были опубликованы заметки с такими названиями: «Посак. Что это такое?» (Санкт-Петербургские ведомости), «Берестяная грамота 1082 года: *посак* значит мошенник или вор» (Правда Севера), «Расшифровано неизвестное древнерусское ругательство» (Лента.Ру) и ряд других, в которых сообщалось, что при раскопках в Великом Новгороде была обнаружена берестяная грамота XIV в. (при этом 1082 – не год ее написания, как ошибочно указано в заголовке, а номер по счету, начиная с первых грамот, найденных в 1951 г.). В первой по времени статье читаем: «Археологи обнаружили ранее неизвестное древнерусское ругательство, обозначающее 'вор' или 'мошенник', на берестяной грамоте в ходе раскопок. Такое толкование дали лингвисты слову *посак*, которое встретилось им на бересте впервые за 60 лет археологических работ. <...> Академик РАН Андрей Зализняк на основе псковских и тверских говоров дал толкование ему как 'вор' или 'мошенник'» [Берестяная грамота].

Через два месяца выходит статья на ту же тему, где читаем: «В начале летнего сезона <...> был найден берестяной свиток, с которым уже связано много пересудов и журналистских уток. Ученые полагают, что в их руках оказалась запись оброка или долга. Недоумение вызвало неведомое раньше слово *посак*. Первая трактовка, которую предложили лингвисты, основываясь на псковских и тверских говорах, что *посак* – это синоним понятия *мошенник*, *обманщик*. Однако после этого специалисты продолжили исследования и выдвинули другую, более правдоподобную гипотезу: скорее всего, речь идет об определенном сословии горожан, которое впоследствии получило наименование *посадских*. То есть речь идет о тех, кто жил на посаде, не входил в городскую общину. Скорее всего, это слово все-таки не имеет ругательного значения» [Глезеров].

Еще через два месяца в другом издании: «Российские ученые расшифровали неизвестное древнерусское ругательство, найденное на берестяной грамоте. Специалисты установили, что слово *посак* являлось древним эквивалентом слов *пьяница* или *лентяй* <...>, имело уничижительное, ругательное значение. <...> Само ругательство произошло от слова *посад*, означавшего город. Академик Андрей Зализняк утверждает, что крестьяне

считали городских жителей пьяницами. На берестяной грамоте данное слово употребляется во фразе «Уов ортимие уо посака три берковесеке». Специалисты считают, что здесь говорится о долге или оброке, так как слово *берковец* означает определенную меру зерна или меда. Точный смысл фразы пока восстановить не удалось. Однако данная грамота – единственная, в которой встречается *посак*» [Кто такой *посак*].

На этом цитирование прессы можно закончить. Ошибочным утверждением в приведенных заметках, помимо неверной датировки грамоты, является то, что найдено «ранее неизвестное» / «неведомое раньше» слово / «неизвестное древнерусское ругательство» – но 30-ый вып. СРНГ, где описаны лексема *посак* и ее дериваты, вышел еще в 1996 г. В найденной грамоте, конечно, слово не является ругательным. Верно предположение о том, что слово обозначало жителя посада. Жанр текста – деловая письменность, грамота сообщает, что у посака Артемия три берковеска, а *берковеск* – ‘мера веса, равная 10 пудам’ (Сл. XI–XVII, 1: 147).

При этом в НОС, описывающем современные новгородские говоры, слово *посак* отсутствует. Но есть *посач* с толкованием ‘то же, что *посадский* в 1-2 знач.’ 1. *Посач* – пропившийся, безработный человек. 2. Все ягоды обобрали *посачи*. Сын-то у тебя каким *посачом* растёт. *Посач* – озорник. У какой *посач*! *Посачей*, *мазуриков* высылали из Питера-то. 2. Вор. Вот *посачи*-то это и есть, воруют. (НОС: 916). А *посадский* в этом словаре толкуется как 1. Опустившийся человек, пьяница. *Колька-то пропившийся, посадский*. *Посацкий* – это человек, который пьёт, идёт по плохим делам. Ну ты и *посацкий*. 2. Хулиган, озорник. *Посадские* все огурцы спортили. *Посацкий* – озорник. Ты самый настоящий *посацкий*, *мазурик* (НОС: 916).

Таким образом, мы видим, что семантика описанных слов в говорах XX в. тождественна, лексемы являются пейоративными, и согласимся с приведенным в заметках мнением А. А. Зализняка о том, что слово *посак* производно от *посада*. При этом единственная средневековая фиксация лексемы *посак* и многочисленные древнерусские фиксации слова *посадский* показывают, что эти лексемы употреблялись в номинативной функции. Все отрицательные смыслы, представленные в диалектных словарях, развивались в говорах разных регионов и действительно отражают негативное отношение крестьянства к жителям посада.

Источники

БАС-1 – Словарь современного русского литературного языка в 17-ти тт. – Т. 1. – М.–Л., 1950. – Т. 17. – М.–Л., 1965.

БАС-3 – Большой академический словарь. – Т. 1. – М.–СПб. 2004. – Т. 28. – М.–СПб., 2024 (издание продолжается).

Даль – Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка в 4-х тт. – СПб., – М., 1880–1882.

МАС – Словарь русского языка в 4-х тт. – М., 1999.

НОС – Новгородский областной словарь. – СПб., 2010.

ПОС – Псковский областной словарь с историческими данными. – Вып. 1. – Л., 1967. – Вып. 29. – СПб., 2024 (издание продолжается).

Сл. XI–XVII – Словарь русского языка XI–XVII веков. – Вып. 1. М., 1955. – Вып. 30. – М.–СПб., 2015 (издание продолжается).

СРНГ – Словарь русских народных говоров. – Вып. 1. М.–Л., 1965. – Вып. 52. – СПб., 2023 (издание продолжается).

ЭСФ – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка в 4-х тт. – М. 1964–1973.

Литература

Берестяная грамота 1082 года: посак значит мошенник или вор // Правда Севера. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://pravdasevera.ru/2016/06/23/60b0a09cb43ef52e7c6711cc.html> (дата обращения: 15.08.2025)

Глезеров С. Посак. Что это такое? // Санкт-Петербургские ведомости. – [Электронный ресурс]. – URL: [https://spbvedomosti.ru/news/nasledie/posak_что_это_такое_/](https://spbvedomosti.ru/news/nasledie/posak_что_это_такое/) (дата обращения: 15.08.2025)

Кто такой *посак*: ученые разгадали древнерусское ругательство // Новые известия. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://newizv.ru/news/2016-10-19/kto-takoy-posak-uchenye-razgadali-drevnerusskoe-rugatelstvo-238508> (дата обращения: 15.08.2025)

Волженцева Е. А.

Оренбургский государственный педагогический университет
(г. Оренбург)

НАИМЕНОВАНИЯ ПРЕДМЕТОВ ДОМАШНЕЙ УТВАРИ В «ОРЕНБУРГСКОМ ОБЛАСТНОМ СЛОВАРЕ» Б. А. МОИСЕЕВА

Аннотация. В статье рассматривается «Оренбургский областной словарь» Б. А. Моисеева как источник, отражающий особенности русской диалектной лексики Оренбуржья XIX–XX вв. Особое внимание уделяется предметно-бытовой лексике в группе «Домашняя утварь», включающей наименования предметов домашнего обихода, в том числе кухонные принадлежности, предметы личной гигиены, вместилища и др., являющейся важной частью языковой картины мира на территории позднего заселения.

Ключевые слова: оренбургская диалектная лексика, предметно-бытовая лексика, наименования домашней утвари, «Оренбургский областной словарь» Б. А. Моисеева.

Актуальность изучения предметно-бытовой лексики обусловлена прежде всего их местом в языковой картине мира. Г. В. Судаков справедливо отмечает, что эти слова «обозначая жизненно важные реалии, по-разному эволюционирующие на разных территориях, эти слова меняют свой семантический объем и парадигматические связи, что обуславливает их территориальную дифференциацию, особенно развитую в кругу конкретных названий. Здесь немало и чисто этнографической лексики, называющей реалии локального распространения. Предметно-бытовая лексика благодаря постоянной необходимости для общения и широкой употребительности (в силу ежедневной потребности в называемых предметах) является одной из основных частей словаря любого языка, причем хорошо отражающей малейшие изменения в развитии словарного состава данного языка» [Судаков 2015: 200], при этом такое положение особенно показательно при сопоставлении с данными русского литературного языка в синхронии и диахронии [Бекасова 2005: 90-94],

Среди данной лексики особо значима группа, представляющая собой совокупность предметов домашнего обихода. Она играет важную роль в повседневной жизни людей, обеспечивая удобство и безопасность их быта. Домашняя утварь различается по материалу и технике изготовления, а также выполняет следующие функции: 1) приготовление, хранение, подача и прием пищи и напитков; 2) поддержание чистоты тела, одежды и жилища; 3) хранение различных вещей; 4) организация пространства жилого помещения.

Цель данной статьи заключается в рассмотрении особенностей фиксации номинаций, обозначающей домашнюю утварь на материале «Оренбургского областного словаря» Б. А. Моисеева, который включает в себя 5698 слов и словосочетаний и является наряду со словарём В. И. Даля значимым лексикографическим трудом, фиксирующим оренбургские русские говоры. Надо отметить, что «каждодневный труд одинокого “подносчика”, начиная с его первых научных публикаций в 60-е годы прошлого века материалов оренбургского областного словаря и принципов его составления, увидел свет более чем через полвека» [Бекасова 2024: 44], а второе издание было дополненное автором, когда ему исполнилось 94 года.

Б. А. Моисеев отмечает в своем предисловии к словарю, что «словарь создан на основе картотеки, которая составлялась с перерывами на протяжении длительного времени. На карточки перенесены диалектные слова и сведения о них, взятые из многочисленных записей живой диалектной речи, сделанных автором в различных населённых пунктах области <...> В распоряжении составителя Словаря находился и дополнительный материал – это авторские выписки, перенесённые на карточки, из различных источников, как рукописных, так и печатных, относящихся к дореволюционному периоду, а

также к советскому; выписки из оренбургских газет, напечатанных до 1917 г., а также в советское время; выписки из книг оренбургских писателей, в произведениях которых встречаются диалектизмы» [Моисеев 2010: 3–4].

В результате сплошной выборки интересующей нас предметно-бытовой лексики было выявлено более ста наименований домашнего обихода, которые вслед за Е. Н. Ильиной мы распределили следующим образом: 1) кухонные принадлежности; 2) предметы для личной гигиены и гигиены жилища; 3) вместилища (корзины, сундуки, мешки, сумки); 4) подвижная мебель (столы, стулья, лавки, кровати и пр.) [Ильина 2022: 174].

Самыми широко представленными в «Оренбургском областном словаре» Б. А. Моисеева являются наименования кухонных принадлежностей, анализ которых показывает:

1) преобладание существительных женского рода, например: *бары́лка* – жбан в виде кувшина (19 – здесь и далее ссылки на «Оренбургский областной словарь» Б. А. Моисеева даются в круглых скобках); *квашо́нка* – большой горшок или кадочка разводить тесто (60); *маки́тра* – большой горшок с широким горлом, в котором разводили тесто (90); *мучни́ца* – широкое и мелкое корыто, в котором месят тесто (99); *ношу́лка* – глиняная банка, чашка кипятить молоко (108);

2) наличие диалектных синонимов, например: *ла́точка*, *ла́тушка* – небольшой горшок топить масло (84); *но́чва*, *ночѐвки* – деревянное корыто, в котором хранят муку и месят тесто (108); *обарѐнка*, *обарник*, *поварѐнка* – большая ложка в виде поварѐшки или уполовника, сплетѐнная из прутиков, которой вынимают пельмени, вареники из чугуна, кастрюли (109, 127); *оббу́тик*, *оббу́тук* – горшок с отбитым краем (109); *пахту́шка*, *пахтаница*, *пахтанка* – кадочка или деревянное ведро, в котором пахтают масло (121);

3) использование уменьшительно-ласкательных форм, например: *горна́тка* (*горна́точка*) – маленький горшок, в котором варят кашу детям (36); *ка́шничек* – детский горшок варить кашу (60); *чашу́рка* – чашечка (178).

В связи с этим следует отметить замечание Г. В. Судакова о том, что в системе языка «происходит десемантизация деминутива с утратой оттенка уменьшительности и приобретением способности обозначать модифицированный вариант или новый тип реалии, при этом начальная форма может перейти в разряд архаично-книжных слов, утратить в значительной степени конкретное значение и приблизиться по характеру семантики к общему именованию. Одновременно происходит развитие вторичного деминутива по соответствующей модели, ср. историю слов *чаша* – *чашка* – *чашечка*, *чара* – *чарочка* и под. Нередким было и такое развитие процесса, как утрата первичного деминутива и увеличение престижности вторичного деминутива. Иногда основное слово имело локальное

распространение, зато его производные с уменьшительным значением склонны к общерусскому употреблению» [Судаков 2015: 289]. Для оренбургских русских говоров такие производные следует признать наиболее показательными. Например, в лексемах типа *обарёнка*, *поварёнка*, *латочка*, *латушка*, *пахтушка* и под. Особого замечания заслуживает лексема *горнáточка* (от архаичного наименования *горн / горнец*), которое отсутствует даже в «Словаре русских народных говоров», однако имеется лексема *горнатик* (глиняный или медный сосуд), зафиксированная на территории Курской области (Словарь 1972: 46).

Предметы для личной гигиены и гигиены жилища – не менее значимая группа домашней утвари, связанная с поддержанием чистоты. Наименования данной группы в «Оренбургском областном словаре» можно разделить в соответствии с функциями утвари: 1) ткани для покрытия или очищения, например: *вехóтка* – тряпочка, кусочек мочалки мыть посуду (29); *настóльник* – скатерть накрывать стол (104); *утирáльник* – полотенце (173); *столéшник* – скатерть накрывать стол (162); 2) предметы для стирки и глаженья: *катáлка* – деревянный валёк, на котором гладят бельё рубелём (58); *прáльник* – валёк выбивать бельё во время стирки (137); *рубéль* – рубчатый валёк (в поперечных рубцах), которым гладили бельё, навёрнутое на каталку (150); *хлуд* – палка, немного изогнутая, похожая на коромысло, на которой женщины носили выстиранное бельё на озеро или реку полоскать (175); 3) сосуды для воды или помоев: *корéц* – ковш черпать воду (69); *лохáнка* – небольшая кадка с ушками для помоев (88).

Особого замечания заслуживает лексема *кумгáн* – увесистый чугунный кувшин с длинным носиком и крышкой, служит как умывальник (78). Г. В. Судаков особо отмечает данное заимствование среди тех, которые приобрели диалектный характер в связи с появлением таких инноваций в «приграничных районах, на территории которых торговые и бытовые контакты с иностранцами были наиболее интенсивными <...> Если при этом разные фонетические варианты слова связаны с разными регионами (ср.: *кумган* – севернорус, московск., рязанск., *кунган* – среднерус, белозерск., рязанск., воронежск., см. также разную географию вариантов *яндова* – *ендова*), то это может быть свидетельством неоднократного заимствования слова из близкородственных языков, причем в разных частях России» [Судаков 2015: 261].

В нашем случае заимствование было связано с совместным проживанием с тюркскими народами, в связи с чем многие предметы быта были заимствованы переселенцами вместе с их названиями [Бекасова 2024: 84-95]. При этом Г. В. Судаков отмечает, что названия столовой посуды типа *кунган*, *кадь*, *кадка*,

горшок, чаша, чашка были известны «на всей русской территории» [Судаков 2015: 260].

Стоит обратить внимание на наличие наименований, отражающих роль религиозных традиций в быту: *бóжник, набóжник* – полотенце обвешивать иконы (22, 100); *пеленá, пелёна* – полотенце, которым обвешивают (обкладывают) иконы в переднем углу (121); *подзóр* – вышитое полотенце обвешивать иконы (129).

Важными составляющими домашней утвари являются вместилища, наименования которых также можно встретить в «Оренбургском областном словаре». Вместилища выполняют роль хранения различных вещей: 1) хранение зерна: *колóда* – ларь для хранения зерна, выдолбленный из толстого и короткого бревна (67); *кóроб* – ящик, в котором хранится зерно (69); *сéтево, сетёвка* – лукошко, сплетённое из прутьев, в которое насыпали зерно, предназначенное для ручного сева (155); 2) хранение продуктов питания: *лáкомка, тóрбинка* – пастушья сумка для продуктов (168); 3) хранение ценных вещей: *скрýнник* – отделение в верхней части сундука, где хранили деньги, документы и драгоценности (157).

Следует отметить лексему *турсúк*, которая имеет в СРНГ 13 значений, однако в значении '*кожаный мешок для хранения молока, воды, кумыса*' (170) фиксируется с пометой оренбургское (чкаловское) и далее по Уралу и Сибири.

Особый интерес представляет слово *мех*, обозначающее мешок (94). Информацию, касающуюся данного наименования, можно встретить в монографии Г. В. Судакова «История русского слова». В языке XVI–XVII вв. *мехъ*, помимо шкуры животного, обозначал мешок, с разными оттенками этого понятия: кожаный мешок для жидких и влажных веществ; мешок из кожи или ткани для хранения сыпучих веществ; сума, кошелек для денег, драгоценностей и бумаг [Судаков 2015: 230]. Также Г. В. Судаков упоминает слово «пестерь», которое встречается и в «Оренбургском областном словаре»: *пестёрь* – сумка с крышкой, плетённая из мочал, из лыка (124) [Судаков 2015: 229].

Таким образом, «Оренбургский областной словарь» Бориса Александровича Моисеева не только фиксирует специфику лексики Оренбуржья, но и служит источником для понимания материальной и духовной культуры края, демонстрируя многообразие и богатство диалектного языка в сфере домашней утвари. Это подчеркивает важность сохранения и изучения региональных диалектов как части национального культурного наследия.

Источники

Моисеев, Б. А. Оренбургский областной словарь. 5 698 слов и словосочетаний / Б. А. Моисеев. – Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2010. – 192 с.

Литература

Бекасова, Е. Н. О генетической организации системы русского литературного языка / Е. Н. Бекасова // Вестник Оренбург. гос. ун-та. Гуманитарные науки. – Оренбург, 2005. – № 2. – С. 90–94.

Бекасова, Е. Н. Об особенностях представления тюркских заимствований в оренбургских говорах / Е. Н. Бекасова // Актуальные проблемы диалектологии языков народов России: Материалы XIV Всероссийской научной конференции (Уфа, 20-22 ноября 2014 г.). – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2014. – С. 34–44.

Бекасова, Е. Н. Лингвистическое краеведение Оренбуржья / Монография / Е. Н. Бекасова. – М.: МАКС Пресс, 2024. – 260 с.

Ильина, Е. Н. Домашняя утварь в языковой картине мира жителей Белозерья / Е. Н. Ильина; Вестник Костромского государственного университета. – 2022. – Т. 28. – № 3. – С. 173–179.

Моисеев, Б. А. Оренбургский областной словарь / Б. А. Моисеев [послел. Е. Н. Бекасовой]. – Оренбург: ООО «Оренбургское книжное издательство имени Г. П. Донковцева», 2019. – 516 с.

Словарь русских народных говоров: вып. 7 / гл. ред. Ф. П. Филин. – Л.: Наука, 1972. – 358 с.

Судаков, Г. В. «Всякое посудье...» / Г. В. Судаков // Русская речь. – 1983. – № 5. – С. 85–89.

Судаков, Г. В. Взаимоотношения книжных и разговорных элементов в старорусском словаре (Общие названия посуды) / Г. В. Судаков // Литературный язык и народная речь: Межвуз. сб. науч. трудов. – Пермь: Пермский гос. университет, 1986. – С. 124–133.

Судаков, Г. В. История русского слова: монография / Г. В. Судаков. – 2-е изд., доп. – Вологда: ВоГУ, 2015. – 360 с.

Судаков, Г. В. Названия предметов домашней утвари в русском языке XVI–XVII вв. / Г. В. Судаков // Эволюция лексической системы севернорусских говоров: [сборник] / Вологод. гос. пед. ин-т. – Вологда, 1984. – С. 50–73.

Судаков, Г. В. Названия «поваренной» посуды в старорусской письменности / Г. В. Судаков // Среднерусские говоры и памятники письменности. Сб. научных трудов. – Калинин: Калининский государственный университет, 1989. – С. 118–129.

ПАРАМЕТРЫ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ОБРАЗА ЧЕЛОВЕКА В СОВРЕМЕННОЙ ДИАЛЕКТНОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ СМОЛЕНСКИХ ГОВОРОВ)

Аннотация. Статья посвящена описанию представления образа человека в современной диалектной лексикографии на примере разработки «Идеографического словаря смоленских говоров». Подчеркивается необходимость комплексного подхода к лексикографированию диалектной единицы, который отвечает требованиям антропоцентрического направления в современной лингвистике. Рассматриваются возможные параметры лексикографического описания одной из тематических групп, составляющих образ человека в смоленских говорах. Автором статьи предложены способы лексикографирования диалектного языкового материала, которые, с одной стороны, опираются на опыт идеографического описания литературного языка, представленный в трудах Н. Ю. Шведовой, В. В. Морковкина, О. С. Баранова, с другой – на полипарадигмальный подход в составлении диалектных словарей, который стал актуален в последние годы.

Ключевые слова: диалектная языковая картина мира, диалектная лексикография, смоленские говоры, идеографическое описание диалектной лексики, образ человека.

Антропоцентрический подход в лингвистике, ставший в последние годы ведущим, усилившееся внимание к реконструкции языковой картины мира, в том числе и национальной, обусловили необходимость поиска новых типов лексикографического описания слова. Диалектная языковая картина мира, будучи важнейшей составляющей национальной языковой картины, требует системного представления в лексикографии с учетом лингвокультурологических характеристик, без которых, представление диалектного слова будет неполным.

Отметим, что длительное время диалектная лексикография была представлена преимущественно словарями полного типа или дифференциальными. Однако на смену накопления и систематизации общих представлений о диалектном слове пришел новый период, связанный с появлением синонимических [Блинова 2016], антонимических [Блинова 2003], этимологических диалектных словарей [Мызников 2019], а также тематических, идеографических и фразеологических. Создание последних является приоритетным, так как полностью соответствует полипарадигмальному подходу для описания слова как единицы микро- и макросистемы в диалектах.

Необходимость реконструкции образа человека в современной диалектной лексикографии обусловлена прежде всего его центральным положением, характерным для любой языковой системы, диалектной в том числе: «Человек запечатлел в языке свой физический облик, свое внутреннее состояние, свои эмоции, интеллект, свое отношение к предметному и не предметному миру, природе – земной и космической, свои действия, свои отношения к другому человеку» [Арутюнова 1999: 3]. Современные исследования определяют языковой образ человека как совокупность представлений, закрепленных в семантике и прагматике языковых единиц, отражающих мифопоэтические и реалистические взгляды.

Логичным продолжением смоленской диалектной лексикографии является разработка «Тематического словаря смоленских говоров», который находится на завершающей стадии подготовки к изданию. Вместе с этим разрабатывается концепция для создания «Идеографического словаря смоленских говоров», который, по замыслу авторского коллектива, будет являться не только логичным продолжением «Тематического словаря», но и позволит ввести в научный оборот новые лексические единицы, а также продемонстрировать системный характер смоленских говоров в лингвокультурологическом аспекте.

В концепции «Идеографического словаря» центральное положение занимает образ человека, под которым мы понимаем ментальное концептуальное образование, включающее оценочные и культурологические признаки. Репрезентация данного образа возможна через различные лексикографические зоны, такие как эмоционально-оценочные характеристики, культурологическая информация, дефиниции, этимология, стилистические особенности и иллюстрации, лингвокультурологический комментарий. Такой подход позволит расширить понимание образа человека в смоленских говорах и будет способствовать сохранению ряда культурных артефактов, нашедших воплощение в слове.

Идеографический словарь базируется на одном из общепринятых способов упорядочивания лексики в определенной иерархии. Задача исследователя найти наиболее оптимальный способ, позволяющий продемонстрировать системные отношения в лексике. Прежде всего мы опираемся на опыт составления идеографических словарей в литературном языке: «Русский семантический словарь» Н. Ю. Шведовой, который на частеречную принадлежность лексикографируемой лексики, а также не менее известные «Идеографический словарь русского языка» О. С. Баранова, «Тематический словарь русского языка» под редакцией В. В. Морковкина. Последние не предусматривают частеречную дифференциацию, в основу упорядочивания положен тематический принцип.

В качестве лексикографического параметра мы, вслед за Ю. Н. Карауловым понимаем «минимальный объем информации о языке и внеязыковой реальности, который может быть выделен и оформлен традиционными способами и приемами, используемыми при построении словарей, и включен в структуру филологического словаря. Лексикографический параметр – это единица языковой информации в словарной форме» [Караулов 2006: 1].

Рассмотрим лексикографические параметры, которые были положены в основу разработки тематической подгруппы «Родственные отношения», являющейся одним из семантических блоков для описания системных семантических связей, репрезентующих образ человека в смоленских говорах.

1. Прежде всего заметим, что нами поддерживается идея об определенной семантической «закрытости» групп слов, которые объединены общностью семантики всех языковых единиц. В связи с чем состав каждой тематической группы определяется *семантической идеей*. В основу лексикографируемой нами группы положена следующая идея – *наименования лиц, связанных кровным и некровным родством*. Облегчить поиск семантически связанных групп призваны так называемые *семантические маркеры*, которые, согласно нашей концепции, должны быть активными: *родство; члены семьи; кровное прямое родство; некровное прямое родство; некровное прямое родство, возникшее в результате заключения брака; женская линия; мужская линия; заместительное родство; «ритуальное родство (родство, возникшее после проведения христианских обрядов)»*.

2. Следующий структурный компонент описываемой нами словарной статьи – краткий список лексем, упорядоченных в соответствии с обозначенной *семантической идеей*: **1. Супружество. 1.1. Жена:** *ба́ба, ба́бочка; жёнка, жeníться, женьба́.* **1.2. Муж, принятый в дом жены:** *прибулы́жка, при́валéнь, прилёпыш, приёмец, приёмник, приёмок, приёмыш, прилёпа, прилёпу́х, примáк, при́мáч, примáцкий, применéц, при́мень, при́муш, при́мыш, пристру́й, прищéп* (см. также *привáдец*). **1.2.1. Женщина, принявшая в дом мужа:** *при́мушка.* **1. Кровные и некровные родители (прямое и не прямое родство).** **1.1. Отец:** *ба́тька, ба́тькин, ба́тько́вский; ба́тюнька, ба́тютка, ба́тюш; ба́тя, ба́тяй; та́тка* (в качестве обращ. широко исп. также *ба́тюнь, ба́тюхна, ба́тюш*). **1.2. Мать:** *ма́терь, ма́тка, ма́туленька, ма́тулечка, ма́туля, ма́туня, ма́туся, ма́туха, ма́тухна, роди́телка.* **1.2.1. Мачеха:** *мацо́ха.* **1.2.2. Крестная мать:** *крести́нка, крёстка* (см. также *крёстьби́ны*). **3. Бабушка:** *баба́йка, ба́бухна.* **4. Дети. 4.1. Родные дети. 4.1.1. Родной сын:** *больша́к, большу́н, меньша́к, молоду́к, окорёнок, средня́к.* **4.1.2. Родная дочь:** *дочка́, дочу́хна.* **4.1.2.1. Приемная дочь, падчерица:** *не́дка, не́дочка, па́дчерка.* **4.1.2.2. Приемный сын:** *при́мыш* (см. приемный муж). **5. Брат и сестра (родные; двоюродные).** **5.1. Брат:** *брати́н, бра́танька, бра́таша, брате́йник,*

братёльник, братенёк, братённик, братенька, бра́тичек, брати́шка, бра́точка, брату́нька, брату́ха, братухна, бра́тчик, братю́га, бра́тяка, бра́хленька, бра́хненька, бра́хонька; бра́т-дети (см. также В.И. Даль). **5.2. Сестра:** *большу́ха, пасёстра, посёстра, сестре́ница, сестре́нка, сестри́ница, сестру́ха, сестру́хна, сестру́шка*. **6. Внуки, правнуки.** **6.1. Внук, внучка:** *авну́к, увну́к, вну́ка, вну́ча*. **6.1.2. Правнуки:** *пра́вник, пра́вница*. **7. Родственники мужа.** **7.1. Родители мужа:** *больша́к, большу́нья, большу́ха, свекра́, свекро́ва, свекру́ха*. **7.2. Сестра мужа:** *золо́ва*. **7.3. Родители жены:** *те́ща*. **7.4. Брат жены:** *шурёй, шурья́к*. **7.5. Сестра жены:** *сво́йка, своя́кинья, своя́ченья*. **8. Невестка:** *большу́ха, бра́тиха, ла́вра, невестенка, невестёха*. **9. Племянники:** *племе́нник, племе́нница, племе́нь, плему́ш, племя́нка, племя́шка*. **10. Сватья:** *сва́ха*. **11. Жена дяди:** *дядина, дя́динка, дя́нка, дя́нкин*. **12. Обобщенное наименование родственников:** *вата́га, двёрня, одногнёздник, однодво́рец, покрóвник, при́род, рóвень, роди́мец, рóдные, рóдина, рóдич, рóднii, срóдик, срóдица, срóдня, срóдость, срóдственник, срóдственница*. Каждая лексема имеет акцентологическую помету, грамматические пометы, семантика, а также этимология не указаны, поскольку данные лексикографические параметры уже были положены в основу «Тематического словаря».

3. Характер подачи материала имеет списочный характер, дифференциация лексики в зависимости от частеречной принадлежности нами не рассматривается, в основу каждого ряда положена определенная сема, воплощенная во всех имеющихся в смоленских говорах лексемах. Например, сема «женщина, состоящая в браке» представлена в таких лексических инвариантах, как *ба́ба, ба́бочка; жёнка, жени́ться, женьба́*.

4. Следующий важный параметр – *устойчивые словосочетания*. Диалектные фразеологизмы мы выносим отдельно, предполагается создание отдельного семантического поля, которое будет посвящено диалектной фразеологии в смоленских говорах. Каждая фразеологическая единица (далее – ФЕ) будет включать в себя активную лексему (таким образом мы упрощаем переход к основной тематической группе), а также позволить перейти к группе фразеологических единиц, сведенных нами под один из параметров: ФЕ, связанные синонимическими / антонимическими отношениями; ФЕ с глагольным компонентом и т.д. Например: **фразеологизмы:** *Жени́ть из-под ремня* – женить против желания кого-л.; синонимичные единицы: *за́муж зайдúть (зайтú)* – выйти замуж и т.д.

5. Лингвокультурологический комментарий, а также полезные ссылки: *примак* – муж, который не имел собственного жилья, поэтому вынужден был приходить в дом жены, теряя при этом свой социальный статус. В разных группах русских говоров фиксируются группы лексем, служащих для

номинации «приемного» мужа, для них характерна преимущественно негативная коннотация.

Таким образом, поиск новых способов лексикографического описания диалектной лексики в настоящее время обусловлен как возросшим интересом к антропологистике, так и потребностью в представлении диалектного материала, прежде всего лексики, в системе, учитывая богатство внутрисловных и межсловных связей диалектного слова. Одним из наиболее перспективных направлений в диалектной лексикографии является разработка идеографического направления, которое позволяет рассматривать диалектный материал как часть языковой макросистемы, а разнообразие новейших способов каталогизации лексем – представлять лексикографируемый материал как метатекст. Описание образа человека в диалектной языковой системе не только отвечает требованиям антропоцентрического направления, но и позволяет учитывать параметры лексикографического описания, положенные в основу идеографических и тематических словарей в литературном языке. Одним из важнейших компонентов идеографического представления диалектного слова в современной лексикографии, на наш взгляд, является богатый иллюстративный материал, который может быть представлен как корпусом текстов, так и рядом сравнительно небольших по объему контекстов.

Источники

Мызников, С. А. Русский диалектный этимологический словарь. Лексика контактных регионов. – М.; СПб.: Нестор-История, 2019. – 1076 с.

Блинова, О. И. Словарь антонимов сибирского говора. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2003. – 242 с.

Блинова, О. И. Словарь синонимов сибирского говора. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2016. – 456 с.

Словарь смоленских говоров / под ред. А. И. Ивановой, Л. З. Бояриновой. – Смоленск, 1974–2005.

Литература

Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека. 2. изд., испр. – М.: Яз. рус. культуры, 1999. – 895 с.

Вендина, Т. И. Антропология диалектного слова / Ин-т славяноведения РАН. – М.; СПб.: Нестор-История, 2020. – 684 с.

Караулов, Ю. Н. Отзыв о «Современном толковом словаре живого русского языка» (слова на букву «А», приблизительно 240 страниц). – Рукопись. – 2006.

Качинская, И. Б. Принятые – люди проклятые: номинация мужа, пришедшего жить в дом жены (по материалам архангельских говоров) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2019. – Т. 11, вып. 2. – С. 34-43. – doi 10.17072/2073-6681-2019-2-34-43.

Катышев П. А.
Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина
(г. Москва)
Лушпей А. А.
Кемеровский государственный институт культуры
(г. Кемерово)

СУБЪЕКТИВНО-ОРИЕНТИРОВАННАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЧЕЛОВЕКА В РУССКИХ ГОВОРАХ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВОДНОЙ ЛЕКСИКИ С ФОРМАНТОМ -УША)

Аннотация. В статье представлены результаты осмысления диалектного материала в трех отраслях современного языкознания: лингвоаксиологии, диалектологии и словообразования. Рассмотрение специфики номинации человека носителями языка посредством уникального форманта в аспекте территориальной дистрибуции – вот тот аспект, на котором сосредотачиваются авторы статьи.

Ключевые слова: оценочная лексика, диалектные дериваты, говоры.

В статье представлен анализ количественного состава комплексной единицы, объединяющей словообразовательные типы с тождественным формантом и мотивирующими разными лексико-тематическими объединениями, – словообразовательной ниши с формантом *-уш/а*, в рамках диалектных систем западных и сибирских русских народных говоров. Настоящее исследование проводилось на материале производных существительных с формантом *-уш/а* как важных единиц лексики, отражающих собственно диалектную специфику изучаемого материала, обусловленную включением данных слов в традиционную материальную культуру русских крестьян [Араева, Лушпей 2021; Катышев, Лушпей 2023; Лушпей, Лунькова 2025]. Словообразовательная ниша диалектных дериватов эксплицирует процесс познания явлений и процессов аксиогенного бытия носителями диалекта. Вместе с тем суффикс *-уш/а* функционирует преимущественно в диалектной подсистеме русского национального языка, что позволяет соотносить мировидение диалектоносителя и процессы номинации людей.

Смоленские и брянские говоры демонстрируют разное количество производных слов с суффиксом *-уш(а)*, среди них значительно преобладают существительные смоленских говоров, называющие артефакты и натурфакты (19): **баглуша** – пресная лепешка из муки, картофеля (ССГ, 1: 100), **боровуша** – сосна, растущая в бору (СРНГ, 3; ССГ, 1: 227), **волокуша** – 1. Приспособление для перевозки сена, соломы и т.д., сделанное из двух жердей, скрепленных

прутьями или веревками (ССГ, 2: 71), **завдигуша** – деревянная или железная задвижка, употребляемая для запираания дверей, ворот; засов (ССГ, 4: 61), **горбуша** – коса-горбуша (ССГ, 3: 54); **горькуша** – водка (ССГ, 3: 63); **гременуша** – каменистая мелкая речка с быстрым течением (ССГ, 3: 72); **квокуша** – курица-наседка (ССГ, 5: 28); **килуша** – брюква (ССГ, 5: 30); **кукуша** – кукушка (ССГ, 5: 126); **куруша** – курица-наседка (ССГ, 5: 140); **ладуша** – углубление в мялке (ССГ, 6: 9); **лихуша** – холодное кушанье (ССГ, 6: 43); **мокруша** – мокрица (ССГ, 11: 255); **плакуша** – несъедобный гриб (ССГ, 8: 76); **плоскуша** – односкатная крыша двора (ССГ, 8: 83); **рябуша** – пояс, сплетенный из разноцветных ниток (ССГ, 9: 153); **толкуша** и **толокуша** – пест, толкач (ССГ, 10: 186); **трескуша** – яичница глазунья (ССГ, 10: 202).

Производных слов, обозначающих человека, в смоленских говорах всего 5: **волокуша** – 3. экспр. Девушка плохого поведения (ССГ, 2: 72); **гайдуша** – 1. О человеке высокого роста. 2. неодобр. Бездельник, бездельница (ССГ, 3:11), **мякуша** – женщина, непривычная к труду (ССГ 6: 126), **простуша** – о простом, добром человеке (ССГ, 9: 62), **шугуша** – о бестолковом человеке (ССГ, 11: 159).

Брянские говоры представлены лишь пятью словами, называющими артефакты и натурфакты: **волокуша** – приспособление для перевозки на лошади или машине сена, соломы и проч., состоящее из одного длинного бревна с колесами на концах и прикрепленных к нему, тянущихся за ним по земле длинных жердей, на которые накладывают груз (СБГ, 3: 44), **горбуша** – спина человека (СБГ, 4: 40), **горькуша** – травянистое растение семейства гречишных с ломких сочным ветвистым стеблем и плотной кистью мелких розовато-белых цветков, сорняк в злаковых и огородных культурах; горец. *Polygonum L* (СБГ, 4: 48), **барануша** – молодой баран (СБГ, 1: 30).

Иное наполнение словообразовательной ниши с суффиксом *-уш(а)* представлено в говорах Сибири: 20 диалектных дериватов называют артефакты и натурфакты, среди которых **белоголуша** – Сорт ранней пшеницы с беловатым колосом; белоколоска (СРГС, 1: 61), **волокуша** – 1. Приспособление для подвозки сена к стогу, сделанное из двух ветвистых берез, скрепленных перекладной. 2. Небольшой воз сена (СРГС, 1: 170), **горбуша** – 2. Приспособление для переноски тяжестей на спине. 3. Устар. Вид сарафана с воротом. 4.1. устар. Коса с изогнутым, заостренным с обеих сторон лезвием, насаженным на короткий черен. 4.2. внешняя, выпуклая часть серпа (СРГС, 1: 265-266), **горнуша** – небольшое углубление в левой или правой стороне русской печи, куда загребают угли и золу (СРГС, 1: 269); **долгуша** – 2.1. длинная, плетенная из прутьев ловушка для рыбы. 2.2. длинная телега для перевозки дров (СРГС, 2: 53); **катуша** – ледяная горка, устроенная для катания детей (СРГС, 3: 47); **квакуша** – курица-наседка 1 (СРГС, 3: 52); **квохтуша** – наседка (СРГС, 3: 56); **клоктуша** – курица-наседка (СРГС, 3: 73); **косуша** –

самоделная, примитивная коса, напоминающая серп (СРГС, 3: 134); **красноголуша** – сорт пшеницы с темным стеблем и красноватым колосом (СРГС, 3: 146); **кривуша** – 2. устар. Деревянная соха (СРГС, 3: 152), **ловуша** – ловушка (СРГС, 3: 225); **мокруша** – 1. Насекомое мокрица (СРГС, 3: 283); **мякуша** – свежий домашний хлеб (СРГС, 3: 310); **пакуша** – пачка, связка табачных листьев (СРГС, 3: 166); **паруша** – курица-наседка (СРГС, 3: 178); **потаскуша** – груз, привязанный к капкану (СРГС, 3: 424); **ратуша** – деревянная рукоять пешни (СРГС, 4: 149); **синуша** – пресноводная рыба (СРГС, 4: 305).

22 диалектных деривата называют человека с добавлением отрицательной (чаще) или положительной коннотации: **боталуша** – 2. Болтун, пустомеля (СРГС, 1: 85); **веньгуша** – плакса (СРГС, 1: 124); **ворогуша** – презр. Лентяйка (СРГС, 1: 176); **вякуша** – пренебр. Плакса (СРГС, 1: 218); **вяньгуша** – плакса (СРГС, 1: 218); **гнилуша** – экспрес. Слабый, хилый, склонный к болезням человек (СРГС, 1: 244); **горбуша** – 1. Горбатый человек (СРГС, 1: 265-266); **дикуша** – пренебр. 1. слабоумный, умственно отсталый человек. 2. Необщительный, нелюдимый человек, бирюк (СРГС, 2: 42); **долгуша** – экспр. 1. Высокий, худой человек (СРГС, 2: 53); **завянгуша** – презрит. Нищий, попрошайка (СРГС, 2: 158); **калекуша** – человек с физическими недостатками, калека (СРГС, 3: 23); **кликуша** – знахарь, колдун (СРГС, 3: 72); **копуша** – пренебр. то же, что копу́н, копу́нья (СРГС, 3: 112); **кривуша** – 1. Косоглазый или хромоногий человек (СРГС, 3: 152); **липуша** – презр. Назойливый, привязчивый человек (СРГС, 3: 217); **лямуша** – пренебр., Медлительный, нерасторопный человек (СРГС, 3: 245); **мокруша** – 2. В рыбной ловле: тот, кто идет впереди и тянет невод (СРГС, 3: 283); **моргуша** – экспрес. Нервнобольной, страдающий припадками человек (СРГС, 3: 291); **нескладуша** – уничиж. Неуклюжий человек (СРГС, 3: 381); **подергуша** – презр. Непокойный, порывистый, резкий в движениях, жестах человек (СРГС, 3: 290); **сеструша** – ласк. 1. Сестра. 2. Двоюродная сестра (СРГС, 4: 293); **хлопуша** – лживый человек, лгун (СРГС, 1: 28).

Подобное распределение слов свидетельствует о территориальной закреплённости словообразовательных, а с учетом специфики диалектного словообразования – одновременно и номинативных моделей. На западной границе России, по всей вероятности, сохраняется большое количество архаических моделей, в пользу этого наблюдения говорит словообразовательная и лексическая «пестрота» анализируемой лексики; в сибирских говорах наполнение моделей сдвигается в сторону наименований лиц, причем часто такое именование сопровождается негативной коннотацией, в то же время устойчивость и однородность словообразовательных моделей может говорить об относительно новой языковой тенденции, характерной для говоров Сибири.

Аксиологическая окрашенность производных слов, входящих в словообразовательную нишу с формантом *-уш/а*, детерминирует формирование своеобразного семантического рисунка ниши в западных и сибирских русских народных говорах. Так, центральную группу в сибирских говорах образуют производные с формантом *-уш/а*, репрезентирующие значимые для диалектоносителя качества человека и особенности его поведения (внешний вид человека, его физический облик и внешнее поведение, наличие речевых дефектов, порядочность, честность, щедрость, правдивость, трудолюбие, воспитанность, сила веры), а в западных русских говорах – важные для аксиогенного бытия человека артефакты и натурфакты (орудия труда, одежда, транспорт; сельскохозяйственные животные и культуры, промысловая рыба). Такая территориальная дистрибуция связана прежде всего с историческими особенностями формирования диалектного ландшафта территории России: если территория западных русских говоров представляет собой территорию говоров первичного заселения, то территория Сибири характеризуется как раз смещением первичных говоров и их сложным взаимодействием, что приводит к изменению, во-первых, количественного состава словообразовательной ниши с формантом *-уш/а*, а во-вторых, к смещению фокуса деривационного потенциала на реализацию номинаций человека с негативными коннотациями, и наконец, к формированию общего номинативного фона.

Важным является факт, что из функционирующих в диалектной системе формантов носитель диалекта интуитивно выбирает тот, который способен эксплицировать номинируемый объект или лицо, то есть в сибирских говорах носитель диалекта выбирает формант *-уш/а* чаще при номинации человека в аспекте субъектно-оценочной характеристики.

Источники

СРГС – Словарь русских говоров Сибири / Российская академия наук [РАН]. Сибирское отделение [СО]. Институт филологии; под ред., сост. А. И. Федоров, сост. Н. Т. Бухарева. – Т. 1 – 4. – Новосибирск: Наука. Сибирское предприятие РАН, 1999–2006.

СРНГ – Словарь русских народных говоров / Академия наук СССР, Институт русского языка, Словарный сектор. М.: Наука; Ленинград: Наука, Ленинградское отделение, 1965 – (издание продолжается).

ССГ – Словарь смоленских говоров. / под ред. доц. А. И. Ивановой. – Том 1 – 11. – Смоленск, 1974.

Литература

Араева, Л. А., Лушпей, А. А. Словообразовательный формант как инструмент процесса формирования этнокультурной идентичности носителей языка (на примере диалектных производных с формантом *-уш/а*) // Журнал СФУ. Гуманитарные науки. – 2021. – № 14 (6). – С. 748-756. – DOI: 10.17516/1997-1370-0756

Катышев, П. А., Лушпей, А. А. Лингвоаксиологический аспект изучения корреляции диалектных дериватов с суффиксом –уш/а с ценностной парадигмой пространства православной духовности // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2023. – № 5. – С. 1400-1405.

Лушпей, А. А., Лунькова, Е. С. Особенности территориальной дистрибуции дериватов с формантом -уш/а в западных и сибирских говорах русского диалектного языка // Terra Linguistica. – 2025. – Т. 16. – № 2. – С. 71–84. – DOI: 10.18721/JHSS.16205

Кочкина Ю. Л.

Смоленский государственный университет

(г. Смоленск)

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕЛИГИОНИМОВ В СМОЛЕНСКОМ ДИАЛЕКТЕ

Аннотация. В статье рассматривается тематическая группа религионимов, слов и наименований, обозначающих религиозные понятия, зафиксированные в «Словаре смоленских говоров». Уделяется особое внимание способам словообразования религионимов, участию аффиксов в процессе словообразования. Анализируется словообразовательный потенциал отдельной тематической группы религионимов.

Ключевые слова: смоленские говоры, религионимы, словообразование, способ словообразования, формант.

Религиозная лексика является неотъемлемой составляющей лексической системы русского языка. Как считает Т. М. Зыбина, «общее представление о лексической системе русского языка в настоящее время невозможно без учета такого тематического словарного корпуса, как религиозная лексика» [Зыбина 2014: 14].

Религионимы, слова и наименования, обозначающие религиозные понятия, зафиксированные в «Словаре смоленских говоров» (ССГ), представляют особый интерес для исследования, а их словообразовательные особенности позволяют выявить закономерности словообразовательной системы русского языка и диалектов.

Существование религионимов в диалекте доказывает интерес к вопросам духовной жизни человека и отражает представления людей о православии. Наличие такой лексики вызывает необходимость ее специального изучения и соотнесения с современными языковыми единицами.

Материалом для исследования послужила диалектная религиозная лексика из ССГ, относящаяся к разным тематическим группам (наименования праздников; богословские понятия; предметы быта и одежды; названия лиц по

отношению к религиозной жизни и по месту церковной иерархии; храм, его части и предметы, связанные с богослужением; наименования небесной иерархии и антибожественных сил; таинства и формы богослужения; процессы и состояния, связанные с соблюдением (или отрицанием) норм воцерковленного существования).

Религионимы в смоленских говорах представлены четырьмя частями речи: именами существительными, именами прилагательными, глаголами и наречиями. Это либо производные, либо непроизводные (производящие) слова. Объектом для исследования стали производные слова, обозначающие религиозные понятия в смоленском диалекте. У исследуемых слов выделяется формант, т.е. какой-либо аффикс, за которым закрепляется словообразовательное значение. Как известно, в производных словах имеется три вида значений: лексическое, грамматическое и словообразовательное. Лексическое значение закрепляется за отдельным словом, грамматическое – за целым классом слов, а словообразовательное значение – это значение, промежуточное между лексическим и грамматическим и принадлежащее одной и той же словообразовательной группе.

К непроизводным словам, по мнению М. Ю. Казак, «относятся слова, которые не образованы от каких-либо других слов» [Казак 2012: 45]. Таких слов в смоленских говорах представлено достаточно мало. Например: *áгиль* «дьявол», *áнгыл* «ангел», *áнчút* «черт, бес», Бог «икона, образ», *кстítь* «крестить», *кút* «передний почетный (красный) угол», *мáй* «молодые листовые деревья (чаще береза) и ветви их, которыми в духов и троицын день украшались дома внутри и снаружи», *орéх* «обрядовая выпечка в виде шариков; приготавливалась на Сороки».

В данном исследовании мы уделим внимание словообразовательным особенностям религионимов, рассмотрим возможности их словообразования, особенности способов образования новых слов, участие аффиксов в словообразовании, словообразовательные значения, типы производных слов.

Вопросы изучения диалектного словообразования в научной сфере остаются недостаточно изученными, хотя интерес со стороны ученых не ослабевает. Исследованиям диалектов посвящены труды П. С. Кузнецова, Е. Ф. Карского, Н. Н. Соколова, О. И. Блиновой, В. М. Маркова, Л. Н. Булатовой. Особенности изучения смоленских говоров были в центре внимания таких ученых как А. И. Иванова, Е. Н. Борисова, Л. В. Граве, З. И. Жакова. Словообразование с синхронной точки зрения в смоленском диалекте впервые начала рассматривать Л. З. Бояринова и посвятила этой теме свои научные работы. В трудах А. Г. Рыжковой, М. Н. Трубаевой, И. А. Королевой, Е. С. Луньковой вопросы словообразования в смоленском диалекте также занимают особое место и представляют результат долгих исследований.

Л. З. Бояринова считает, что «словообразование очень тесно связано как с лексикой, так и с грамматикой» [Бояринова 2013: 29]. Ученый утверждает, что «в результате процесса деривации создается новое слово, обладающее определенным значением, поэтому оно вступает в системные отношения с другими словами на лексическом уровне: входит в состав активного или пассивного словарного запаса, в соответствующий синонимический ряд, занимает свое место в группе лексики по сфере употребления и т.д.» [Бояринова 2013: 29]. Процесс обогащения языка новыми словами идет прежде всего за счет словообразования. Способ словообразования определяется с помощью форманта, который присоединяется к новому слову и образует это слово.

Как отмечалось ранее, среди религионимов в смоленском диалекте встречаются разные части речи. В ССГ зафиксировано больше имен существительных, нежели других частей речи.

В соответствии с Грамматикой-80 «по грамматическому характеру мотивирующего слова выделяются суффиксальные существительные, мотивированные глаголами, прилагательными, существительными, другими частями речи (числительными, наречиями)» (Русская грамматика 1980, 1: 140).

В группе религионимов в смоленских говорах среди имен существительных в большей степени представлены отглагольные образования: *сповѣданье* 'исповедь' ← *споведать* 'исповедать'; *встрѣченье* 'религиозный праздник сретенье (1 февраля по новому календарю)' ← *встречать*; *благословѣнник* 'благословенье' ← *благославить*; *крѣстьбѣины* 'крестины' ← *крестить*, совершить, совершать обряд крещения над кем-л.; *кстѣины*, *окстѣины* 'крестины' ← *кстить*, *окстить* 'крестить, т.е. совершить, совершать обряд крещения над кем-л.'; *хрѣстьбѣины* 'крестины' ← *хрестить* 'крестить, т.е. совершить, совершать обряд крещения над кем-л.'; *говѣины* ← *говеть* 'готовиться к таинству причастия'; *заклики* 'молитва, которая читалась за десять дней перед свадьбой в церкви' ← *закликать* 'кричать в народных обрядах'; *свѣвка* ← *свить* 'скрутить при крещении'; *ввѣдины* 'обряд, разрешающий женщине войти в церковь только по истечении 40 дней после родов' ← *вводить* 'давать возможность войти'; *сидѣлки* ← *сидеть* 'в ночь перед похоронами сидеть у гроба с покойным, находиться в каком-л. месте в каких-л. целях (обычно длительное время)'; *сидѣльница* 'женщина, которая сидит около покойника в течение ночи' ← *сидеть* 'сидеть около покойника в течение ночи'; *прѣвод*, *прѣводѣк* ← *проводить* в последний путь 'о похоронах кого-нибудь, путь к могиле'; *похорѣнки* 'похороны' ← *похоронить*; *плакун* 'человек, который плачет по покойнику' ← *плакать* 'плакать по покойнику'; *пѣмин* ← *поминать* 'участвовать в поминках, справлять поминки'; *погрѣбѣица* ← *погребать* 'хоронить'; *кладѣще*, *кладѣнье* 'кладбище, погост' ← *класть* 'ложиться'; *крѣшень*

‘яйцо крашеное’ ← красить ‘покрывать или пропитывать краской’; *накíдка* ‘полотенце, которое вешают на икону; белая ткань, которой накрывали покойников’ ← наkinуть. Представленные дериваты образованы суффиксальным способом с помощью различных формантов: суффиксы -ньj-, -ень-, -еньj-, -иньj-, -Ø-, -н-, -ин-, -к-, -иц-, -ун-, -ниц-, -иц-. Словообразовательные аффиксы данной группы как часть словообразовательной системы смоленских говоров соответствуют аффиксам словообразовательной системы литературного языка и имеют те же значения, входят в одни и те же словообразовательные типы.

Большую группу составляют имена существительные, мотивированные именами существительными. Способы образования таких дериватов в смоленских говорах различны.

Суффиксацией образованы имена существительные: *авáдник* ‘ругательство, бывший в аду’ ← авад ‘бестолковый, осел’; *áнчúтик* ‘черт, бес’ ← анчут; *áнчúтка* ‘нечистая сила, черт, дьявол’ ← анчут; *боговíк, богóвник* ‘небольшая икона; вышитое полотенце на иконе’ ← Бог; *образníк, образóвник* ‘полотенце, которое вешают на икону’ ← образ; *вёрбница* ‘праздник’ ← верба; *спáсовцы* ‘праздник’ ← Спас; *христóсик* ‘сумка для подаяния’ ← Христос; *пóстница* ‘постная пища’ ← пост; *могíлки* ‘кладбище’ ← могила; *панихíдник* ‘поминальный пирог’ ← панихида; *купáленка* ‘религиозный праздник, посвященный так называемому Иоанну Крестителю (Иван Купала)’ ← Купала; *бóжухна* ‘боженька’ ← Бог, *Боженёнок* ← Бог; *спáсовка* ‘двухнедельный пост перед праздником Спаса (19 августа)’ ← Спас; *хрéстик* ← крест; *птíчки* ‘зимние хороводные (чаще святочные) игры с припевками’ ← птицы; *ку́тник* ‘передний почетный (красный) угол’ ← кут; *пáсочка* ‘праздник Пасха; кулич пасхальный’ ← Пасха.

Префиксацией образованы существительные: *дóсвúтки* ← Святки, *упокóйник* ‘покойник’ ← покойник.

К префиксально-суффиксальному способу образования относятся имена существительные: *забожníк* ‘полка с иконами’ ← Бог; *набóжник* ‘вышитое полотенце на иконе’ ← Бог; *подбóжник* ‘икона’ ← Бог; *сбóжье* ‘все насущное, что Бог дает (чаще говорят о хлебе)’ ← Бог; *наикóнник* ‘полотенце, которое вешают на икону’ ← икона; *наку́тник* ← кут ‘передний почетный (красный) угол’; *нагрéшник* ‘о том, кто вводит в грех’ ← грех; *нагрóбник* ‘отрезок ткани, которым накрывают гроб покойника и хранят в доме после похорон’ ← гроб; *намогíльник* ‘памятник на могиле’ ← могила.

В исследуемой группе религионимов можно выделить дериваты, образованные сложно-суффиксальным способом, являющимся результатом сложения основ в сочетании с материально выраженной суффиксацией (*богомóлье* ‘обряд, символизирующий заключение брачного договора’ ← Бог +

молить; *богомóльня* 'церковь, молельня' ← Бог + молить; *суховáрка* 'постный суп' ← сухой + варить; *середепóстье* 'середина поста' ← середина + пост;) и нулевой суффиксацией (*богомáз* 'о художнике, занимающемся живописью' ← Бог + мазать; *богонóс* 'человек, который раньше носил икону за священником во время обхода по домам на святой неделе' ← Бог + носить; *богогláс* 'книга церковного пения' ← Бог + гласить; *христослáв* 'человек, который ходит из дома в дом и славит Христа на Рождество' ← Христос + славить).

Существительных, мотивированных прилагательными, в группе религионимов совсем мало: *крёстка* 'крестная мать' ← крестный, *молéбство* 'произнесение слов молитвы (обычно крестясь и обратившись лицом к иконе, церкви и т.п.)' ← молебный.

Среди религионимов в смоленских говорах можно выделить группу слов, относящихся к именам существительным, имеющим лексическое значение 'поминки' и образованным от порядковых числительных, обозначающих количество дней после смерти *третúны* ← третий день после смерти; *шестúны* ← шестой день после смерти; *девятúны* 'поминки' ← девятый день после смерти; *сороковúшки* 'поминки' ← сороковой день после смерти. Все религионимы данной группы образованы суффиксальным способом.

Среди имен существительных можно отметить существительное мужского рода адъективного склонения, мотивированное прилагательным и обозначающее лицо: *волочéбный* 'один из песенников, ходивших на Рождество или Пасху группой из дома в дом и славивших Христа' ← волочить (колоду) 'участвовать в шуточном обряде на Масленице'. Такого рода существительные принадлежат к особому способу словообразования – субстантивации.

Исходя из анализа представленных имен существительных, можно сделать вывод о том, что в смоленских говорах религионимы, относящиеся к именам существительным, располагают следующими способами словообразования: суффиксацией, префиксацией, а также смешанными способами: префиксально-суффиксальным способом, сложно-суффиксальным способом. Аббревиация и сращение в говорах внутри исследуемой группы не представлены.

Религионимы, относящиеся к именам прилагательным, встречаются в смоленском диалекте в меньшей степени, чем религионимы, относящиеся к именам существительным. В именах прилагательных представлен только один способ словообразования – суффиксация. Префиксация, сложение, сращение, а также смешанные способы (префиксально-суффиксальный, суффиксально-сложный, сращение в сочетании с суффиксацией) здесь не представлены. Так, выделяются имена прилагательные, мотивированные существительными (*кстúнный* 'относящийся к крестинам' ← кстины; *святковский* 'святочный' ← Святки) и прилагательные, мотивированные глаголами (*благословéнный*

‘связанный с религиозным обычаем благословения’ ← благословить). Все дериваты образованы суффиксальным способом.

Религионимы, относящиеся к глаголам, так же, как имена прилагательные, не многочисленны. Выделяются глаголы, мотивированные именами (*купáлить* ‘отмечать праздник, посвященный так называемому Иоанну Крестителю (Иван Купала)’ ← Купала; *нагрешítть* ‘ввести в грех’ ← грех); глаголами (*прибирáться* ‘готовиться к смерти, умирать’ ← прибирать; *обрека́ться* ‘молиться богу’ ← обречать; *перекрестítься* ‘перекреститься, делая рукой знак креста; окреститься; принять другую веру, совершая определенный обряд’ ← перекрестить; *кстítься* ‘осенять себя крестным знаменем’ ← кстить ‘крестить’); междометиями (*бóжкать* ‘божиться’ ← Боже). Представлены суффиксальный, постфиксальный и префиксально-суффиксальный способы словообразования.

Рассмотрев возможности словообразования религионимов в смоленском диалекте, можно сделать следующие выводы.

Словообразовательный потенциал отдельной тематической группы религионимов представлен не в полной степени. При рассмотрении диалектных слов стало очевидным ограниченное употребление аффиксов и способов словообразования, что указывает на неполные возможности словообразования. Предметом нашего анализа была определенная тематическая группа слов, обозначающих религиозные понятия, в смоленском диалекте. Мы не сравнивали словообразовательные возможности религионимов литературного языка и религионимов смоленских говоров. Возможно, что в литературном языке группа таких наименований также обладает неполным спектром словообразовательных ресурсов.

Словообразовательные аффиксы производных религионимов соответствуют аффиксам словообразовательной системы литературного языка и имеют те же значения. Большинство словообразовательных аффиксов в говорах можно отнести к активным словообразовательным единицам. Образование религионимов соответствует продуктивным моделям, в соответствии с которыми идет образование новых слов.

В смоленском диалекте в исследуемой группе выявлены диереза (выпадение звуков) *вэрать* ‘веровать’, *кстíны* ‘крестины’, *кстítть* ‘крестить’; эпентеза (вставка звуков) *крéстьбíны* ‘крестины’.

Источники

ССГ – Словарь смоленских говоров / под ред. Л. З. Бояриновой, А. И. Ивановой. – Вып. 1-11. – Смоленск: Изд-во Смоленского гос. пед. ун-та, 1974-2005.

Русская грамматика: [В 2-х т. / Редкол.: Н. Ю. Шведова (гл. ред.) и др.]. – М.: Наука, 1980.

Литература

Бояринова, Л. З. Диалектное словообразование: учебное пособие / Л. З. Бояринова. – Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2013. – 200 с.

Зыбина, Т. М. От слова – к Слову. Интегрированное обучение религиозной лексике: учебно-методическое пособие / Т. М. Зыбина. – Смоленск, 2014. – 155 с.

Казак, М. Ю. Морфемика и словообразование современного русского языка. Теория: учеб. пособие / М. Ю. Казак. – Белгород: ИД «Белгород», 2012. – 80 с.

Лапина И. С.

Оренбургский государственный педагогический университет
(г. Оренбург)

НАИМЕНОВАНИЯ ГОЛОВНЫХ УБОРОВ В ОРЕНБУРГСКИХ ГОВОРАХ НА МАТЕРИАЛЕ ДИАЛЕКТНЫХ СЛОВАРЕЙ

Аннотация. Специфика оренбургских русских говоров, зафиксированных впервые в словаре В. И. Даля и в словарях Н. М. Малечи и Б. А. Моисеева, представляет не только диалектное разнообразие Оренбуржья, но и особенности вторичных говоров, что даёт основание исследований различных тематических групп, включая диалектные наименования одежды, в которых широко представлены заимствования из тюркских и финно-угорских языков. Из данной группы особо выделяется предметно-бытовая группа лексики – «головные уборы», которая показывает их этнографическую специфику и гетерогенность формирования в структуре оренбургских русских говоров.

Ключевые слова: оренбургские говоры, русские говоры, «Оренбургский областной словарь» Б. А. Моисеева, «Словарь говоров уральских (яицких) казаков» Н. М. Малечи.

Диалектное и этнографическое своеобразие современной Оренбургской области объясняется особенностями географического положения и исторического прошлого. Как отмечает Е. Н. Бекасова, лингвистическая притягательность Оренбуржья мотивируется не только быстро меняющейся языковой ситуацией на территории позднего заселения [Бекасова 2021: 1475], но и тем, что формирование и развитие говоров «стимулировалось оторванностью от материнских диалектов и отсутствием монолитной, достаточно обширной территории их распространения, а с другой – осложнялось не прекращающимися и в XIX в. интенсивными миграционными процессами и полукочевым образом жизни казачества» [Бекасова 2022: 14]

Особый интерес в этой связи представляют диалектные наименования, среди которых выделяется предметно-бытовая лексика, которая, как справедливо утверждает Г. В. Судаков, «имеет очевидную связь с этнографическими качествами обозначаемых реалий» [Судаков 1982: 76],

следовательно, отражает своеобразие языковой картины мира переселенцев, обретших родину в новых природных и языковых условиях.

Материалом для исследования послужили диалектные словари – «Оренбургский областной словарь» Б. А. Моисеева и «Словарь говоров уральских (яицких) казаков» Н. М. Малечи, которые были подготовлены на материале картотек записей диалектной речи и различных других источников, включая архивные данные. Словари были подготовлены к печати в 60–70 гг. XX в., но опубликованы только в начале XXI в.

В данной статье рассматриваются системно-структурная организация диалектных наименований одежды в оренбургских говорах, среди которых по своим особенностям представления в оренбургских русских говорах особый интерес представляют названия головных уборов. Обращение к названной тематической группе не случайно. В настоящее время подавляющее большинство диалектных наименований элементов одежды сохраняется в речи и памяти исключительно представителей старшего поколения [Баженова 2018]. Однако, как и все диалектное наследие, слова представляют интерес для реконструкции их «народного» значения, связанного с определенной территорией.

В своем обобщающем исследовании по исторической лексикологии русского языка Г. В. Судаков отмечает, что «выделение названий головных уборов в особое лексическое объединение намечается в старорусский период, здесь функции родового слова на некоторое время было вынуждено взять на себя слово *шапка*, но уже в XVIII в. появляется составное наименование «*головной убор*» [Судаков 1982: 104].

Сплошная выборка интересующих нас лексем показало наличие в «Оренбургском областном словаре» Б. А. Моисеева 29 наименований головных уборов, платков и шалей; в «Словаре говоров уральских (яицких) казаков» Н. М. Малечи – 22 диалектных наименования. Головные уборы четко распределяются по принадлежности мужчине или женщине, при этом женские головные уборы более разнообразны и функционально дифференцированы. Например, выделяются головные уборы замужних женщин: *барсовка* – тонкий шёлковый, праздничный платок, разноцветный, м. б. с кистями. *Кружовки, барсовки разны были, шёлковы* (СГК, 1: 103); *тальянка* – головной платок простой или дорогой шёлковый. *В тальянке шёлк один и цветы на ней, коймы* (СГК, 4: 234); *шашмура* – женский чепец. *Перед молодой развешивают какую-нибудь занавеску, сваха заплетает ей две косы и надевает шашмуру* (род чепца, какой носят постоянно замужние женщины). *Между ними считается вообще грехом ходить простоволосыми, то есть с непокрытой головой, без шашмуры* (ООС: 184).

При этом для женских головных уборов весьма характерны выделенные Г.В. Судаковым мотивирующие признаки [Судаков 1982: 287], например, по материалу (*кружевейка* – кружевная косынка, платок из шёлковых ниток. *Она стояла на ступлянке крыльца в новом принцессе (платье) и новой кружевейке* (СГК, 2: 290); *поплинка* – головной платок из поплина. *Поплина – это платок такой из поплина, тонкий* (СГК, 3: 321); по месту нахождения (*начёльник* – женская головная повязка в виде широкой полоски ткани, унизанной бусинками. *Как свадьба, у всех на головах начельники* (ООС: 105); *налóбник* – головной убор замужней женщины. *Если вышла замуж, то она с налобником ходит. Налобник – сверх платочка надевался* (ООС: 103); по цвету (*индейка* – шёлковая тонкая шаль различной расцветки. *Бывало, повяжемся – индейка-то, красота!* (СГК, 2: 128); по форме (*жгут* – головной убор замужней женщины в старину. *Жгуты шили, на голову надевали, как девушка замуж выйдет. Полагалось так: вышла замуж – жгут носи* (ООС: 44); по размеру (*Плат* или *фата* – большой платок (ООС: 126); *подшалок* – женский платок небольших размеров. *Уменьш.-ласк. подшалочек. Шёлковая плёточка у девицы в лавочке, в шёлковом подшалочке* (ООС: 132); *шалёнка* – шаль небольших размеров. *Шаль дорого стоит, а я купила себе шалёнку* (ООС: 183).

Особо следует отметить разнообразие наименований оренбургских пуховых платков, в основном представленное в словаре Б. А. Моисеева, где также наблюдается классификация по размеру (*полплатóк* – пуховый платок небольших размеров (в 180 петель). *У полплатка почти двести петель, а у платка – пятьсот.* (ООС: 134); *полушáлка* – 1. Вид платка. «*На голове клетчатый платок или пёстрая полушалка*». 2. Перен. То же, что платок. *Жирная корова попалась: с кишок и trebuхи сняли несколько полушалок* (ООС: 135); по цвету (*пегáшка* – платок (шаль), связанный из пуха разного цвета. *Как свяжешь шаль, остаётся клубочек пряжи, после другой шали – тоже клубочек, такие клубочки соберёшь и ещё одну шаль свяжешь; вот эта шаль – пегашка* (ООС: 121); по способу вязки (*мáшинный платок* – пуховый платок, связанный механическим способом, машиной. Затем мастерицы вяжут на этом платке по бокам узоры. *К нам машинные платки везут из города для обвязки, мастерицы узоры вяжут на них.* (ООС: 93)); по качеству пуховой нити (*путíнка* – паутинка; пуховый платок тонкой работы. *Казачки раньше все в дорогих путинках ходили. У нас бабы все мастера путинки вязать* (ООС: 144) (подробнее см. [Бекасова 2021б]).

Интерес представляет номинация *катётка*, как название платка из шерсти, кашемира и пуха (пуховяз. 1. Пуховый платок. *Раньше мы говорили катетка вместо платка. Хорошую катетку связала. Раньше на катетках только и жили, в Кувандык продавать их возили.* 2. Небольшой платок (пуховый, шерстяной, кашемировый из 300 петель). *Из тонкого пуха можно*

хорошую катетку связать. Катетки разные бывают: кашемировые, шерстяные и пуховые (ООС: 59).

В словаре Н. М. Малечи головной убор из пуха называется по месту географического происхождения – *Оренбурка* – оренбургская пуховая шаль. У меня шаль-то иленбурка (СГК, 3: 75).

Традиционная культура, в том числе ношения головных уборов, сохранила старинные их названия, о чем свидетельствует иллюстративный материал словарных статей: *кирленник* – женский головной убор в старину. *Старый кирленник у меня был, в сундуке валялся* (ООС: 61); *налобесник* – старинный женский головной убор. *В старину бабы с налобесниками ходили* (ООС: 103); *очипок* – женский головной убор в старину. *Бабушка рассказывала, что очипки носили замужние женщины* (ООС: 119).

В словаре Б. А. Моисеева также отмечены головные уборы, характерные для казахского населения: *жаулык* – «белый платок, головной убор женщины (киргизки) в отличие от цветных (красных) платков, которые носят девушки. *Жаулык – полотенце на голове киргизки* (ООС: 44); *джаблук, джавлук* – казахская меховая шапка (из каз. яз.) (ООС: 39) (подробнее см. [Бекасова 2021а]).

Как казахский мужской головной убор фиксируется *малахай*, который носили, судя по «Оренбургской газете», и казаки (казахская меховая шапка в виде треуха. *Киргизы в лисьих малахаях зимой ходили. «В прошлом столетии казаки Оренбургского войска носили длинные кафтаны из сукна домашнего изделия, шапки, зимою малахай, выбойчатые халаты* (ООС: 91).

Г. В. Судаков отмечает, что заимствованное название *малахай* «отмечается в северно-русских и сибирских говорах со значениями «меховая шапка с широкими наушниками и задником до плеч» [Судаков 1985; Судаков 1982: 113].

Надо отметить ещё одно редкое наименование мужского головного убора, который также носили казаки: *тумак* – высокая казачья шапка, сшитая из мерлушек. *Казаки-простаки, вольные ребята. Они носят шапки-тумаки, все живут богато* (из старинной казачьей песни, записанной в с. Елшанке Соль-Илецкого р-на). *Бывало казак наденет тумак на ухо и идёт* (ООС: 170). Имеется и шутовое наименование головного убора: *аська (где моя аська?) – «Где моя шапка?»* (ООС: 17).

Надо отметить, что словари Б. А. Моисеева и Н. М. Малечи фиксируют одинаковые наименования, ср.: *волосник* – женский головной убор виде чепца. *Сейчас только старухи в волосниках ходят* (ООС: 31) – *волосник* – женский головной убор, надеваемый на заплетённые в косы и свёрнутые на голове волосы. Носили замужние женщины, позже – только старухи. Волосник изготовлялся из картона (полуобруча), обшитого коленкором или шелком с

кружевами. Поверх волосника надевалась шелковая «косынка», расшитая в узор золотом и серебром. Высота волосника от 1 до 3 вершков, смотря по возрасту женщины: старуха-уралка носила совершенно скрывающий причёску волосник, так как в этих летах считалось грехом открывать волосы. *Волосник – как сито, женщины одевали* (СГК, 1: 257); *кардóнка* – женский головной убор, состоящий из неширокой картонной ленты, концы которой связаны. Такая лента, принявшая вид окружности, надевается на голову и сверху покрывается платком. *Кардонка делалась вокруг головы, а сверху шёлковый платок надевался. Кардонка была с перевязкой, а сверху платок повязывался* (ООС: 57) – *кардонка* – головной убор девушек-казачек из картона с кружевными перевязками, лентами или с косынкой. *А на голове кардонки носили да перевязки* (СГК, 2: 169); *кашемирка* – платок из кашемировой ткани. *Я одну кашемирку храню, она у меня и сейчас целая* (ООС: 60) – *кашеми́рка* – головной платок из кашемира; вообще платок для головы (шелковый, из лёгкой шерсти, с цветами). *Кашемирки есть и бумажны, и шерстяной кашемир есть. Кашемирки повязывают весной и летом* (СГК, 2: 180).

Таким образом, среди наименований головных уборов выделяются названия платков, которые могли быть как повседневными, так и праздничными, например, *барсóвка*, *кружеве́йка* и др. Выделяются элементы по признаку материала, из которого сделан головной убор: *кардонка*, *катетка*, *кашемирка*, *пегашка* и под. Приведенные наименования демонстрируют высокую степень дифференциации в восприятии и обозначении наименований головных уборов, что свидетельствует о богатстве и многослойности диалектной лексики Оренбуржья. Дифференцирующим признаком является показатель семейного статуса женщины, который находит отражение в различных элементах женского головного убора: *жгут*, *налобник*, *очипок*, *волосник*, *шешмура*.

Особый интерес представляет заимствованная лексика. К ней относятся *джаблук*, *жаулык* и *малахай*. Эти наименования не только фиксируют факт наличия чужеродных элементов в гардеробе, но и отражают культурные и исторические контакты между народами, способствуя более глубокому пониманию этнолингвистических процессов.

Анализ тематической группы диалектные наименования головных уборов пополняет сведения о лексике говоров Оренбургского края, отражая связь его говоров с другими диалектными и языковыми системами в контексте развития языка и культуры народа.

Источники

СГК – Малеча, Н.М. Словарь говоров уральских (яицких) казаков. В 4 томах. / Н.М. Малеча. – Оренбург: Оренбургское книжное издательство, 2002.

ООС – Моисеев, Б.А. Оренбургский областной словарь / Б.А. Моисеев. – Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2010. – 191 с.

Литература

Баженова, Т. Е. Наименования одежды и обуви в самарских говорах. / Т. Е. Баженова. // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2018 – Т. 10. – вып. 1. – С. 5–13.

Бекасова, Е. Н. Казахские заимствования в оренбургских русских говорах / Е. Н. Бекасова // *Turkic Studies Journal*. – 2021a. – V. 3. – N. 3. – С. 7-22. – DOI: <http://doi.org/10.32523/2664-5157-2021-3-7-22>.

Бекасова, Е. Н. К проблеме лексикографического описания оренбургского пуховязального промысла / Е. Н. Бекасова // *Лексикография цифровой эпохи. Сборник материалов Международного симпозиума* / Отв. ред. Е. А. Юрина, С. С. Земичева. – Томск, 2021. – С. 184-187.

Бекасова, Е. Н. Языковое пространство Оренбуржья / Е. Н. Бекасова. – Вгпо: *TribunEU*, 2022. – 254 с.

Судаков, Г. В. Бытовая лексика в деловой письменности Посухонья XVII в. (названия головных уборов) / Г. В. Судаков // *Системные отношения в лексике севернорусских говоров*. – Вологда, 1982. – С. 93 – 106.

Судаков, Г. В. История русского слова / Г. В. Судаков. – 2-е изд., доп. – Вологда: ВоГу, 2015. – 360 с.

Судаков, Г. В. Как называлась Сенькина шапка / Г. В. Судаков // *Русская речь*. – 1985. – № 5. – С. 110–116.

Bekasova, Elena N. Linguacultural Interactions in Orenburg Region // *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. – 2021. – 14(10). – p. 1474–1485.

Ширкунова А. В.

Псковский государственный университет

(г. Псков)

РЕАЛИЗАЦИЯ КАТЕГОРИИ АТТРИБУТИВНОСТИ В НАРОДНОЙ РЕЧИ

Аннотация. Работа посвящена раскрытию способов реализации признаковой семантики в диалектной речи. Выявление таких типов категории атрибутивности, как адъективно-субстантивные сочетания, а также соотносимые с ними конструкции с предложно-именным оборотом, показывает взаимосвязь проявления синтетизма и аналитизма в русской народно-разговорной речи.

Ключевые слова: отсубстантивные адъективы, атрибутивная семантика.

Категория атрибутивности, являясь универсальным понятием, выражает когнитивные представления о мире вещей как о совокупности свойств.

Атрибутивность «манифестируется в языке различными средствами семантики, синтаксиса и морфологии» [Копкова 2008: 31]. «Сложность лингвистического изучения атрибутивности, которая является семантическим понятием, объясняется разнообразием моделей атрибутивных конструкций» [Хабибуллина 2023: 62].

Несмотря на высокую степень изученности особенностей семантических отношений определительных конструкций, специфики их функционирования, «интуитивно воспринимаемая разноплановость семантических связей в широком поле атрибутивных сочетаний, неоднородность и осязаемое разнообразие их типов» [Кумыкова 2016: 108] продолжает вызывать интерес исследователей.

Для русского языка, в том числе и для его диалектной системы, наиболее характерным репрезентантом атрибутивности является признаковое слово, т. е. имя прилагательное. Одна из проблем изучения данной категории слов, а именно отсубстантивных адъективов, обусловлена «еще не полностью раскрытым взаимоотношением их системно-языковых значений и коммуникативно обусловленных речевых смыслов» [Родионова 1997: 3]. В этой связи исследователем реализуется «концепция предикатно-актантных структур», что позволило автору выявить типичные и уникальные «элементы пропозиции, отраженной в семантике прилагательного» [Родионова 1997: 5, 6].

Целью данной работы является раскрытие взаимодействия способов реализации признаковой семантики в диалектной речи.

Источником публикации послужили материалы диалектных словарей псковских, вологодских говоров, русских говоров Карелии, а также данные «Словаря русских народных говоров».

В первую очередь признаковая семантика в речи диалектоносителя реализуется с помощью имени прилагательного в составе словосочетания с определяемым существительным или как самостоятельной номинации.

1. Так, например, универсальным в народном сознании является восприятие младенца не только в зависимости от его пола, возраста, внешних особенностей, воспитания, но и в неразрывной связи с предметным миром, выступающим в качестве маркера данного возраста (*пеленки; колыбель, зыбка*).

Пелёничный и **пеленíшный** – ‘такой, которого еще пеленают, грудной (о младенце)’. *У неё робёнок пеленíшной, а она уж на сенокóс пошла.* Ник. Скочок. *Оне всё потону́ли, из всёй семьёй то́лько дёвочка пелёнишная остáлась в том дóме. Пелёнишная – это знáчит, что в пелёнках.* Кир. Ферап. + Тот. (СВГ, 8: 23). *Она одна с пеленíшным ребёнком остáлась.* Чер. (СРГК, 4: 422).

Колыбельный – ‘грудной (о ребенке)’. *У молóденькой молóдушки Дитё кричít колыбѣльное*. Терек., Соболевский. (СРНГ, 14: 205).

Зыбочный – ‘маленький, еще лежащий в колыбели (о ребенке)’. *Дѣвка остáлась зыбочна, мать родила и умерла на сороковом году*. Белом. *Когда не ходит еще, то зыбочный младенец*. Медв. *Ребенок уж не маленький, не зыбочный, раньше ведь в зыбках качались*. Там же. + Лод. (СРГК, 2: 261).

Таким образом, происходит развитие признакового значения на основе метонимического переноса по связи с предметами, сопровождающими повседневную жизнь младенца (традиция пеленания, пребывания в колыбели).

2. Вступая в различные синтагматические отношения, прилагательное отражает в своем значении и контекстном употреблении различные реалии крестьянского быта и народной культуры в целом.

Зола → **зольный, золяной** (ПОС, 13: 97–98): *зольное белье* (‘содержащее золу после стирки, отбеливания в щёлоке’) и *золяной мешочек* (‘предназначенный для золы’).

Конопля → **конопляный** (ПОС, 15: 173): *конопляные веревки* (‘скрученные из конопляных нитей’) и *конопляное сено* (‘заготовленное из конопляных побегов’).

Семя → **семянный** (СВГ 9: 121): *семянное масло* (‘сделанное из семян льна’) и *семянные лепёшки* (‘испеченные из муки с примесью семян’).

3. Другой способ реализации категории атрибутивности, зачастую существующий в диалектной речи параллельно с первым, выражается падежно-именной конструкцией. Например:

Такая бутылачка, а в бутылачьки таблѣтки, ад жалутка, ад жывотá. Локн. (ПОС, 10: 191). Ср. *желудочные таблетки*.

Из пелёвы-то подушки делали, такую пелёвну подушку дадут на печь, дак грязи-то – ой! Сямж. Монаст. Пелёвная подушка. Хар. Никул. (СВГ, 8: 23).

Из лыка из берёзового лычаные зобѣньки плелí. Вож. Мих. (СВГ, 6: 59).

Коренёватые корзины из корешков. Вот река, берег, а в берегу корешки, выдёргиват и плетут. И лукошко может коренёватое. В-У. Черн. (СВГ, 3: 103).

Функциональный параллелизм распространяется и в область деривации: *гужóвые лапти – лапти из гужá (гужей/гужов) – гужóвики (гужевикí)*.

Гужóвые лапти са льнóу... Палк. *Лазóвыи лапти с лазы́, а гужóвыи с ыльняных вярѣвк*. Пуст. – *Этѣ лапти з гужóф*. Пуст. – *Гужóвики растряпáл, насí тапѣрь атóпки*. Остр. (ПОС, 8: 74–75).

Ф *празъник пяклí баркáнный пирóк*. – *Из боркáна пѣклí* [пирог] *и картóвашный пяклí*. – *Баркáнный у нас маркóвный пирóк*. Беж. (ПОС, 1: 120, 122).

Таким образом, как следует из рассмотренного материала, выявляются основные соотносительные типы реализации категории адъективности в диалектной речи: сочетания относительного прилагательного с определяемым существительным и сочетания существительного с предложно-именным оборотом. Диалектная речь актуализирует разные формы проявления атрибутивной семантики: от универбов (*барканник, гужовики*) до трехлексемных сочетаний (*пирог из баркана, лапти из гужов*). Атрибутивно-субстантивные сочетания (*барканный пирог, гужовые лапти*) занимают нейтральное место на представленной шкале синтетического сжатия. Предметом дальнейшего исследования будет выявление тематических зон наблюдаемого явления и изучение коммуникативной роли анализизма в рамках адъективной семантики.

Источники

ПОС – Псковский областной словарь с историческими данными / под ред. Б. А. Ларина [и др.]. – Вып. 1–29. – Л. (СПб.): ЛГУ (СПбГУ), 1967–2024.

СВГ – Словарь вологодских говоров / под ред. Т. Г. Паникаровской, Л. Ю. Зориной. – Вып. 1–12. – Вологда: ВГПИ/ВГПУ, 1983–2007.

СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / под ред. А. С. Герда. – Т. 1–6. – СПб.: СПбГУ, 1994–2005.

СРНГ – Словарь русских народных говоров / гл. ред.: Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, С. А. Мызников. – Вып. 1–52. – М.; Л. (СПб.): Наука, 1965–2023.

Литература

Копкова, Е. В. Структурно-семантический и прагматический аспекты адъективной качественности / Е. В. Копкова // Вестник Вятского государственного университета. – 2008. – № 4. – С. 31–35.

Кумыкова (Гучапшева), Э. Т. К опыту исследования семантических особенностей адъективно-субстантивных словосочетаний / Э. Т. Кумыкова (Гучапшева), Д. М. Кумыкова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 4-2 (58). – С. 108–110.

Родионова, А. Е. Семантика отсубстантивных относительных прилагательных в системном и коммуникативно-функциональном аспектах: автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. Е. Родионова. – Уфа, 1997. – 23 с.

Хабибуллина, Л. Г. Атрибутивность как семантическая категория / Л. Г. Хабибуллина. // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. – 2023. – Т. 45, № 5. – С. 62–66. – DOI: 10.15393/uchz.art.2023.922

Волкова А. Д.

Одинцовский филиал МГИМО МИД России

(г. Одинцово)

ДИНАМИКА КОНЦЕПТА «НАРОДНЫЙ ТАЛАНТ» / «ТАЛАНТ ИЗ НАРОДА» В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ РЕЧЕВОЙ ПРАКТИКЕ

Аннотация. В статье рассматривается номинативное поле концепта «народный талант» / «талант из народа» в динамическом аспекте на материале Национального корпуса русского языка. Анализируются лингвокультурные особенности обозначенных номинаций, выявляются их семантическое ядро и динамика функционирования в русскоязычной культурной среде XX – начала XXI в. Особое внимание уделяется различиям в семантике номинаций, акцентируется роль социальных и культурных факторов в их интерпретации и становлении лингвокультурного типажа. Выводы обобщают признаки, объединяющие рассмотренные концепты, – социальное происхождение носителя, идея скрытого потенциала, полярность воздействия извне и ценностная ориентация на народную мудрость, что позволяет охарактеризовать лингвокультурный типаж как коллективную ценность, проявляющуюся в условиях социальной справедливости.

Ключевые слова: лингвокультурный типаж, концепт, «народный талант», «талант из народа», Национальный корпус русского языка.

Исследование феномена таланта как универсальной ценности, проявляющейся в различных лингвокультурах, представляет собой многоуровневый научный процесс. В лингвокультурологии талант интерпретируется как концепт, а согласно определению В. И. Карасика, концепт следует рассматривать как «базовую единицу культуры, обладающую образным, понятийным и ценностным компонентами, с преобладанием последнего» [Попова, Стернин и др. 2004: 10]. Научный интерес данной работы обращён к особому концепту, в основании которого лежит восприятие человека, чьи устойчивые характеристики распознаются языковым сообществом и проявляются в его коммуникативной активности. В. И. Карасик определил такой вид концепта как лингвокультурный типаж (далее ЛКТ), то есть «уникальное абстрактное ментальное образование, типизируемый представитель определенной этносоциальной группы, узнаваемый по специфическим характеристикам вербального и невербального поведения и выводимой ценностной ориентации» [Карасик 2002: 310].

Понятие «талант» представлено в «Большом толковом словаре русского языка» (далее БТС) следующим образом:

1. Выдающаяся врождённая способность, особая природная одарённость. *Удивительный, настоящий, подлинный талант. Поэтический, драматический, музыкальный талант. Талант изобретателя, актёра, педагога.* разговорное *способность, умение. Талант различать запахи. Талант обращаться с людьми. Славиться талантом кулинара. Ребёнок радуется своими талантами.* 2. Человек с такими способностями, дарованием. *Молодые таланты. Познакомиться с талантом. Из группы ушли все таланты. Да ты просто талант!* 3. В Древней Греции, Вавилоне, Персии и других областях Малой Азии: единица веса и денежная единица. *Притча о десяти талантах. Заплатить штрафу пять талантов* (БТС: 1304).

Исходя из этого определения, мы делаем вывод, что талант в значении 2 может быть широко представлен в речевой практике как ЛКТ и наделён определёнными образными, вербальными и ценностными характеристиками. Среди талантливых представителей общества выделяется особый типаж – «талант из народа» / «народный талант», который представляет собой одарённого выходца из непривилегированных слоёв населения, получивший признание широких народных масс.

Целью данной работы является построение номинативного поля концепта «народный талант» / «талант из народа» и анализ его динамики в мышлении представителей русскоязычной культуры на протяжении XX и первой четверти XXI вв.

Материалом исследования послужили словосочетания «народный талант» и «талант из народа», представленные в Национальном корпусе русского языка (далее НКРЯ). В данном исследовании проанализировано функционирование указанных номинаций на уровне микротекстов, представленных в Национальном корпусе русского языка (НКРЯ), которые использовались в качестве контекстуальных примеров. На основании собранных данных были разработаны детализированные «портреты» изучаемых концептов. Особое внимание уделено хронологической датировке примеров, что связано с тем, что лингвокультурные типажы рассматриваются как феномен, обладающий как лингвистическими, так и экстралингвистическими свойствами. По утверждению В.И. Карасика, «типаж в большей мере отражает фактическое положение дел, реальное социальное распределение ролей» [Карасик 2005: 17], а значит не может рассматриваться без учёта реалий данной лингвокультуры.

«Народный талант»

Прилагательное «народный» вмещает широкий круг значений и несёт на себе отпечаток разных эпох жизни страны. БТС указывает следующие его значения:

1. только полн. к Нарód (1-3 зн.). *Народные массы. Народное творчество. Народное гуляние, восстание. Народное бедствие. «Народная воля»* (в России в 80-х годов XIX в.: название тайной политической революционно-народнической организации). *Народный комиссар* (=Наркóм). *Народный комиссариат* (=Наркомáт). *Народный контроль* (в СССР: система органов, сочетающих государственный контроль с общественным контролем трудящихся на предприятиях, в колхозах, в учреждениях и организациях). *Народное ополчение* (войско, собираемое в помощь регулярной армии на добровольных началах). *Народный фронт* (форма организации народных масс для борьбы против фашизма и войны, за демократию, мир, социальный прогресс). *Народная демократия* (в Европе 1946 - 1990 гг.: форма политической организации общества, своеобразие которой заключалось в многопартийности при ведущей роли марксистско-ленинской идеологии). *Народная дружина* (добровольная организация граждан, помогающая милиции в охране общественного порядка) // Свойственный, присущий народу. *Народный юмор. Народная мудрость, щедрость. Народная медицина* (совокупность накопленных народом сведений о средствах и способах лечения: фитотерапия, мануальная терапия и т.п.). *Народная этимология* (ненаучное объяснение происхождения слова; переделка заимствованного слова по образцу созвучного слова родного языка). 2. Принадлежащий всему народу. *Развивать народное хозяйство. Разбазаривать народные богатства. Беречь народное добро.* 3. Тесно связанный с народом, соответствующий духу народа, его культуре, мировоззрению. *Творчество этого художника глубоко народно.* / В составе почётных званий, присваиваемых высшими органами государственной власти за выдающуюся деятельность в области науки, искусства, просвещения и т.п. *Народный артист республики. Народный художник России. Народный врач России.* 4. только полн. В составе названий некоторых учреждений, должностных лиц. *Народный заседатель. Народный суд.* 5. только полн. В России до 1917 г.: предназначенный для низших слоёв общества; общедоступный. *Народное училище. Народный дом* (зрелищное и культурно-просветительное учреждение). (БТС: 597).

В ходе анализа данных НКРЯ было выявлено 47 релевантных контекстов с употреблением словосочетания «народный талант», из которых в 7 случаях выражение встречается в форме единственного числа. Преобладание множественной формы свидетельствует о тенденции представлять семантический комплекс «народный талант» в русскоязычной картине мира как явление коллективного характера.

В контекстах употребления «народный талант», представленных в НКРЯ, преобладают предикативные сочетания. Рассмотрим примеры таких

употреблений. Итак, «народные таланты» *появляются* (3 контекста, датируемые 2006, 1976, 1970 гг.), *угасают* (2004), *показываются на сцене* (1976), *проявляются* (1976), *внедряются в сознание современников* (1970), *растут* (1970, 1937), *показывают своё искусство* (1955), *отбираются* (то есть производится их отбор) (1950), *расцветают* (1950, 1938, 1938, 1937), *развиваются* (1949, 1938, 1937), *совершенствуются* (1937), *стремятся в купцы ...* (1900), *наполняют собой интеллигенцию* (1900).

На данной выборке видно, что чаще всего «народный талант» вступает в предикативные сочетания с глаголами *расцвести*, *появляться*, *развиваться*, *расти*. Согласно классификации Л. М. Васильева, такие глаголы относятся к семантическому классу изменения и становления [Васильев 1981: 41] и метафорически переносят свойства живого организма в сферу абстрактного, на понятие таланта. Такая семантика подчёркивает, что талант воспринимается как живой организм, который требует культивирования и поддержки.

Особый интерес представляет анализ объектных сочетаний, где «народный талант» выступает в следующих сочетаниях: *проводить смотр* (1990), *уничтожать* (1960), *задавливать* (1960), *дать дорогу* (1959), *отбирать* (1955), *глушить* (1951), *расковыивать от пут капитализма* (1939), *совершенствовать* (1937), *душить*, *калечить*, *зверски эксплуатировать* (1937)¹, *эксплуатировать* (1937), *сочувствовать* (1937), *придумывать* (1921).

Здесь чётко прослеживается полярная семантика: на данных примерах можно увидеть положительное (*дать дорогу*, *расковыивать*, *совершенствовать*, *сочувствовать*) и отрицательное (*уничтожать*, *задавливать*, *душить*, *калечить*, *эксплуатировать*) воздействие. Эта диалектика отражает ключевой конфликт, заложенный в самом концепте «народного таланта»: его потенциал находится под угрозой подавления со стороны неблагоприятной среды или власти, например:

*Царская Россия, глушившая **народные таланты**, не оказала помощи изобретателю.»* [Я. Сатуновский, В. Шкловский. Изобретатель Павел Зарубин // «Техника - молодежи», 1951 (42543:99:4)].²

*В своих очерках, также посвященных народному творчеству, Горький, несмотря на свирепствовавшую цензуру, беспощадно разоблачает «хозяев жизни», душивших, калечивших и зверски эксплуатировавших **народные таланты**.* [И. Бас. Статьи Горького о народном творчестве // Народное творчество, 1937 (80425:8:22)].

¹ Орфография источника сохранена. – А.В.

² Здесь и далее примеры представлены в НКРЯ. – Режим доступа: <http://ruscorpora.ru/s/8qqRg> (дата обращения: 29.09.2025).

Однако, при наличии благоприятных исторических и социальных условий он может быть раскрыт и реализован в полной мере. Это наглядно представлено следующими примерами из НКРЯ:

***Народные таланты** и, дарования расковал от пут капитализма Великий Октябрь. [Иван Александров, Глеб Григорьев. Курако (1939) (72423:3561:1)].*

*Горячим сочувствием **народным талантам**, любовью и пониманием народного творчества пронизаны очерки Горького, написанные в 1896 году. [И. Бас. Статьи Горького о народном творчестве // Народное творчество, 1937 (80425:57:3)].*

Если мы обратим внимание на датировку контекстов в НКРЯ, то заметим, что чаще всего «народные таланты» упоминаются во второй половине 1930-х годов, что может быть связано с практикой присуждения звания «народного артиста СССР» деятелям искусства как компонент государственной наградной системы СССР [БСЭ]. В период становления советского общества уходит из употребления прилагательное «народный» в значении **«предназначенный для низших слоёв общества; общедоступный»** как утратившее релевантность в условиях декларируемого отсутствия расслоения общества, а отмечаемые наградами деятели культуры, науки и искусства встраивались в новый «народный пантеон» и могли быть связаны со значением **«тесно связанный с народом, соответствующий духу народа, его культуре»**.

Таким образом, в речевой практике этой эпохи наблюдается семантическая трансформация дефиниции «народный», которая начинает функционировать в качестве эмблемы нового общества. В данном контексте концепт «народный талант» предстаёт не только как коллективная ценность, он неотделим от идеи социальной справедливости и исторической миссии, но лишён ярко выраженной субъектности и метафорически представляется живым организмом, который появляется, растёт и развивается лишь в определённых условиях.

«Талант из народа»

Номинация «талант из народа», обозначая также талантливого выходца из непривилегированных социальных слоёв, несколько отличается по своей семантике от «народного таланта». Наличие предлога из даёт представление о социальной мобильности, движении из одного слоя общества в другой, делая акцент на происхождении, а не принадлежности. Само понятие «народ» в БТС представлено так:

1. Население какой-л. страны. *Народ Чили, Индии, России. Немецкий н. Народы Европы. Трудолюбивый, талантливый народ. Народ-созидатель, народ-творец (высок.).* 2. Нация, национальность; народность. *Русский народ. Этикет и культура народов России. История еврейского народа. Народы мира. Коренные народы Сибири. Южные, северные народы. Малые народы (о малочисленных*

народах). 3. только ед. Основная трудовая масса населения страны. *Трудовой народ. Борьба народа за свои права. Выйти из народа. Простой народ. Жизненный уровень народа.* // Жители той или иной местности, территории. Смекалка деревенского народа. 4. только ед.; род.: -а (-у). Люди. *Огромная толпа народу. В театре было мало народа. Весь народ. вышел на митинг. А где народ? Пора начинать собрание. Мальчишки - народ озорной. При (всём честнóм) народе (при всех). Ну и народ!* (выражает неодобрение или удивление). *На народе* (разг.; в обществе, при людях, с людьми) (БТС: 597).

В семантическом комплексе «талант из народа» актуализируется значение 3 – основная трудовая масса населения страны, подчёркивая невысокое происхождение носителя таланта, а не его значение для всего народа как выразителя его коллективного духа. Ключевое различие заключается в акценте: «народный талант» подчёркивает принадлежность к народу как к источнику таланта, в то время как «талант из народа» наделён дополнительной семантикой перехода из более низкого слоя в более высокий.

В НКРЯ данная номинация встречается гораздо реже – лишь в 11 контекстах, в 9 из которых словосочетание «талант из народа» употребляется во множественном числе. Это указывает на его меньшую продуктивность или более узкую специфику, но если мы посмотрим на примеры его употребления в НКРЯ, то увидим, что его семантическое поле во многом пересекается с полем «народного таланта».

Предикативные сочетания, в которых встречается, следующие: таланты из народа *есть* (2006), *расцветают* (1950), *осуществляют мечту* (1950), *развиваются, расцветают, совершенствуются* (1950), *выходят* (1894).

В качестве объекта выступает в таких сочетаниях: талантам из народа *открывают пути в большое искусство* (1976), *открывают дорогу развития, расцвета, совершенствования* (1950); их *развивают и поощряют* (1939), *приводят с собой* (1928), *открывают, окружают себя ими* (1928).

Здесь также доминируют глаголы развития (расцветают, развиваются, совершенствуются) и глаголы, обозначающие создание условий для его реализации (открывать пути, открывать дорогу, развивать, поощрять), что созвучно контекстам, в которых встречается и «народный талант»:

Явственно звучали в нем и тема социальной сатиры, и тема любви, и, наконец, очень близкая мне мысль о том, что Советская власть открыла все пути в большое искусство талантам из народа [Григорий Александров. Эпоха и кино (1976) (21806:4047:28)].

Какая другая страна может привести примеры подобного расцвета таланта из народа, может предоставить такие возможности для роста и совершенствования! [Н. Громов. Таланты, рожденные Октябрем. Сара

Ишантураева, Аман Кульмамедов, Калибек Куанышпаев (04.03.1950) // «Советское искусство», № 10 (1202), 1950 (83490:27:8)].

Также отметим, что хронологическая кластеризация данного семантического комплекса формируется в послевоенный период, около 1950 года, что, в свою очередь, может свидетельствовать о возросшем общественном внимании к представителям непривилегированных социальных страт. В отличие от концепта «народный талант», семантика данного словосочетания не подверглась столь радикальной ресемантизации под воздействием изменяющихся внешнеполитических и внутриобщественных условий.

Выводы

Благодаря семантическому анализу мы можем проследить, как именно отражается лингвокультурный типаж «народный талант» / «талант из народа». При некоторых существенных различиях в их значениях, выявленных выше, мы считаем эти семантические комплексы единым лингвокультурным типажом, потому что объединяются общим ядром семантических признаков:

1. Социальное происхождение из непривилегированных слоёв (носитель таланта является выходцем «из народа», либо его талант символически принадлежит всему народу);

2. Идея скрытого, не реализованного потенциала (мотив особых условий для раскрытия таланта);

3. Полярность воздействия извне (как показывают примеры из НКРЯ, обе номинации подвержены позитивному и негативному воздействию со стороны внешних социальных и политических сил)

4. Ценностная ориентация на народную мудрость (обе номинации сами по себе несут положительную оценку, вступая в антагонистические отношения с «салонным», «академическим» талантом).

Таким образом, можем заключить, что лингвокультурный типаж «народный талант» / «талант из народа» характеризуется как талантливый представитель непривилегированных слоёв общества, чей дар нуждается в социальных условиях для своего раскрытия и чья деятельность оценивается как проявление народного духа.

Источники

Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажы: Сб. науч. тр. / Под ред. В. И. Карасика. – Волгоград: Парадигма, 2005. – 310 с.

Большая советская энциклопедия. в 30-ти т. – 3-е изд. – М.: Совет. энцикл., 1969–1986. ил., карт. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/1/001/008/044/799.htm> (дата обращения 29.09.2025).

Большой толковый словарь русского языка [А-Я] / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед.; [рук. проекта, гл. ред. д.филол.н. С. А. Кузнецов]. – СПб.: Норинт, 2004. – 1534.

Васильев, Л. М. Семантика русского глагола: Учеб. Пособие для слушателей фак. повышения квалификации. – М.: Высш. Школа, 1981. – 184 с.

Национальный корпус русского языка. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://ruscorpora.ru/s/8qqRg> (дата обращения: 25.09.2025).

Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.

Попова, З. Д. и др. Введение в когнитивную лингвистику: учебное пособие / Отв. ред. М. В. Пименова. – Кемерово: ИПК «Графика», 2004. – 210 с

Литература

Бральнин, Д. О. Лингвокультурный типаж «писатель-классик» в современной русской речевой практике: дис. канд. филол. наук. – Архангельск 2025. – 208 с.

Раджабова, Г., Эмирова Д. М. Семантическое поле концепта gift / дар в английской и русской ЯКМ // Успехи гуманитарных наук. – 2022. – №8. – С. 156-159.

Селиверстова, Л. П. «Звезда Голливуда»: лингвокультурный типаж и стереотип // Вестник Волгоградского государственного университета. – Серия 2: Языкознание. – 2007. – № 6. – С. 158-160.

Голубева А. А.

Вологодский государственный университет

(г. Вологда)

ФУНКЦИИ ОНИМА ДАНТЕ В ЭССЕ О. Э. МАНДЕЛЬШТАМА «РАЗГОВОР О ДАНТЕ»

Аннотация. В работе проводится исследование функционирования онима *Данте*, его вариантов, связанных с ним антропонимических эпитетов и онимных перифраз в критическом эссе О. Э. Мандельштама «Разговор о Данте». Цель исследования состоит в выявлении лингвопсихологического и культурнофилософского потенциала ономастических средств выразительности в эссе «Разговор о Данте», их роли в организации художественного мышления автора. В результате исследования выяснилось, что особенности использования онима *Данте* актуализируют идею культурной синхронии, которая является базовой чертой поэтики Данте и выступает в качестве лейтмотивного компонента творчества самого Мандельштама. Характер функционирования онима *Данте* и его апеллятивного окружения отличается направленностью на оживление образа Данте и его творчества в сознании читателя и служит иллюстрацией авторского метода литературоведческого анализа.

Ключевые слова: поэтика онима, функция онима, О. Э. Мандельштам, Данте, диалог культур.

Внимание исследователей к ономастическому пространству поэзии О. Э. Мандельштама обусловлено не только широтой, уникальностью, полифункциональностью его поэтонимикона, но и тем, какое значение поэт придавал его разработке, а также глубиной мандельштамовских размышлений над вопросами философии имени и слова.

Ученые, в фокусе исследовательского внимания которых находилось ономастическое пространство поэзии О. Э. Мандельштама, справедливо считают, что ядерная зона ономастикона поэта представлена антропонимами и топонимами. К употреблению антропонимов в своих текстах Мандельштам подходил с особой тщательностью. Сакральное отношение поэта к именам людей С. С. Аверинцев справедливо сопоставлял с общей библейской заповедью – не призывать имени Божия всуе. Следствием табуированности введения в текст имени собственного, по мнению ученого, было стремление Мандельштама к однократному использованию антропонимов.

Одной из наиболее значимых фигур в поэтическом дискурсе О. Э. Мандельштама является Данте Алигьери. Флорентийский поэт эпохи Возрождения был главным эстетическим ориентиром жизни и творчества поэта (по силе влияния на художественно-эстетическое мировоззрение Мандельштама его можно сравнить лишь с фигурой А. С. Пушкина). Имя Данте не является самым частотным в антропонимическом поле лирики Мандельштама (всего 3 употребления). Но в то же время оно представляет собой существенный элемент теоретико-художественных размышлений поэта, отразившихся в его литературно-критическом эссе «Разговор о Данте» (которое мандельштамоведы склонны считать скорее комментарием автора к собственной поэтике, нежели дантологическим исследованием), и потому заслуживает пристального внимания исследователей. Настоящая работа посвящена анализу функционирования онима *Данте* в критическом эссе «Разговор о Данте». Исследование закрывает сразу две крупных лакуны в мандельштамоведении: расширение изучения критической прозы поэта и внимание к лингвистическому аспекту текста (изучение функционирования проприальной лексики).

Материалом исследования стали имена собственные, их варианты, антропонимические эпитеты и онимные перифразы, извлеченные методом сплошной выборки из литературно-критического эссе Мандельштама «Разговор о Данте». В работе используются метод лингвистического наблюдения и методы количественного, описательного и контекстуального анализа.

Исследование опирается на разработки отечественных ономатологов (В. Н. Михайлов, Э. Б. Магазаник, Ю. А. Карпенко, Е. С. Отин, О. И. Фонякова, В. М. Калинин, В. И. Супрун, Г. Ф. Ковалёв).

Цель исследования состоит в определении лингвопсихологического потенциала ономастических средств выразительности в эссе «Разговор о Данте» и их роли в организации художественного мышления автора. Задачи: 1) выявить ономастические средств выразительности в эссе «Разговор о Данте»; 2) определить их количественный и качественный состав; 3)

предложить их классификацию и описать на основе классификации особенности функционирования онима *Данте* в тексте «Разговора».

Результаты исследования и их обсуждение.

Прежде всего, следует отметить, что Мандельштам поместил оним *Данте* в сильную позицию текста – заглавие. Сразу обращает на себя внимание то, что поэт использует не привычную для нас сегодня форму имени Данте, а вариант «Дант» (с твердым окончанием). К началу XX в. в русской литературе преобладала тенденция называть флорентийского поэта «Дант» (без конечного «е»), что, по утверждению литературоведа М. П. Алексева, объясняется французскими источниками проникновения Данте в русскую культуру [Алексеев 1983: 176-177]. То же подтверждается и примерами из словаря «Собственное имя в русской поэзии XX в.»: в поэзии А. Ахматовой, А. Блока, Б. Пастернака наиболее употребительной была форма *Дант* (СИ-XX: 64). Исследователь А. С. Рослый в диссертационном исследовании, посвященном изучению функционирования концепта «Данте» в акмеистической поэзии, указывает, что для акмеистов употребление твердого «т» в имени Данте было символом общности внутри литературного направления и указанием на собственную принадлежность к категории творцов [Рослый 2005].

Эпоха Серебряного века характеризуется всплеском глубокого интереса к личности и творчеству Данте в отечественной культуре (предыдущий пик интереса к нему дантологи соотносят с фигурой А. С. Пушкина, который, по мнению Мандельштама, лишь один в русской литературе «стоял на пороге подлинного, зрелого понимания Данта» [Мандельштам 1999: 401]). Для поэтов русского авангарда Данте был эталоном творца. Особое внимание его творчеству уделяли акмеисты, художественное сознание которых было культурологически ориентированным. Данте был почитаем и любим ими не только как творец, но и как личность, как человек. Н. С. Гумилёв в «Письмах о русской поэзии» писал: «*Мальчика, влюбившегося в бледность лица Беатриче, неистового гибеллина и веронского изгнанника, - писал, - мы любим не меньше, чем его "Божественную комедию"*» [Гумилев 1923: 23]. Для Мандельштама с его, ярко выраженным лингвоцентрическим мировоззрением, Данте представлял интерес также как реформатор итальянского языка: «*Творенье Данта есть прежде всего выход на мировую арену современного ему итальянского языка - как целого, как системы...*» [Мандельштам 1999: 219].

Помещение имени Данте в заглавие трактата «Разговор о Данте» можно охарактеризовать как результат процесса частичной трансонимизации (переход антропонима в разряд библионима). Мандельштам предлагает посмотреть на имя Данте как на свернутый текст (включающий в себя не только контекст творчества Данте, но и историю его рецепции в русской

культуре) и задает тем самым определенный ракурс читательского восприятия. Оним *Данте* является связующим средством всего критического текста эссе: он помогает поэту структурировать основы авторского метода литературоведческого анализа текста и выразить авторский взгляд на природу поэтического творчества.

В целом, не считая заглавия, оним *Данте* встречается в тексте эссе 104 раза и представлен в виде следующих вариантов: *Дант* (96 употреблений), *Алигьери* (6 употреблений), *Дант Алигьери* (2 употребления). Фонетический вариант антропонима, считавшийся в начале XX в. разговорным («Данте»), не зафиксирован. Антропоним *Данте* в тексте эссе чаще всего используется в функции грамматического субъекта – носителя предикативного признака – и употребляется, следовательно, в именительном падеже (33 употребления). Особенно выделяется на фоне других фрагмент эссе, в котором оним *Данте* в рамках одного не очень большого по объему абзаца повторяется четырежды: «*Дант – бедняк. Дант – внутренний разночинец старинной римской крови. Для него-то характерна совсем не любезность, а нечто противоположное. Нужно быть слепым кротом для того, чтобы не заметить, что на всем протяжении «Divina Commedia» Дант не умеет себя вести, не знает, как ступить, что сказать, как поклониться. Я это не выдумываю, но беру из многочисленных признаний самого Алигьери, рассыпанных в «Divina Commedia»*» [Мандельштам 1999: 224]. В данном фрагменте эксплицируется желание Мандельштама разглядеть в Данте человека, близкого ему по социальному положению и особенностям психики. О том, что поэт был склонен «приписывать» Данте собственные психологические черты и особенности поведения не раз писали мандельштамоведы (Л. Г. Панова, Ю. И. Левин, М. Л. Гаспаров).

Кроме того, антропоним *Данте* представлен в тексте эссе в форме косвенных падежей, наиболее частотным среди которых является родительный (17 употреблений), а наименее частотными – предложный (1 употребление) и творительный (1 употребление). Чтобы проанализировать дополнительную семантику, которой наделяется имя Данте в тексте эссе, необходимо более подробно рассмотреть словосочетания, в которых зависимым словом является генитив онима. Приведем для наглядности все 17 словосочетаний: *творенье Данта, поэзия Данта, похвала Данта, (в) понимании Данта, упоминательная клавиатура Данта, метафора Данта, образы Данта, песни Данта, лаборатория Данте, композиция Данта, метафорические приемы данта, свеженькие читатели Данта, лаборатория душевных качеств Данта, слава Данта, стихи Данта, удивительная стимулирующая сила Данта*. Значимость имени Данте для Мандельштама позволяет нам выдвинуть гипотезу о том, что и лексемам, входящим в его минимальный контекст (синтагму), автор также придает большое значение. Ключевые лексемы,

которые поэт выделяет при помощи онима, связаны, прежде всего, с темой творчества (творенье, поэзия, образы, метафора, песни, приемы, стихи) и психическими процессами и явлениями (душевные качества, похвала, стимулирующая сила).

К генитивным словосочетаниям с онимом *Данте* примыкают словосочетания с отыменными прилагательными *дантовский* (27 употреблений) и *дантов* (7 употреблений). Прежде чем перейти к их анализу, заметим, что производные от личных имен лексемы нередко включаются лексикографами в словники ономастических словарей (см., например, словарь «Собственное имя в русской поэзии XX в. Словарь личных имен», составленный В. П. Григорьевым, Л. И. Колодяжной, Л. Л. Шестаковой). По мнению составителей упомянутого словаря, включение в ономастические словари отыменных производных обусловлено тем, что они помогают проиллюстрировать словопроизводные свойства личных имен, а также взаимодействие онимов и их производных в узком и широком литературном контексте. Попытаемся разобраться в том, можно ли считать это утверждение справедливым по отношению к мандельштамовскому дискурсу. Приведем полный перечень словосочетаний, производных от имени Данте: *дантовские ритмы, дантовская эрудиция, дантовский колорит, формула дантовского порыва, дантовская поэзия, дантовское общение с авторитетами, антиномичность дантовского «опыта», дантовские песни, дантовский метод, органическая химия дантовской образности, дантовский Одиссей, дантовская психика, будущее дантовского комментария, дантовское пространство, дантовская поэма, дантовский монолог, дантовская мысль, дантовская «Комедия», дантовские сравнения, сила дантовского сравнения, культ дантовской мистики, дантовы люди, дантовы черновики, люди дантовой эры, дантова «Комедия», дантова палочка*. Семантика определяемых слов в перечисленных словосочетаниях, как и в случае с генитивными конструкциями, сосредоточена вокруг авторского замысла и его реализации (*ритмы, поэзия, поэма, монолог, метод, сравнение, образность*). Семантика другой значимой части определяемых слов характеризует психические процессы, обращается к личностным качествам и особенностям психики Данте: *формула дантовского порыва* («порыв» заимствован Мандельштамом из философии А. Бергсона, под ним понимается первоначальный импульс творчества), *дантовская психика, дантовская мысль, дантовское общение с авторитетами*. Форма отыменного определения *дантов* (притяжательное прилагательное) употребляется в тексте эссе практически в 4 раза реже, чем форма *дантовский* (относительное прилагательное), что заставляет исследователя обратить особое внимание на лексемы, которые выступают в роли определяемых слов при ней: *дантовы люди, Дантовы черновики, люди*

дантовой эры, Дантова «Комедия», Дантова палочка. Сочетания *Дантовы люди* и *люди дантовой эры* Мандельштам использует в контексте размышлений об особенностях развития науки, культуры и общества во времена Данте. «Божественную комедию» в «Разговоре» поэт чаще всего называет «Комедией» (второй по частотности вариант наименования – итальянский – «Divina Commedia»), памятуя о том, что эпитет «Божественная» Дантовой комедии в знак восхищения дал Джованни Боккаччо. Мандельштам трижды в тексте пишет определение *Дантов* с прописной буквы, что заставляет читателя дополнительно отрефлексировать семантику лексических единиц, используемых в качестве определяемых слов: *Дантова «Комедия», Дантова палочка, Дантовы черновики.* Черновики, по мнению Мандельштама, очень важны для понимания механизмов и сложности процесса творчества: «сохранность черновика – закон сохранения энергетики произведения» [Мандельштам 1999: 235]. А словосочетание *Дантова палочка* эксплицирует подтекст, связанный с «дирижерской метафорой» - одной из ключевых метафор, используемых Мандельштамом для истолкования смысла «Божественной комедии» и особенностей дантовской поэтики. Поэт называет Данте «величайшим дирижером европейского искусства, опередившим на много столетий формирование оркестра», поскольку, по его мнению, автор «Божественной комедии» организует и приводит в движение смыслы, образы, изобразительно-выразительные средства (все элементы поэтики произведения) и управляет читательским восприятием.

Наиболее информативен с точки зрения выявления мандельштамовских характеристик онима *Данте* (и его носителя) другой тип используемых поэтом в тексте эссе конструкций – контекстные синонимы-заменители имени собственного в тексте, или перифразы (в широком смысле слова, т.е. не только троп, но и любое не прямое, описательное обозначение объекта на основе выделения какого-либо его, признака). Используемые Мандельштамом по отношению к Данте перифразы неодинаковы по объему: они могут состоять из одного слова, а могут представлять собой развернутое описательное словосочетание. Практически все перифрастические конструкции поэт создает с целью напрямую или посредством метафоры истолковать основы творческого метода Данте. В качестве примера наиболее простых и прямых номинаций можно привести следующие: *переписчик, переводчик, антимодернист, автор, бедняк.* Более сложные конструкции характеризуют не только творческий метод, но и особенности социального статуса Данте: «колебатель смысла и нарушитель целостности образа», «внутренний разночинец четырнадцатого века», «сверстник и товарищ Гвидо Кавальканти», «внутренний разночинец старинной римской крови». Здесь, как и в случае с минимальными контекстами онима *Данте* (генитивными и

определительными конструкциями), читатель вновь сталкивается с мандельштамовской апроприацией Данте и дантовских образов: «в «Божественной комедии» *О. М. прозревает свою поэтику, в личности Д. - свое «я» - разночинца и гениального писателя, маргинализованного обществом, а в жестах главного героя поэмы и в его поведении - свои собственные жесты и реакции...*» [Левин 1998: 142].

Перифразы, как известно, могут быть логическими и образными. Первые при этом носят чисто описательный характер и выполняют номинативную, замещающую, уточняющую функцию, т.е. конкретизируют мысль автора и позволяют избежать повтора слов. Вторые – посредством метафоры или метонимии способствуют созданию образа, выполняют характеризующую функцию, выделяют характерный признак, присущий только данному объекту. Мандельштам активно использует в тексте «Разговора» и тот, и другой тип номинации. Примерами логических перифраз, относящихся к ониму *Данте*, могут послужить следующие слова и словосочетания: *автор, сверстник и товарищ Гвидо Кавальканти*. Более виртуозен Мандельштам в изобретении образных перифраз. Они представляют собой наглядную иллюстрацию усвоенных уроков Данте, в основе творческого метода которого, по мнению Мандельштама, лежит метафора. В качестве примера приведем, во-первых, однословные единицы (*антимодернист, переводчик, переписчик, разночинец*). Однако более пристального внимания заслуживают развернутые образные перифразы: в них в полной мере раскрываются не только важные для Мандельштама черты поэтики и личности Данте, но и характерные черты собственного творческого метода поэта: «*орудийный мастер поэзии*», «*стратег превращений и скреживаний, и меньше всего <...> поэт в «общеевропейском» и внешнекультурном значении этого слова*», «*величайший хозяин и распорядитель этой материи, величайший дирижер европейского искусства, опередивший на многие столетия формирование оркестра*», «*самый большой и неоспоримый хозяин обратимой и обращающейся поэтической материи, самый ранний и в то же время самый сильный химический дирижер существующей только в наплывах и волнах, только в подъемах и лавированьях поэтической композиции*», «*свой человек в живописи, приятель Джотто, внимательно следивший за борьбой живописных школ и сменой модных течений*», «*ученик <...> наиболее уклончивого и пластического спорта, известного человечеству с древнейших времен (мореплавание)*». Перифраза, как известно, используется автором с целью охарактеризовать объект, подчеркивая в нем не главный дифференцирующий признак объекта, а тот характерный признак, который важен для говорящего [Грехнева 2001: 160]. Анализ развернутых образных перифраз, используемых Мандельштамом в качестве синонимической замены онима *Данте*, показывает, что автор стремился подчеркнуть широту

кругозора, энциклопедизм флорентийского поэта, доказывая, что в тексте «Комедии» нашел отражение интерес Данте к живописи и музыке, физике и химии, мореплаванию.

Текст эссе «Разговор о Данте» насыщен и другими онимами. Таблица 1, содержащая все ономастические единицы мандельштамовского эссе, показывает, что поэт включает в текст не только имена персонажей поэмы Данте, но и имена реальных исторических лиц, деятелей науки, культуры и искусства настоящего и прошлого. Внушительное количество культурно значимых имен отражает не только широту хронотопа «Комедии» Данте, но и энциклопедизм самого Мандельштама. Важной функцией имен у Мандельштама и Данте является интертекстуальная. М. М. Бахтин назвал хронотоп поэмы Данте «вертикальным» и утверждал, что логика его мира – есть «чистая одновременность всего (или «сосуществование всего в вечности»)» [Бахтин 1975: 192]. Однако Мандельштам отметил это еще раньше в тексте «Разговора»: «*Время для Данта есть содержание истории, понимаемой как единый синхронистический акт*» [Мандельштам 1999: 238]. Нелинейное видение истории Данте было очень близко эстетическим воззрениям модернистов (в особенности для представителей акмеистического направления, ставивших во главу угла идею диалога культур).

Таблица 1. Ономастические единицы в эссе «Разговор о Данте»

Топонимы	<i>Ганг, Нил, Евфрат, Италия, Верона, Апеннины, Арно, Ломбардия, По, Средиземноморье, Флоренция, Падуя, Атлантика, Дунай, Дон, Пиза, Лукка, Гуцант, Брюгге, Альпы, Кьярентане, Брента</i>
Фиктонимы (персонажи «Божественной комедии»)	<i>Аверроес, Аристотель, Цезарь, Демокрит, Брунетто Латини, Фарината, Гвидо Кавальканти, Вергилий, Беатриче, Герион, Леда, Афина Паллада, Зевс, Одиссей, Ильи, Этеокл, Пенелопа, Демосфен, Диомид, Иоанн Богослов, Уголино, Каин, Иуда, Гомер, Гораций, Лукиан, Овидий, Авраам, Давид, Израиль, Исаак, Иаков, Рахиль, Адам, Авель, Ной, Моисей, Марцукко, Пьетро де ла Брочья Птоломей</i>
Антропонимы (реальные исторические лица)	<i>Шопен, Достоевский, Боккачо, Бах, Гюго, Блок, Шпенглер, Вагнер, Леонадро, Леконт де Лиль, Бодлер, Верлен, Артур Рембо, Ломоносов, Колумб, Карл 5, Парацельс, Марина Цветаева, Шекспир, Лев Толстой, Брамс, Фуко, Джордано Бруно, Новалис</i>

Оним *Данте* неоднократно встречается и в поэтических текстах О. Э. Мандельштама. Мандельштамовед П. М. Нерлер (на сегодняшний день являющийся председателем «Мандельштамовского общества») в книге «Согамог. Этюды о Мандельштаме» сообщает, что 1932-1934 гг. прошли у Мандельштама «*под знаком итальянской литературы*» и называет стихотворения этого периода, содержащие прямые и косвенные отсылки к Данте, возникшими как бы «*на полях «Разговора о Данте»*» [Нерлер 2014: 346].

Оним *Данте* в варианте *Дант* встречается в стихотворении 1932 г. «Вы помните, как бегуны...»: «*Но всех других опередит/ Тот самый, тот, который/ Из песни Данта убежит, / Ведя по кругу споры...*» [Мандельштам 1999: 64] (текст связан с образом Брунетто Латини, учителя Данте, осужденного по замыслу автора «Божественной комедии» на вечный бег по кругу). В стихотворении 1937 г. «Заблудился я небе – что делать?..» встречается отыменное прилагательное *Дантов*: «*Заблудился я в небе - что делать?/ Тот, кому оно близко, - ответь!/ Легче было вам, Дантовых девять Атлетических дисков, звенеть?..*» [Мандельштам 1999: 129]. В другом тексте 1937 г. «Слышу, слышу ранний лед...», как и в предыдущих примерах, встречается отсылка к кругам Ада, однако исследуемый оним представлен здесь в варианте *Алигьери*: «*Круг Флоренции своей/ Алигьери пел мощней/ Утомленными губами*» [Мандельштам 1999: 116]. Словарь «Собственное имя в русской поэзии XX века. Словарь личных имен» фиксирует также употребление имени Данте в шуточном стихотворении Мандельштама 1925 г. «Извозчик и Дант» (СИ-XX: 64). В нем возникает снижено-бытовой образ Данте: флорентийский поэт иронически сравнивается с извозчиком.

В результате исследования лингвопсихологического потенциала ономастических средств выразительности в эссе «Разговор о Данте» и их роли в организации художественного мышления автора мы пришли к следующим выводам.

1. Употребление фонетического варианта имени Данте (образованного от традиционной для русской литературы формы «Дант» - с твердым окончанием) подчеркивает принадлежность Мандельштама к акмеистическому направлению и русской поэтической традиции в целом. Кроме того, художественно-эстетические установки Серебряного века позволяют предположить, что, используя конвенциональную для поэтов данной эпохи форму имени Данте, Мандельштам маркирует профессиональное самоопределение – верность поэтическому призванию.

2. Использование онима *Данте* в роли части библионима (в составе словосочетания «разговор о Данте») актуализирует идею культурной синхронии, которая является базовой чертой поэтики Данте и выступает в качестве лейтмотивного компонента творчества самого Мандельштама. «Разговор» с творцом прошлого, по мысли поэта, должен связать в единое целое прошлое (время Данте), настоящее (время Мандельштама) и будущее (время, в котором читатель осуществляет рецепцию данного текста).

3. Апеллятивная лексика, составляющая семантическое окружение онима *Данте*, связана, прежде всего, с темой творчества (творенье, поэзия, образы, метафора, песни, приемы, стихи) и психическими процессами и явлениями (душевные качества, похвала, стимулирующая сила). Такое тематическое

распределение отражает два ключевых вектора, эксплицирующих отношение поэта к Данте: Мандельштам видит в нем не только эталон творца, художника, но и живого человека, личность, наделенную индивидуальными психологическими характеристиками. Важно также отметить желание поэта разглядеть в Данте человека, близкого ему по социальному положению и особенностям психики.

4. Ключевой идеей для Мандельштама, как и для самого Данте, является организация живого диалога культур и времен. Характер функционирования онима *Данте* и его апеллятивного окружения отличается направленностью на оживление образа и Данте и его творчества. Мандельштамовский подход к трактовке Данте является аргументом против «энциклопедического», «архитектурного» восприятия Данте (свойственного символистам и многим их предшественникам-толкователям Данте), с которым Мандельштам активно боролся. И эссе «Разговор о Данте» - есть литературный памятник этой борьбе.

5. Имя Данте для Мандельштама – это имя-идея. Оно является стержневым не только в анализируемом эссе, но и во всем творческом мире поэта в целом. Проведенный анализ показал, что оним *Данте* выполняет в эссе «Разговор о Данте» эмоциональную, эстетическую, интертекстуальную, текстообразующую функции. Кроме того, он играет важную роль в демонстрации авторского метода литературоведческого анализа, характеризует Мандельштама как субъекта теоретико-литературной деятельности.

Источники

СИ-XX – Собственное имя в русской поэзии XX века. Словарь личных имен. – М.: Издательский центр Азбуковник, 2005. – 448 с.

Литература

Алексеев, М. П. Сравнительное литературоведение / М. П. Алексеев; отв. ред. Г. В. Степанов; АН СССР, Отд-ние лит. и яз. – Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1983. – 447 с.

Бахтин, М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. / М. М. Бахтин – М.: «Художественная литература», 1975. – С. 234-407.

Грехнёва, Л. В. Функции перифрастической номинации / Л. В. Грехнёва // Бодуэновские чтения: Бодуэн де Куртене и современная лингвистика: междунар. науч. конф. (Казань, 11–13 дек. 2001г.): труды и материалы: в 2т. / под общ. ред. К. Р. Галиуллина, Г. А. Николаева. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2001. – Т.1. – С. 160–162.

Гумилев, Н. С. Письма о русской поэзии / Н. С. Гумилев. – Петроград: Мысль, 1923. – 224 с.

Ланда, К. С. «Божественная комедия» в зеркалах русских переводов: к истории рецепции дантовского творчества в России / К. С. Ланда. – СПб.: Издательство РХГА, 2020. – 644 с.

Ланда, К. С. Мотив детства в 'Разговоре о Данте' Осипа Мандельштама / К. С. Ланда // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. – 2020. – Т. 21. – Вып. 2. – С. 289-305.

Левин, Ю. И. Заметки к «Разговору о Данте» // Левин Ю. И. Избранные труды. Поэтика. Семиотика. / Ю. И. Левин. – М.: Языки русской культуры, 1998. – С. 142-153.

Мандельштам, О. Э. Собрание сочинений в 4 т. / О. Э. Мандельштам. – М.: «Арт-Бизнес-Центр», 1993–1999. – Т. 3. – 528 с.

Нерлер, П. М. *Con amore*: Этюды о Мандельштаме / П. М. Нерлер. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 856 с.

Панова, Л. Г. Данте Алигьери / Л. Г. Панова // Мандельштамовская энциклопедия. В 2 тт. / Под ред. П. Нерлера, О. Лекманова. – Т. 1. – М.: Политическая энциклопедия, 2017. – С. 213-220.

Рослый, А. С. Данте в эстетике и поэзии акмеизма: система концептов (на материале творчества А. Ахматовой, Н. Гумилева, О. Мандельштама): специальность 10.01.01 «Русская литература»: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Рослый Андрей Сергеевич. – Саратов, 2005. – 210 с.

Супрун, В. И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал: Монография / В. И. Супрун. – Волгоград: ВГПУ «Перемена», 2000. – 171 с.

Губанов С. А.

Поволжский государственный университет
телекоммуникаций и информатики
(г. Самара)

ЭПИТЕТ *ЛИХОЙ* В ПОЭЗИИ М. ЦВЕТАЕВОЙ

Аннотация. Статья посвящена описанию образного моделирования признака *лихой* в поэзии М. Цветаевой. Отмечается роль эпитетной лексики в формировании идиостилевых черт текстов поэта, что выражается в ее многократных высказываниях относительно эпитета и имени прилагательного. На материале эпитетных комплексов с компонентом *лихой* показано развитие дискурсивного значения прилагательного, образующего временное значение качественного ситуативного признака. Данный эпитет представляет собой репрезентацию синкретичности семантики слова, совпадения и противопоставления различных значений в рамках одной лексемы; помимо этого, эпитет метафорически и метонимически описывает реалии действительности, что отражает специфику образного моделирования мира поэтом. Лихость воспринимается М. Цветаевой как выражение безоглядности, безмерности, зла и добра, тьмы и света, диалектики души и мира.

Ключевые слова: эпитет, стилистика, М. Цветаева, эпитетный комплекс, эпитет «лихой».

Эпитетология, долгое время не выделявшаяся в особое направление лингвопоэтики, постепенно накапливала эмпирический материал для дальнейшего его переосмысления [Виноградов 1986; Гальперин 2018; Гращенков, Лютикова 2018]. Оно коснулось самого понятия эпитета, который понимается сейчас в максимально широком смысле как любое признаковое слово, имеющее дополнительные значения, а также его типологии и методов анализа. Одним из ведущих является когнитивно-семантический метод, обращающий внимание на сам процесс эпитетации, наделения признаком объекта.

О. Г. Ревзина при анализе специфики идиолекта М. Цветаевой отмечает его окказиональность, внимание к слову, его звучанию и значению: «окказиональное слово возникает в поэтическом языке М. Цветаевой как единственная возможность выражения нужного ей поэтического смысла, поэтому оно не бывает избыточно, но всегда необходимо» [Ревзина 1998: 23]. Анализ эпитетов, так или иначе предпринимаемый различными цветаеводами в ходе анализа текстов поэта, приводит к мысли об особой роли рефлексии над словом. Например, эпитет *простоволосый*, будучи моносемантическим, приобретает новую коннотацию в выражении *простоволосость сна* – «раскованность, открытость, беззащитность» и визуализирует сон [Ревзина 1998: 9]. Однако от фрагментарных замечаний об эпитетах цветаеведение перешло к системным описаниям системы эпитетов языка поэта. Было установлено, что эпитет в ценностной поэтической картине мира М. Цветаевой представляет собой не просто троп, фигуру речи, но репрезентирует идею слова вообще, единственно точного для обозначения нужного смысла, что пересекается с мыслью О. Г. Ревзиной об окказиональных словах: окказиональность мыслится нормой [Губанов 2023].

Целью данного исследования выступает анализ сочетаемостных свойств эпитета *лихой* в поэзии М. Цветаевой и его роли в образной картине мира поэта.

В качестве материала для анализа избран «Словарь поэтического языка Марины Цветаевой» и «Словарь русского литературного языка».

В словаре русского литературного языка *лихой* имеет две словарные статьи. Первая: *Устар. и прост., народно-поэт.* 'Могущий причинить вред, зло; злой'. Вторая: 1. 'Смелый, храбрый, удалой'. 2. 'Быстрый, стремительный' 3. 'Бойкий, залихватский'. 4. 'Ловкий, искусный' (Словарь русского языка).

На омонимичность лексемы указывает и исследователь языка М. Цветаевой Л. В. Зубова. Она отмечает, что в словарях современного русского языка значения слова *лихой* представлены как омонимы [Зубова 2017]. Противоположные значения, определяющие положительную или отрицательную характеристику человека и его действий, возникли, по видимому, из первоначально неопределенного значения корня *-лих-*,

выражавшего представление об отклонении от нормального количества и тесно связанного с понятиями «чрезмерности, излишества» и «ущербности, недостаточности» [Смирнова 1975: 104].

Эпитет *лихой* в поэтических текстах М. Цветаевой имеет сложную дискурсивную природу, включающую в себя как метафорические, так и метонимические типы переноса. Несмотря на невысокую частотность (в словаре зафиксировано 13 употреблений и 4 слова *лихо*), стоит остановиться на его семантике.

Первое по частотности значение слова *лихой*: 'могущий причинить вред, зло; злой' представлено в поэтических текстах М. Цветаевой 5 употреблениями. Признак распространяется как на лицо (*от лихого человека заклинаю; лях-то – лих!*) до метонимически мотивированных выражений *лихая весть, дела лихие* (Словарь поэтического языка Марины Цветаевой: 462). Злое начало ассоциируется не только с фольклорным стилем употребления слова: замена эпитета злой на эпитет *лихой* свидетельствует о желании поэта усилить эффект, придать особую семантику интенсивности признака.

Второе значение представлено 4 употреблениями: это семантика 'молодецкий, удалой, бойкий' (*лихой стрелок*). Л. В. Зубова верно отмечает, что игра смыслами происходит в рамках одной строки: *Плохой товарищ он был, – лихой // И ласковый был любовник!* (Словарь поэтического языка Марины Цветаевой: 462). Эпитет *плохой* (можно было бы употребить *лихой*, как в первом значении) контрастирует со словом *ласковый* противоположной семантики, делая любовника уже не злым, а наоборот удалым. Особенно это показательно в позиции поэтического переноса, т.е. поэт ставит эпитет в заведомо сильную позицию, чтобы обратить на него особое внимание.

Третье значение эпитета – 'тяжелый, трудный', не представленное в словаре русского литературного языка, однако упоминаемое в словаре поэтического языка М. Цветаевой. Его репрезентируют такие выражения, как *в лихом бою, в лихую годину, от лихой любовной думки* (3 употребления) (Словарь поэтического языка Марины Цветаевой). Обратим внимание на последнее выражение: перед нами вновь метонимическое выражение *лихая думка* (думка лихого человека), перенос с человека на его поведение, мысли. Как нам представляется, концептуализация признака проходит в этом случае два этапа: на первом происходит установление метонимической связи качества характера человека и его проявления в виде думы, мысли в рамках одной ментальной области человека, тогда как на втором этапе происходит метафоризация выражения, оно воспринимается уже в отрыве от субъекта, как будто дума сама имеет качества характера.

Четвертое значение эпитета *лихой* представлено одним употреблением *гусярок лихой* в значении 'ловкий, искусный' (Словарь поэтического языка

Марины Цветаевой). Эпитеты наречного типа лихо неупотребительны и реализуют значение 'ловко, быстро'.

Анализ переносных употреблений эпитета *лихой* в поэтических текстах М. Цветаевой приводит к выводу о том, что поэт придерживается метонимической логики эпитетации объектов средствами данного эпитета, а также умело использует синкретичность и омонимичность семантики прилагательного для подчеркивания различных, порой противоположных сторон объекта. Интенсивность признаковой семантики, заложенная в данном эпитете, оказывается прекрасным средством реализации установки автора на предельность выражения своих чувств и мыслей.

Источники

Словарь поэтического языка Марины Цветаевой / сост. Ю. И. Белякова, И. П. Оловянникова, О. Г. Ревзина: в 4 т. Т. 2. – М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 1998. – 552 с.

Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А. П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. – Т. 2. К–О. – 736 с.

Литература

Виноградов, В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / В. В. Виноградов. – М.: Высшая школа, 1986. – 640 с.

Гальперин, И. Р. Стилистика английского языка / И. Р. Гальперин. – М.: УРСС, 2018. – 336 с.

Гращенко, П. В., Лютикова, Е. А. Прилагательные в типологии и теории языка: семантика, дистрибуция, деривация / П. В. Гращенко, Е. А. Лютикова // Rhema. – 2018. – № 4. – С. 9–33.

Губанов, С. А. Когнитивно-семантическая концепция эпитетного комплекса в творчестве М. И. Цветаевой: специальность 5.9.5. «Русский язык. Языки народов России»: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук / Губанов Сергей Анатольевич. – Ставрополь, 2023. – 49 с.

Зубова, Л. В. Поэтический язык Марины Цветаевой / Л. В. Зубова. – СПб.: «Геликон Плюс», 2017. – 544 с.

Ревзина, О. Г. Окказиональное слово в поэтическом языке / О. Г. Ревзина // Словарь поэтического языка Марины Цветаевой / сост. Ю. И. Белякова, И. П. Оловянникова, О. Г. Ревзина: в 4 т. Т. 2. – М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 1998. – С. 5-40.

Смирнова, О. И. Лихой // Русская речь. – 1975. – № 4. – С. 104-109.

СПЕЦИФИКА МУЗЕЙНОЙ КОММУНИКАЦИИ В АСПЕКТЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КРАЕВЕДЧЕСКИХ МУЗЕЕВ КУЗБАССА

Аннотация. Современный музей – это уже не просто хранилище информации, теперь он стремится воздействовать на чувства и эмоции посетителей. Его главная цель – создание глубокого эмоционального контакта, который пробуждает воображение и ассоциативное мышление. Диалог между музеем и зрителем играет важную роль, превращая последнего из объекта воспитания в активного участника познавательного процесса. Эти изменения отражают новую концепцию культурной образовательной деятельности музеев, ориентированную на развитие творческого потенциала и формирование осознанного отношения к культурному наследию.

Ключевые слова: краеведческий музей, музейная коммуникация, концепция развития.

Начало XXI в. ознаменовалось информационной революцией и бурным процессом глобализации. Использование богатого историко-культурного потенциала позволяет музеям сохранить актуальность в стремительно меняющемся мире и стать источником развития и творческого подхода в будущем.

Роль музеев в малых городах с угасающей экономикой чрезвычайно важна. Музей – при определенных условиях – в состоянии создать позитивный имидж города, подчеркнуть его уникальность, повысить инвестиционную привлекательность, способствовать созданию новых рабочих мест, дать толчок к экономическому возрождению, а также содействовать социальной сплоченности населения. Музей, как социальный институт, пройдя проверку временем, выстояв в сложных условиях экономических перемен, доказал свою общественную значимость. Однако для понимания современной миссии музея сегодня требуется поиск инновационных и технологических подходов к его деятельности, использование новых методов и средств путем научного подхода через широкую информатизацию основных направлений музейной работы [Ансофф 2003: 250].

В развитии музейного дела важную роль играет постоянный мониторинг, анализ целей и задач его работы, их привязка к динамично развивающимся общественным потребностям. Наиболее эффективным инструментом корректировки деятельности музея является научно обоснованная программа развития, оформленная в виде концепции. В последние годы в музейном деле России и зарубежных стран все актуальнее становится постановка проблемы музейного проектирования как эффективного способа реакции на

меняющуюся культурную и социально-экономическую ситуацию. Одним из базовых элементов проектирования музейной деятельности является выработка собственной научной концепции.

Музейная концепция, в которой анализируется творческий потенциал, определяются проблемы, обозначаются цели и задачи, становится базой для перспективной деятельности учреждения. Учитывая современные тенденции развития музейного дела и теории музейного проектирования, Муниципальное бюджетное учреждение культуры «Промышленновский районный историко-краеведческий музей» поселка городского типа Промышленная в конце 2022 г. приступило к разработке научной концепции развития. Концепция включает в себя краткий исторический очерк основных направлений деятельности музея и анализирует некоторые тенденции социально-экономического и историко-культурного развития территории, рассматривая условия, способные обеспечить модернизацию основных направлений работы музея и те задачи, которые стоят перед каждым из этих направлений.

Проектный период концепции составляет 5 лет, что является наиболее оптимальным сроком для среднесрочного (перспективного) планирования. Вместе с тем, многие положения концепции являются установочными и открытыми для последующего дополнения в ходе музейной работы. Таким образом, данная концепция – своего рода научная программа музейной деятельности, необходимая для целенаправленной работы по достижению максимального планируемого результата.

Для Промышленновского районного историко-краеведческого музея научная концепция направлена на сохранение уникальности музея в современном культурном пространстве для обозначение дальнейших приоритетов и перспектив его развития [Абанкина 2007: 50]. Для жителей района залы музея – это не только хранилище уникальных по своей значимости документов и экспонатов, это культурный центр Промышленновского муниципального округа. Основными направлениями музейной деятельности музея в настоящее время являются научно-фондовая, экспозиционно-выставочная и научно-просветительская деятельность.

Важной составляющей всей деятельности музея является научно-исследовательское направление: разработка научных концепций выставок, каталогов фондовых коллекций, инвентаризационных книг, работа с научно-исследовательскими проектами.

Научно-просветительская деятельность Промышленновского районного историко-краеведческого музея направлена на расширение музейной аудитории и разработку новых форм музейной работы, на привлечение

публики к более активному взаимодействию с музеем и строится по следующим основным направлениям:

- экскурсионное и индивидуальное обслуживание посетителей музея;
- гражданско-патриотическое, нравственное, эстетическое и экологическое воспитание населения;
- краеведческая работа;
- работа с детьми и молодежью, пропаганда здорового образа жизни;
- работа с людьми среднего и старшего возраста.

Реализация каждого направления основывается на использовании музейных фондов, материальной и духовной культуре родного края.

Музейные мероприятия – одно из главных видов деятельности музея. Во время их проведения участники знакомятся с подлинными музейными предметами, экспонатами, но в непосредственном контакте чаще всего используются вещи, которые подобраны специально, а также муляжи, новодел-реконструкции, наглядные пособия, макеты, модели и др. Посещаемость музея в год составляет более 40000 человек, из них индивидуальных посещений выставок и экспозиций – 22600, экскурсионных посещений – 9900, массовых мероприятий – 31, культурно-образовательных мероприятий – 251.

Промышленновский районный историко-краеведческий музей является координатором военно-патриотической деятельности, своеобразной связующей нитью между образовательными учреждениями, учреждениями культуры и общественными организациями Промышленновского округа.

В 2020 г. коллектив музея начал работу на портале «МЕСТОПАМЯТИ.РФ», на котором размещены 56 объектов военной истории, находящихся на территории Промышленновского муниципального округа. В настоящее время работа продолжается, ежемесячно на портал выкладывается информация о проведении памятных мероприятий на этих объектах, их благоустройстве (субботники, акции, митинги, уроки мужества).

Сотрудниками музея ведется работа по созданию электронной Книги памяти Промышленновского муниципального округа для увековечения памяти максимального количества участников Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. и установлению их имен и судеб, проведена работа по сбору и обобщению информации по землякам – участникам Великой Отечественной войны в рамках Всекузбасского проекта «Дважды победители».

Важно, что музей не утратил своей функции исследовательского и консультационного центра для тех, кто интересуется прошлым своей семьи, своего рода: за помощью и консультациями такого рода каждый год обращается более 25 человек. Музей является участником Всероссийских и региональных конкурсов: в 2021 г. музей стал победителем первого грантового

конкурса Президентского фонда культурных инициатив с проектом «По следам сибирской росписи», в ходе его реализации сибирской росписи обучилось более 80 детей. Ежегодно сотрудниками музея организовывается более 100 выставок, как из собственных фондов, так и из фондов других музеев.

Музей не может существовать без экспозиций или временных выставок, которые считаются основным звеном музейной коммуникации, поэтому экспозиционная работа является постоянным элементом музейной деятельности. В музее действует 4 постоянные экспозиции: «История района в истории Кузбасса», «Воинская Слава», «Флора и фауна родного края», «Крестьянская изба конца XIX – начала XX в.». Экспозиции постоянно дополняются новыми экспонатами, в основном предметами этнографии и быта. Главными направлениями в создании выставок являются наиболее значимые события в истории страны и района, а также деятельность и творчество самобытных земляков.

В 2022 г. открылся передвижной музейно-выставочный проект «Ближе к звездам». Проект был организован Кузбасским государственным краеведческим музеем и Промышленновским районным историко-краеведческим музеем с целью популяризации достижений отечественной космонавтики и вклада Кузбасса в покорение космоса. На выставке было представлено более 200 «космических» экспонатов из фондов Кузбасского краеведческого музея, раскрывающих историю освоения космического пространства.

В декабре 2022 г. состоялось открытие выставки «Из глубины веков», совместного музейно-выставочного проекта Кузбасского государственного краеведческого музея, музея «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета и Промышленновского районного историко-краеведческого музея. На выставке представлены археологические коллекции разных эпох – от неолита до средневековья, которые найдены на территории Промышленновского муниципального округа в период с середины XX в. до нашего времени.

Научно-фондовая работа осуществляется с целью формирования музейного собрания, обеспечения сохранности, изучения музейных предметов и коллекций и создания условий для их хранения и использования в экспозиционной и исследовательской деятельности. Музейный фонд ежегодно пополняется благодаря передаче в дар предметов от частных лиц, различных организаций. Ежегодно проводится акция «Сохрани историю района – подари музею предмет старины». За годы работы музейный фонд увеличился с 3 тысяч единиц хранения до 13. В состав музейного фонда входят предметы этнографии (образцы домашней утвари, мебель, одежда конца XIX – начала XX вв.), воспоминания, личные документы, материалы заслуженных

работников, фотоматериалы, отражающие исторические события местного и регионального значения. Коллекция нумизматики представлена монетами XVIII-XX вв., нагрудными значками.

Музей принимает активное участие в социальной жизни района: на протяжении многих лет сохраняется сотрудничество со школами и детскими садами района; регулярно школьники посещают музейные выставки, тематические занятия, музыкально-художественные гостиные. Сотрудниками музея проводятся выездные лекции, выставки для учащихся школ и воспитанников детских садов, оказывается методическая и информационная поддержка учителям и учащимся в поиске исторически достоверной информации. Постоянно проводимая сотрудниками музея исследовательская работа и оказываемая методическая помощь лицам, самостоятельно занимающимся поисковой или иной краеведческой работой (поиск пропавших без вести и др.), позволила привлечь в музей индивидуальных посетителей.

С каждым годом все больше приобретают популярность пешеходные экскурсии по поселку, знакомящие с его историей, архитектурой и достопримечательностями, например, цикл экскурсий «Вот эта улица», «Родной посёлок», «Дом, в котором живёт история». Ежегодно в музее проводится более 1000 экскурсий.

Ведется работа по развитию туризма в районе, разрабатываются туристические маршруты, налажена работа с турфирмами «Собус-тур», «АвтобусТур», «Радуга-тур»: среди туристических объектов в Промышленновском муниципальном округе наиболее популярными остаются аграрно-туристический комплекс «Усадьба Лобановых», санаторий «Танай», аэродром «Танай», патриотический музей «Верность». В настоящее время сотрудниками историко-краеведческого музея разработаны новые туристические культурно-познавательные маршруты по наиболее интересным историческим местам: «Музейные тропы», «Тропами родного края», «Моя малая Родина».

Таким образом, коммуникация в музее базируется на коренной перестройке всех сторон его жизни, в превращении его в научно-просветительское учреждение с учетом уже достигнутых показателей. Принятие модернизационной стратегии развития музея в 2023-2028 гг. позволит решить следующие задачи:

- организация активной культурно-просветительной и научной работы;
- расширение культурного досуга горожан за счет привлечения в музей передвижных выставок из других городов;
- изменение принципов работы в области учета, хранения музейного фонда в соответствии с музейными нормативами;

– отказ от идеологической ангажированности в экспозиционно-выставочной и культурно-образовательной деятельности.

Литература

Абанкина, Т. В. Эндаумент – новый канал финансирования культуры / Т. В. Абанкина // Справочник руководителя учреждения культуры. – 2007. – № 4. – С. 47–53.

Ансофф, И. Стратегическое управление / И. Ансофф. – М.: Экономика, 2003. – 684 с.

Калянин Г. О.

Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого
(г. Великий Новгород)

ИЗОБРАЖЕНИЕ ПРАЗДНИКА РАЗВЁРНУТЫМИ МЕТАФОРАМИ В РАССКАЗЕ Е. И. ЗАМЯТИНА «КУНЫ»

Аннотация. В статье представлен анализ развёрнутых метафор в рассказе Е. И. Замятина «Куны», в которых изображено языческое празднование престольного праздника Ильина дня. Такие развёрнутые метафоры используются для описания ритуальных действий. Выявлены особенности значения повторяющихся элементов развёртывания (прежде всего, глагол *звонить*). Определена роль иных тропов в развёртываниях для усиления их образительного эффекта.

Ключевые слова: метафора, развёрнутая метафора, орнаментальная проза, компаративный троп.

Ряд рассказов Евгения Замятина, в которых изображается провинциальная жизнь, относятся к типу орнаментальной прозы. Эта проза характеризуется установкой на различные повторы, эмотивность и повышенную метафоричность [Кожевникова: 58]. Перечисленные черты могут проявляться как на протяжении всего текста, так и локально.

Одним из важнейших тропов в рассказах, как и во всем творчестве Замятина, является развёрнутая метафора. Под развёрнутой метафорой мы понимаем многофокусное метафорическое высказывание, в котором план выражения представлен группой ассоциативно связанных единиц.

Фокус метафоры – слово с непосредственно метафорическим значением в пределах рамки, т.е. контекста метафоры. Метафора – употребление имени одного предмета для называния другого, основанное на сходстве этих предметов по определённому признаку [Блэк: 156].

В ряде рассказов Замятин изображает жизнь в уездных городах и селах во время или накануне различных праздников, например: в «Рассказе о самом

главном» – Духов день (51-й день после Пасхи) в «Кряжах» – Петров день (12 июля).

В рассказе «Куны» описывается празднование престольного праздника Ильина дня (пророка Илии 2 августа) в старинном селе Куймань и ярмарка.

В рассказе изображается двойное празднование Ильина дня: православное и языческое. Православный праздник – день памяти пророка Илии.

Куна (куны) – многозначное слово.

В «Словаре русских народных говоров» 6 значений: куница, девушка, соболь, молодежная игра с танцами и песнями, во время которой юноша выбирает себе невесту, а также пригоршня, кузница (СРНГ, 16: 89).

В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля также зафиксировано несколько значений слова куна. В Рязанской и Тамбовской губерниях куна – пригоршня, кунканочка, горсть, горсточка, оковы, железная цепь, железный ошейник, куница, денежный знак (куна или кунья мордка), плата за невесту, выходящую в чужую вотчину (Даль 2: 197).

В рассказе Замятин использует слово *куны* в значении «молодежная игра с танцами и песнями, во время которой юноша выбирает себе невесту», кунканочка.

Различны и способы изображения православного и языческого праздников в рассказе. Православный праздник (литургия) изображен метонимически в самом начале в двух абзацах:

А на другое дивуются девки – на Марьку. Запевала, певунья наша, что с ней случилось! Первая затейница да задорница, и в церкви-то, бывало, на нее угомона нет, а нынче стоит, не шелохнется, у Спасова образа, глаз не сводит. На белом плате – Нерукотворный Лик, светлокудрый, глаза не поднятые. И молится Ему с жаркой любовью и с ненавистью. И это Его голос из алтаря, повелевающий всем преклонить голову, – и так радостно преклонить перед Ним голову. И это Он в золотых ризах с крестом на амвоне...

Целует Марька холодную медь креста, потом – руку. И такие у ней губы – жадные, сухие, раскрытые, как трещина в бездорожной земле. Рука отдергивается, с дерзкой надеждой Марька поднимает глаза вверх. Но там все тот же на белом плате Нерукотворный Лик (Замятин: 667).

Помимо самой литургии, которая описывается упоминанием религиозных атрибутов и ритуалов, в данном фрагменте с помощью оксюморона изображаются чувства Марьки: *молится с жаркой любовью и с ненавистью*. Это описание мотивирует последующий параллелизм, который подготавливает описание языческого празднества: *молится Ему с жаркой любовью и с ненавистью и кому-то в ответ хочется сделать злое и сладкое*.

Изображение завершается лаконичной фразой в отдельной строке: *И вот кончилось, хлынули.*

Далее в тексте напоминание о христианском празднике эксплицировано метонимией – *звонит колокол* – трижды повторяемой в разных контекстах. Об особенностях этих повторов мы скажем ниже.

Изображение языческого празднования – ильинских кун – занимает большую часть рассказа и представлено развернутыми метафорами и иными выразительными средствами.

Рассмотрим примеры.

(1) ***Звонит весёлый колокол. Звонит солнце. Растормошили, отступило что-то назад, проснулась Марька. Кому-то в ответ хочется сделать злое и сладкое, подмигнула плечами и пошла, припечатывая каблуками. Через два шага в третий: эх-эх да эх.***

– Постой, постой, на паперти, что ты!

Куда там... за ней – заметелились – подняли кулеберду по всему по селу, докатились вихрем до самой ярмарки. Солнце между скученных оглобель лошади с вымоченными квасом и расчесанными гривами, и нечесаные, как лешие, цыгане около них; берестяные коробки, глиняные свистульки, маковники, неистовые поросята в торбах, бабы – беременные с ребятами на руках (Замятин: 667).

В начале данного фрагмента изображается перемена в поведении Марьки. В церкви она молилась с жаркой любовью и ненавистью, что удивляло остальных присутствующих на службе, поскольку обычно Марька – *первая затейница да задорница, и в церкви-то, бывало, на неё угомона нет.* Возвращение Марьки к «обычному» состоянию изображается чередой метафор: *отступило что-то назад*, стёртой метафорой *проснулась* (Проснуться – 3. стать активным, прийти в движение (СУ 3: 502)) и метафорой *подмигнула плечами* (Подмигнуть – Мигнуть, одобряя или делая намек на что-н. или предупреждая о чем-н. (СУ 3: 203))

Затем с помощью метаморфозы докатились *вихрем* и диалектного глагола *заметелились* описывается хаотичность движения толпы.

Заканчивается данный фрагмент аккумуляцией (множественным перечислением элементов, часто разнородных): *берестяные коробки, глиняные свистульки, маковники...*, изображающей шумную сельскую ярмарку.

(2) ***Звонит колокол, звонит солнце. Но всё где-то далеко, во сне: церковь, ярмарка, Куймань, гомон, пыль, расписные дуги, синие цыганские жупаны, топот, свист. А жизнь, неспешная, древняя, мерным круговоротом колдующая, как солнце, – здесь на выгоне.***

По-над озером, в сторонке, водят свой хоровод девушки-вековуши, все в темных платочках – так уж заведено. Тихонько поют, медленно кружатся в

сторонке – тут, под солнцем, такие какие-то слепые, ненужные, умершие. Но так уж заведено. Им свой положен удел – вечным девушкам.

Отпелись вековушки, погасли (Замятин: 667 – 668).

Данный фрагмент развёртывания метафоры начинается повтором *звонит колокол, звонит солнце*, который используется в рассказе ещё два раза: *звонит весёлый колокол, звонит солнце* и *звонит где-то далеко колокол, звонит солнце*.

Использование глагола *звонит* в прямом значении (в варьируемом контексте: *звонит весёлый колокол, звонит колокол, звонит где-то далеко колокол* и глагола *звонит* в метафорическом значении в неизменяемом контексте (трижды – только *звонит солнце*) является способом изображения одновременно и христианского праздника, и языческого празднования на кунном выгоне (*звонит солнце*); напоминанием о своеобразном сосуществовании в сознании русского человека христианской веры и элементов языческого верования.

Интересно варьирование контекста употребления глагола *звонит* в прямом значении. Изменение контекста имплицитно изменяет состояние Марьки и других людей, отправившихся из церкви на выгон (Выгон – диалектное – 5. Площадь посредине села, обычно около церкви или школы, куда выпускают скот. Эта же площадь служит местом для ярмарок, праздничных игр деревенской молодёжи (СРНГ, 5: 267).) Первое употребление глагола – в контексте *звонит весёлый колокол*. Ощущение праздника, литургических переживаний изображены эпитетом: *звонит весёлый колокол*.

Второе употребление глагола. Впечатления от церковной службы и шумной многолюдной ярмарки отступают, становятся не столь реальными (как во сне) – это изменение изображается во втором фрагменте нейтральным упоминанием *звонит колокол* и метафорой: *Но всё где-то далеко, во сне*. Здесь метафора *во сне*, выступает уточняющим обстоятельством по отношению к *где-то далеко* и активизирует метафорическое значение (призрачно, нереально). Христианский праздник, ярмарочная суета и все село Куймань становятся менее реальными для тех, кто пришел на ильинский выгон.

Кроме того, аккумуляция (*церковь, ярмарка, Куймань, гомон, пыль, расписные дуги, синие цыганские жупаны, топот, свист*) отсылает к подобному описанию в предыдущем фрагменте – картине масштабного шумного праздника.

Во втором фрагменте двумя метафорами *все где-то далеко, во сне и жизнь, неспешная, древняя, мерным круговоротом колдующая, как солнце*, создается антитеза: христианский праздник, ярмарка – становятся призрачными, а языческое празднование на выгоне – жизнь неспешная, древняя. Антитезой изображается изменение чувств Марьки и других людей, иное эмоциональное восприятие праздников (христианского и языческого). В этом фрагменте, на

фоне этого противопоставления повтор *звонит колокол, звонит солнце* становится антитезой.

Вторая развернутая метафора представлена инвертированными конструкциями: *жизнь, неспешная, древняя, мерным круговоротом колдующая* и конкретизируется сравнением *как солнце*.

В рассматриваемом фрагменте есть еще одно метафорическое изображение девушек-вековушек (Вековуха, вековуша и вековушка, вековухи, ж. (обл.). Старая дева (СУ, 1: 159)):

...Тихонько поют, медленно кружатся в сторонке – тут, под солнцем, такие какие-то слепые, ненужные, умершие. Но так уж заведено. Им свой положен удел – вечным девушкам. Отпелись вековушки, погасли.

С помощью описания ритуальных действий (*тихонько поют и медленно кружатся*), девушки-вековушки изображаются как обессиленные. Интересна последовательность из трёх эпитетов *слепые, ненужные, умершие*. Эпитет *слепые*, возможно, отсылает к характерному цвету помутневшего хрусталика и подготавливает, таким образом, метафору *погасли*. Эпитет *ненужные* подготовлен указанием на местоположение вековушек – *в сторонке*, то есть поодаль от всех остальных, от основного праздника. Наконец, метафорический эпитет *умершие* является гиперболой, которая усиливает значение ненужности и, возможно, незаметности. Интересен глагол *отпелись*. В данном контексте он может обозначать конец пения вековушек, либо, в связи с эпитетом *умершие* и описанием медленных ритуальных действий, может отсылать к церковному ритуалу отпевания, в таком случае, вековушки совершили над собой обряд отпевания.

(3) *Медленно, ещё раздуманные, вышли на выгон молодые девки и немужние жены – солдатки, все в красных платках, такой уж обычай. Схватились крепким кругом – крепким частоколом оборонились от желанных врагов, от погубителей милых.*

Посредине кунного города – ходит гордая царевна Марька: куны налево, Марька направо. Поет царевна звонкую насмешливую песню, закидывает хитрые сети (Замятин: 668).

Описательная конструкция *крепкий круг* подготавливает развёртывание метафоры «хоровод-крепость», которая затем создаётся с помощью элементов метафоры *крепким частоколом, посредине кунного города*, которые отсылают к оборонительным сооружениям крепостей дохристианских времён. Эти метафоры мотивируют два оксюморона *желанные враги* и *погубители милые*, которые, возможно, использованы для изображения народного представления об обряде (враги и погубители) и отношения участниц хоровода к этим врагам (желанные и милые).

В следующих двух фрагментах развернутыми метафорами изображено движение и состояние людей в хороводе. Это кульминация праздника и его завершение:

(4) **Все быстрее кружится солнце, травы и деревья расплываются в жарком дурмане, мелькают по зелени пестрые платья, почти бежит кунный круг** (Замятин: 668).

Ускоряющееся движение людей в хороводе описано метафорами *кружится солнце, травы и деревья расплываются...*, которые дублируются метонимиями: *мелькают ...платья, почти бежит кунный круг*.

(5) **Звонит где-то далеко колокол, звонит солнце, кружится голова, поредел кунный круг, пыльно-зеленые сосны сейчас сорвутся с места и ринутся на горячую траву** (Замятин: 669).

В этом фрагменте состояние людей названо прямо *кружится голова*, метонимически изображено следствие этого состояния *поредел кунный круг*. Обессиленные от быстрого движения люди, закружившиеся, готовые упасть изображены одновременно и метафорой, и метонимией: *пыльно-зеленые сосны сейчас сорвутся с места и ринутся на горячую траву* (метафора: *сосны* (люди) *упадут на траву*, метонимия: *сосны падают на траву*, порожденные измененным состоянием сознания).

В этом фрагменте – третье использование глагола *звонить* в прямом значении. Контекст *звонит где-то далеко колокол* отсылает к фрагменту (2): *но всё где-то далеко, во сне* в результате активизирует метафорическое значение – *призрачный, нереальный, кажущийся*.

Одновременно контекст *где-то далеко* имплицитно изображает еще более изменившееся состояние людей, впечатления от кружения в кунном круге вытеснили все остальные (впечатления церковного праздника и шумной ярмарки).

(6) **Угарный жаркий день к концу. Тянутся обратно телеги, задешево продают купцы последние платки, коробушки и пряники-козули. Уж на задах где-то, за огородами, курлыкают и бормочут пьяные дяди – никак не найдут избы. Запыленное, разомлевшее солнце качается на самом краю синей чаши и устало смотрит налитым кровью глазом. Дергачи перебегают в душной траве и просят пить, пить** (Замятин: 669).

Здесь описывается конец праздничного дня и ярмарочных гуляний в селе, усталые *купцы, пьяные дяди*.

Состояние усталости изображено метонимией: *Тянутся обратно телеги* с глаголом движения *тянутся* в значении ‘тащиться, волочиться’.

Состояние *пьяные* названо прямо *пьяные дяди* и опосредованно – плеонастичными глаголами: *курлыкают и бормочут пьяные дяди* (Курлыкать 4. Говорить неясно, неразборчиво (СРНГ, 16: 132), бормотать – Говорить

негромко и неясно. Невразумительно, невнятно произносить (разг.) (СУ, 1: 126)).

В конце фрагмента представлено метафорическое описание солнца как уставшего, пьяного человека. На это указывают, прежде всего, эпитеты *запылённое* и *разомлевшее*, а также элементы метафоры *качается* и *устало смотрит налитым кровью глазом*. Последний элемент (*налитый кровью глаз*) не только отсылает к цвету заходящего солнца, но и к цвету глаз пьяного.

Кроме того, эпитеты *угарный* (перен. Безудержный по проявлению чего-нибудь. Угарное веселье (СУ, 4: 438)) и *жаркий* (1. знойный, горячий (СОШ)), кроме температурных характеристик дня перспективно (в контексте всего фрагмента и метафоры *качается* и *устало смотрит налитым кровью глазом*), характеризуют и состояние людей: жаркий (2. пылкий, страстный, напряженный (СОШ)).

Таким образом в этом фрагменте эпитетами *угарный жаркий*, *разомлевшее*, развернутой метафорой *Запылённое, разомлевшее солнце качается на самом краю синей чаши* и *устало смотрит налитым кровью глазом* и даже омонимичным звукоподражанием (имитацией звуков птицы) *пить, пить*, буквализированным метафорой *просят*, изображается не только завершающийся праздничный день, но и состояние людей в конце праздничного дня.

Итак, большая часть рассказа занята описанием двоякого празднования Ильина дня в селе Куймань – церковного и языческого. Литургия изображена с помощью метонимии в начале текста. В этом же фрагменте представлено описание участвующего в религиозном ритуале главного персонажа рассказа. Языческое празднование изображается преимущественно с помощью развёрнутых метафор, в которых помимо самих языческих ритуалов представлены метафорические описания их участников и эмоций упомянутого ранее главного персонажа. Описания этих эмоций в начале текста и в его основной части составляют антитезу, которая усиливает противопоставление народного и церковного праздников. Во фрагментах развёртывания метафоры обнаруживаются общие элементы.

Источники

Даль – Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 ч. / В. И. Даль. – М.: Изд. общества любителей Российской словесности, 1863.

Замятин – Замятин, Е. И. Полное собрание сочинений в одном томе / Е. И. Замятин. – М.: Альфа-книга, 2017. – 1258 с.

СОШ – Ожегов, С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М.: ОГИЗ, 1949. – 939 с.

СРНГ – Словарь русских народных говоров. В 53 выпусках. – Выпуск 5. Военство – Выростковский / главный редактор Ф.П. Филин – Л.: Наука, 1970. – 342 с. – Выпуск 16. Куделя – Лесной / главный редактор Ф.П. Филин. – Л.: Наука, 1980. – 376 с.

СУ – Толковый словарь русского языка: в 4 томах / Д. Н. Ушаков. – М.: Советская энциклопедия: ОГИЗ, 1935 – 1940.

Литература

Блэк, М. Метафора / М. Блэк // Теория метафоры: сборник. – М.: Прогресс, 1990. – С. 153–172.

Кожевникова, Н. А. Из наблюдений над неклассической («орнаментальной») прозой / Н. А. Кожевникова // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. – 1976. – №35 (1). – С. 55 – 66.

Коротун В. Л.

Московский авиационный институт
(национальный исследовательский университет)
(г. Москва)

К ПРОБЛЕМЕ ЭВОЛЮЦИИ ПИСЬМЕННОГО НАУЧНОГО ТЕКСТА ХИМИЧЕСКОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ (XX-XXI вв.): РОЛЬ СЛОЖНОПОДЧИНЕННОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Аннотация. На материале текстов произведений, описывающих химические процессы, анализируются сложноподчиненные предложения с различным сочетанием компонентов. В работе подчеркивается необходимость исследования научного текста указанной направленности в связи активным развитием химии. Для проведения исследования были выбраны научные работы академиков, ведущих ученых-химиков. В качестве наиболее продуктивных конструкций теоретической части научного текста выделяются СПП с изъяснительными, определительными, условными придаточными и многокомпонентные СПП.

Ключевые слова: научный текст, сложноподчинённое предложение, главная часть, союз.

Письменный научный текст имеет важное значение для представления результатов исследования, проводимых в различных областях науки, в учебно-научной литературе и академических работах, таких как: монографии, научные статьи, материалы научных конференций. Исследованием научного текста занимались Е. А. Баженова, А. Н. Васильева, Н. С. Ганцовская, М. Н. Кожина. Большое внимание учеными уделяется исследованию научных произведений математического цикла как дисциплин, имеющих богатую историю развития и являющихся инструментом для решения многих задач современных научных

областей. Значительный вклад в лингвистическое исследование произведений математического цикла внесли Е. Б. Волкова, Н. С. Ганцовская. Исследованиям текстов естественнонаучной проблематики посвящены работы Н. П. Галкиной, А. В. Сахаровой. Исследование сложноподчинённых предложений представлено в работах В. А. Белошапковой, Л. Д. Беднарской, И. А. Василенко. Сложноподчинённые предложения (СПП) играют ключевую роль в построении логически последовательного и аргументированного научного дискурса, обеспечивая выражение причинно-следственных, условных и других связей, необходимых для точной передачи научных мыслей и выводов.

Интерес к синтаксическим конструкциям научного текста химической проблематики обусловлен недостаточной изученностью его особенностей в связи с появлением большого количества научных работ, появившихся при активном развитии химии в XX-XXI вв., с выделением таких научных дисциплин, как неорганическая химия, органическая химия, физическая химия, коллоидная химия, космическая химия, фармацевтическая химия и др. И в связи с большой вовлеченностью ученых в изучение всех областей химии.

Материалом данного исследования послужили научные труды ведущих ученых-химиков академиков: А. П. Арзамасцева, М. И. Дёгтева, В. К. Иванова, А. Н. Несмеянова и учебная литература в области различных направлений химии. Всего в рамках данного исследования было рассмотрено 500 СПП. Научный текст, передающий результаты исследования в области химии, как правило, состоит из двух частей: описание теоретических положений и описание экспериментальной части исследования. В текстах, описывающих теоретическое обоснование и текстах, описывающих экспериментальную часть, исследования, авторами используются разные синтаксические структуры. Наибольшим разнообразием СПП характеризуется теоретическая часть научного текста, что объясняется увеличившимся объемом этой части, по сравнению с текстами предыдущего периода, и необходимостью изложения мыслей с учетом причинно-следственных связей.

При рассмотрении СПП с изъяснительным придаточным предложением, следует отметить, что смысловое ядро предложения, как правило, сосредотачивается в придаточной изъяснительной части, а главная часть приобретает служебный, вводный характер [Волкова 2022: 129]:

– в тексте по органической химии

*Необходимо заметить, **что** очень часто отклонение от указанных условий приводит к иному типу соли* (Несмеянов: 10);

– в тексте по неорганической химии

*Известно, **что** гидрофосфат кальция (брушит) теряет воду при нагревании до 100°C* (Скогарева: 7);

– в тексте по аналитической химии

Показано, **что** для многих ионов металлов механизм их извлечения в расплав оксина такой же как и в случае экстракции растворами реагента в органический растворитель (Дёгтев: 14);

– в тексте по фармацевтической химии

Последнее означает, **что** одному значению показателя преломления могут соответствовать две различные концентрации раствора (Аксёнова: 9).

В рассмотренных СПП высокую продуктивность показали предложения с присубстантивно-атрибутивными придаточными:

Атомы (молекулы) могут соединяться с образованием аморфной объемной фазы, **которая** затем трансформируется в кристаллическую объемную фазу (Иванов: 1219);

В данной работе в присутствии глутаминовой кислоты получены гидроксипатит и гидрофосфат кальция, а также их пероксопроизводные, **которые** служили прекурсорами для получения микро и нанодисперсных материалов (Скогарева: 4).

В некоторых случаях присубстантивно-атрибутивные придаточные присоединяются союзами **что, где, когда**:

Метод Петерса имеет то преимущество, **что** он приложим и к производным с сильно отрицательными заместителями (Несмеянов: 10);

ГДАМ, в отличие от БДАМ, обладает большой экстракционной способностью по той причине, **что** его соль ГД·2HCl не выпадает в осадок (Дёгтев: 114);

В отличие от клеток, **где** инактивирование окислителя с помощью антиоксидантов естественного или искусственного происхождения жизненно необходимо, в биокомпозиатах желательное присутствие в малых концентрациях активного кислорода, обладающего бактерицидными свойствами (Скогарева: 3).

Количественное определение лекарственных веществ в спиртовых растворах целесообразно проводить методом рефрактометрии в тех случаях, **когда** титриметрический анализ осуществить затруднительно (Аксёнова: 32).

В отношении выбора союза для присоединения присубстантивно-атрибутивного предложения Н. Д. Беднарская подчеркивает, что структурная роль опорного слова в главных предложениях таких СПП часто является более важной, чем наличие подчинительного союза, не являющегося семантическим, повторяющегося в разных видах СПП [Беднарская: 29].

Кроме того, авторы научного текста часто используют СПП с двумя придаточными предложениями: изъяснительным и присубстантивно-атрибутивным:

Многочисленные исследования композитов на основе гидроксиапатита показали, **что** отклик материала на взаимодействие с костной тканью происходит только при наличии в составе биodeградируемой фазы, **которой** обычно служат трикальцийфосфат, фосфатные стекла или карбонатсодержащий гидроксиапатит (Скогарева: 3);

Стоит отметить, **что** через 48 ч соинкубации и небольшие концентрации наночастиц (0.6 и 2.5 мг/мл) демонстрируют токсический эффект, **который** проявляется в статистически достоверном увеличении числа мертвых клеток (Колманович: 262).

Отмечены примеры многокомпонентных СПП, где главное предложение редуцируется, а основная смысловая нагрузка ложится на придаточное изъяснительное предложение:

Стоит отметить, **что** после 24 ч инкубации клеток с нанокомпозитом происходит дозозависимый рост числа мертвых клеток (рис. 2в), **однако** достоверное различие с контрольной группой имеется только для максимальной концентрации 5 мг/мл (Колманович: 261).

Исследования показали, **что** расслаивающиеся системы с участием ДАМ или его алкильных гомологов и 3,4-диоксибензойной или метааминобензойной кислоты неэффективны, **так как** происходит выделение соответствующих солей в осадок, **которые** не растворяются в воде, органических растворителях, а также в растворах кислот и щелочей (Дёгтев: 69).

По мнению Н.П. Галкиной, условные высказывания играют особую роль в научных рассуждениях, обеспечивая как выражение гипотезы, так и выражение логичности [Галкина: 64]. В отношении условных придаточных предложений следует отметить, что в положении препозиции за ними обычно следует главная часть с придаточной присубстантивно-атрибутивной частью, присоединяемой, преимущественно, союзом **который**.

Если для одного из веществ, входящих в раствор, фактор показателя преломления неизвестен или незначительная его концентрация не позволяет получить точных данных, **то** готовят контрольный раствор, содержащий это вещество в той концентрации, **которая** была определена титриметрическим методом (Аксёнова: 21).

Постпозитивное условное придаточное предложение имеет дополнительно-ограничительное значение:

Очень вероятно, **что** указанные мной выходы могут быть повышены, **если** ближе изучить наиболее благоприятные для реакции условия (Несмеянов: 9).

Проведенное исследование показало, что в научном тексте XX-XXI вв. посвященном химическим исследованиям значительно увеличилась доля теоретической части. В научных текстах химической проблематики значительно преобладают СПП с придаточными определительными,

изъяснительными и обстоятельственными условия, а также многокомпонентные СПП, что отражает сложность и детализацию излагаемой информации.

Изучение структуры и функционирования СПП позволяет выявить специфику научного стиля, повысить качество научных текстов и улучшить их восприятие.

Источники

Аксёнова, Э. Н. и др. Фармацевтическая химия: учеб. пособие для студентов мед. вузов, обучающихся по специальности 040500 - Фармация под ред. А. П. Арзамасцева. – Изд. 3-е, испр. – М.: ГЭОТАР-Медиа, 2006. – 635 с.

Дёгтев, М. И. и др. Водные расслаивающиеся системы на основе антипирина, его производных и органических кислот для экстракции катионов металлов / М. И. Дёгтев, В. Н. Стрельников, А. А. Юминова. – Екатеринбург: УрО РАН, 2022. – 224 с.

Иванов, В. К. и др. Ориентированное сращивание частиц: 100 лет исследований неклассического механизма роста кристаллов / В. К. Иванов, П. П. Федоров, А. Е. Баранчиков, В. В. Осико // Успехи химии. – 2014. – Т. 83. – № 12. – С. 1204-1222.

Колманович, Д. Д. и др. Физико-химические свойства и биосовместимость нового МРТ контрастирующего агента на основе нанокристаллического диоксида церия, допированного гадолинием. // Ядерная физика и инжиниринг. – 2025. – 16(2) – С. 259-264. – DOI 10.56304/S2079562924050245.

Несмеянов, А. Н. Избранные труды. – Т. I. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1959. – 712 с.

Скогарева, Л. С., Иванов, В. К. Влияние глутаминовой кислоты и пероксида водорода на морфологию гидроксипатита, гидрофосфата и пирофосфата кальция / Л. С. Скогарева, В. К. Иванов, А. Е. Баранчиков [и др.] // Журнал неорганической химии. – 2015. – Т. 60. – № 1. – С. 3-10. – DOI 10.7868/S0044457X15010183.

Литература

Беднарская, Л. Д. Закономерности грамматического членения многокомпонентных сложных предложений. / Л. Д. Беднарская. – Орёл: ГОУ ВПО «ОГУ», 2010. – 154 с.

Волкова, Е. Б., Коротун, В. Л. Трёхкомпонентные сложноподчинённые предложения с неоднородным соподчинением в научном стиле русского языка (на материале текстов математических произведений) / Е. Б. Волкова, В. Л. Коротун // Вестник Костромского государственного университета. – 2022. – Т. 28. – № 1. – С. 129-133.

Галкина, Н. П. Сложноподчинённые предложения со значением обусловленности в научном стиле современного русского языка (на материале произведений естественнонаучного цикла): специальность 10.02.01 «Русский язык»: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Галкина Наталия Павловна. – Орёл, 2014. – 225 с.

РЕГИОНАЛЬНЫЙ СВЕРХТЕКСТ В ШКОЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ НА ПРИМЕРЕ СЕВЕРНОГО И ЮЖНОГО ТЕКСТОВ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Аннотация. статья посвящена проблеме изучения регионального сверхтекста в рамках школьной программы. В работе анализируется список рекомендованной к изучению литературы с первого по одиннадцатый класс на предмет Северного и Южного текста русской литературы. В результате исследования был сделан вывод о неравномерном распределении произведений, входящих в региональный сверхтекст. Исследование также подчеркивает важность изучения региональных сверхтекстов для формирования у учащихся целостного представления о культурном многообразии России. В заключение предлагается акцентировать региональные особенности при изучении произведений для углубленного понимания национальной картины мира.

Ключевые слова: региональный сверхтекст, Северный текст, Южный текст, школьная литература.

В настоящее время в начальном, основном и среднем общем образовании изучение регионального сверхтекста как ценного источника знаний о национальной картине мира русского народа от Белого до Черного моря ограничено. Субъекты Российской Федерации имеют возможность внедрять в школьную программу региона произведения авторов-уроженцев края, однако в общей рекомендованной Федеральной рабочей программе количество региональных текстов несбалансировано.

Тем не менее изучение литературы различных регионов способствует интеллектуальному развитию личности обучающегося. Анализ произведений регионального сверхтекста на уроках литературы отвечает всем целям уроков современных ФГОС: предметным, метапредметным и личностным. К предметным целям относится ознакомление с биографией писателя или поэта, понимание принципов жанра и рода произведения, изучение изобразительно-выразительных средств, проблематики и образности произведения. К метапредметным целям относится раскрытие национального характера русского народа через образы героев произведения, изучение психологии личности на примере литературных персонажей, а также познание духовного мира человека, поиск ответов на философские вопросы. Личностные цели урока направлены на развитие душевной и духовной культуры ученика, его эмоционального интеллекта, эстетических представлений о мире и расширение читательского кругозора. Таким образом, изучение произведений регионального сверхтекста с акцентом на местных особенностях может помочь обучающимся составить богатое представление о своей Родине и ее народе,

узнать об уникальных чертах быта и ментальности жителей разных уголков страны.

Прежде чем перейти к рассмотрению локальных сверхтекстов непосредственно в рамках школьной программы, следует обратиться к истории и теории этого вопроса. Начало изучения локальных сверхтекстов восходит к работам В. Н. Топорова и других ученых тартуско-московской семиотической школы. Сверхтекст по Топорову – это семиотически и культурно обусловленный конструкт, объединяющий разнородные художественные тексты (кросс-жанровые, кросс-темпоральные и кросс-персональные) в целостное единство через общий топос (пространственно-культурный центр) и «высшие смыслы», передающие его метафизическую сущность. Сверхтекст обладает рядом ключевых характеристик, которые определяют его специфику и отличают от простой совокупности текстов. Прежде всего, для сверхтекста характерна целостность: все входящие в него тексты объединены системой общих тем, мотивов и образов, создающих единое смысловое поле. Важнейшей особенностью является мифологизация локуса: город или же местность предстает не просто как географическая точка на карте, но как сакральное пространство, наделенное особым символическим значением. Кроме того, сверхтекст отличается высокой степенью символической насыщенности: он включает устойчивые, повторяющиеся символы и архетипы, которые становятся его узнаваемыми маркерами. Эти характеристики в совокупности формируют уникальную природу сверхтекста как культурного феномена.

Обращаясь к Северному тексту, следует рассмотреть две концепции его толкования.

Е. Ш. Галимова разделяет два взаимосвязанных понятия: «литературу Русского Севера» (локальные произведения, созданные северными авторами или посвященные северной тематике) и «Северный текст» (сверхтекст, обладающий целостностью и глубинной символикой). Эти категории дополняют друг друга, формируя единую систему.

Н. М. Терехин понимает под Северным текстом не только литературные произведения, но и всю совокупность культурных, духовных и семиотических явлений, связанных с Севером. В его трактовке это мифопоэтическое пространство, воплощенное в устных преданиях, материальной культуре, обрядах и мировоззрении северных народов.

Русский Север – это огромный регион, раскинувшийся от волжско-двинского водораздела до холодных берегов Северного Ледовитого океана, а также от границ Финляндии до Уральских гор. Это место, где природа и культура переплетаются, создавая уникальную историко-культурную зону.

В литературе этот край находит отражение через повторяющиеся образы и мотивы, многие из которых уходят корнями в древние мифы. Пространство и время в произведениях о Русском Севере часто организованы особым образом, что создает ощущение единства и цельности. Авторы, обращаясь к этой теме, передают схожее восприятие Севера – сурового, загадочного и вечного.

В данной работе представлена выборка писателей и поэтов из школьной программы по месту рождения и по тематике произведений. К авторам, писавшим о Севере, можно отнести М. В. Ломоносова, П. П. Ершова, И. С. Шмелева, М. М. Пришвина, П. П. Бажова, А. А. Блока, А. А. Прокофьева, Ф. П. Савинова, Ю. П. Казакова, Н. М. Рубцова, А. А. Лиханова.

Анализируя Федеральную рабочую программу и рекомендованную для изучения литературу, были сделаны следующие выводы: в литературе начальных классов наибольшее количество писателей и поэтов, писавших о Севере, однако не найдено ни одного произведения, в котором бы описывалась или упоминалась северная местность. Для чтения рекомендованы следующие рассказы М. М. Пришвина: «Еж» (1 класс), «Осеннее утро» (2 класс), «Ребята и утята» (2 класс), «Моя Родина» (3 класс), «Выскачка» (4 класс). Однако в этих рассказах отсутствует эксплицитное и имплицитное упоминание Севера. Описываемая природа характеризует природу России в общих чертах, без черт конкретной местности. Особенности северной культуры также отсутствуют. Также в списке числятся следующие произведения: стихотворения Ф. П. Савинова «Родина» (2 класс), А.А. Прокофьева «Родина» (2 класс), сказ П.П. Бажова «Серебряное копытце» (4 класс), сказка в стихах П. П. Ершова «Конек-горбунок» (4 класс).

Из всех произведений, изучаемых в начальной школе, Север фигурирует лишь в одной. В «Серебряном копытце» П. П. Бажова встречается упоминание деревни Полдней на Урале: «Ныне в Полдневской стороне много козлов пасется» [Бажов 1986: 298]. Также в тексте описывается зимний уральский лес, символизирующий пограничное пространство между миром реальным и волшебным. Старик Кокованя отправляется в лес вместе с Даренкой, где девочка встречает козлика с серебряным копытцем. Однако перед встречей с таинственным животным Даренка проходит испытание: она остается одна дожидаться Кокованю, ушедшего за лошадью. Примечательно и количество дней ожидания – три. Число три имеет как мифологическое, так и архетипическое значение. При исследовании окружающего мира человек наиболее часто сталкивался с этим числом, к примеру, трехмерность пространства и триединство времени, в религиозном плане – триединство Бога у христиан. Три дня символизируют полноту и завершенность испытания. Таким образом, локус зимнего леса – лиминальное пространство – становится преградой на пути к цели, которую Даренка успешно преодолевает, тем самым

проходя инициацию, т.е. подтверждая свою стойкость и готовность справляться с такими трудностями, как изоляция.

В программе основного общего образования представлены следующие авторы, писавшие о Севере: Н. М. Рубцов (5 класс), А. А. Блок (5 и 6 класс), М. М. Пришвин (5 класс), Ю. П. Казаков (5 класс), А. А. Лиханов (5 класс), И. С. Шмелев (8 класс). Однако все перечисленные авторы указаны без конкретных произведений и входят в перечень авторов по выбору. Подобная ситуация и в литературе среднего общего образования: в списке можно выделить только А. А. Блока и Н. М. Рубцова, произведения не указаны.

Кардинально противоположная ситуация обстоит с Южным свертхтекстом, который включает в себя Малороссийский, Крымский и Кавказский текст. Южный текст – это свертхтекст, объединяющий несколько региональных текстов (Крымский, Кавказский, Малороссийский), которые связаны общей оппозицией «Север – Юг» и представляют южные территории России как семиотически значимое пространство. Южный текст формируется как антитеза и альтернатива прежде всего Петербургскому тексту. Если Петербург – это камень, цивилизация, рациональность, холод, то Юг – природа, стихия, свобода, страсть, тепло. Из этого следует доминирование естественного начала над городским, рукотворным. Пространство Южного текста воспринимается не просто как фон, а как активный участник событий, обладающий собственной душой и смыслом. Южный текст, как и Северный, в основе имеет миф, например, «миф Тавриды», «миф Кавказа». Южные локусы часто связаны с темами духовного преображения, поиска истины, возвращения к истокам, что свидетельствует о сакральной природе пространства.

В начальной школе изучается много авторов, писавших о Юге или же родившихся там. В списке рекомендованной литературы числятся следующие авторы: А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, Л. Н. Толстой, А. П. Чехов, А. П. Гайдар, С. П. Алексеев.

«Сказку о царе Салтане, о сыне его славном и могучем богатыре князе Гвидоне Салтановиче и о прекрасной царевне Лебеди» А. С. Пушкина, изучаемую в третьем классе, можно отнести к Южному и условно Крымскому тексту по ряду характерных признаков. Одним из главных образов Южного текста является остров Буян. В парадигме Северного текста этот остров имеет отрицательную коннотацию: он связан с хтонической стихией моря-океана (предположительно, Черного моря) и является границей между миром тьмы (Южная Русь) и миром света (Северная Русь). Однако в сказке Буян имеет противоположную коннотацию – он становится местом спасения, а само путешествие в бочке по морю – это архетипический мотив скитания и обретения новой Родины, характерный для Крымского текста: «Едем прямо на восток, / Мимо острова Буяна, / В царство славного Салтана...» [Пушкин 2003:

27] Море и остров – одни из основных локусов сказки, поэтому море является не просто фоном, а активным участником событий, что соответствует поэтике Крымского текста: «Остров на море лежит, / Град на острове стоит...» [Пушкин 2003: 29]. Образность также соответствует Южному тексту: описания богатств и чудес острова Буян насыщены восточной, ориентальной эстетикой, что является ключевой чертой восприятия Кавказа и Крыма как «русского Востока» и «земного рая» и входит в «Таврический миф». К примеру, описание чудесных орешков волшебной белки: «...Орешки не простые, / Скоро скорлупки золотые, / Ядра – чистый изумруд...» [Пушкин 2003: 53]. Говоря о мотиве волшебства, стоит отметить, что этот мотив – один из основополагающих во всех свертках.

А. С. Пушкин создает не просто абстрактную сказочную страну, а поэтический образ Юга – благодатного, экзотического, чудесного края, где возможны преображение и торжество справедливости. Это идеализированная проекция Крымского мифа и русского ориентализма на волшебный сюжет.

Стихотворения М. Ю. Лермонтова «Парус» и «Утес», входящие в программу четвертого класса, являются классическими примерами Южного текста несмотря на то, что Юг в них подразумевается имплицитно. «Парус» представляет морской топос этого текста с мотивами пути, изгнания и мятежа. «Утес» же представляет горный, кавказский топос с мотивами одиночества, мимолетности человеческого бытия на фоне вечной природы.

Наиболее богатый на Южный текст список рекомендованной литературы основного общего образования. В него входят такие авторы, как А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь, М. Ю. Лермонтов, Л. Н. Толстой, М. Горький, И. С. Шмелев, А. С. Грин, А. А. Ахматова, М. А. Шолохов. Рассмотрим наиболее яркие образцы.

К Малороссийскому тексту относятся повести Н. В. Гоголя «Ночь перед Рождеством» и «Тарас Бульба», в которых художественное пространство Малороссии предстает как семиотически насыщенный топос, сочетающий в себе элементы народной мифопоэтики и эпического сознания, что создаёт системную оппозицию Северному культурному ареалу.

«Донские рассказы» М. А. Шолохова формируют донскую ветвь Южного текста, где топос степи и реки актуализируется как свидетель и участник братоубийственного конфликта.

Кавказский текст находит воплощение в поэме М. Ю. Лермонтова «Мцыри» и рассказе Л. Н. Толстого «Кавказский пленник». Лермонтовский Кавказ представляет собой хронотоп романтической свободы и духовной прародины для героя, тогда как толстовская поэтика ориентирована на демифологизацию через изображение суровой реальности. Ориентальная составляющая Южного текста, его философско-притчевый характер, представлен в лермонтовском стихотворении «Три пальмы», где пустынный ландшафт становится ареной

для рефлексии о фатальном противостоянии природной гармонии и деструктивной цивилизации.

В структуре Южного текста выделяется обобщенно-символическое направление, где конкретный локус уступает место универсальному мифу. В рассказе М. Горького «Старуха Изергиль» вымышленная приморская Каперна превращается в утопическое пространство, где южная стихия помогает осуществиться чуду и торжеству мечты над унылой реальностью.

В рекомендованной литературе для среднего общего образования встречаются следующие авторы и произведения: М. Ю. Лермонтов «Герой нашего времени» (10 класс), А. П. Чехов «Дама с собачкой» (10 класс), М. Горький «Старуха Изергиль» (11 класс), А. А. Ахматова «Приморский сонет» (11 класс), М. А. Шолохов «Тихий Дон» (11 класс).

Каноническим образцом Кавказского текста выступает роман М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени», где топос Кавказа выполняет не только фоновую, но и структурообразующую функцию. Горный ландшафт актуализирует ключевые оппозиции «природа – цивилизация», «свобода – неволя».

Традиция Крымского текста находит воплощение в повести А. П. Чехова «Дама с собачкой». Здесь Ялта – это мир в себе, где под влиянием моря и южного солнца пробуждается подлинное, запретное чувство, вступающее в трагическое противоречие с условностями северной жизни.

Метафизическое осмысление южного локуса развивается в «Приморском сонете» А. А. Ахматовой. Южный топос здесь трансформируется в образ лиминального пространства на грани потустороннего, приобретая эсхатологические коннотации и функции духовного убежища.

Роман-эпопея М. А. Шолохова «Тихий Дон» входит в Донской текст. Пространство донской степи и реки представляют собой целый мир казачьей вольницы, ее связь с землей и трагический распад этого патриархального мира.

Таким образом, в рекомендованной Федеральной рабочей программой литературе для школьного изучения неравномерно соотношение произведений Северного и Южного текста в пользу последнего. При изучении регионального текста полезно делать акцент на культуре и менталитете изучаемых регионов и на основополагающие черты регионального сверхтекста для более многопланового познания глобальной морально-нравственной проблематики.

Источники

Бажов П. П. Сочинения. В 3 томах. / П. П. Бажов. – Том 1. – М.: Издательство «Правда», 1986. – 295 с.

Галимова, Е. Ш., Лошаков, А. Г. Северный текст как логосная форма бытия Русского Севера: монография / Е. Ш. Галимова, А. Г. Лошаков. – Т. 1. – Архангельск: ИМИДЖ-ПРЕСС, 2017.

Давыдова, А. В. Северный текст русской литературы для детей как компонент регионального содержания в школьном изучении / А. В. Давыдова // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. – [Электронный ресурс] – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/severnyy-tekst-russkoy-literatury-dlya-detey-kak-komponent-regionalnogo-soderzhaniya-v-shkolnom-izuchenii/viewer> (дата обращения 26.09.2025).

Курьянов, С. О. На пути к созданию Крымского текста русской литературы. Миф первый. О святости Крымской земли / С. О. Курьянов // Филология и литературоведение. – [Электронный ресурс] – URL: <https://philology.snauka.ru/2014/07/884> (дата обращения 28.09.2025).

Курьянов, С. О. Несколько слов о Крымском тексте (Разграничение понятий Крымский мотив, образ Крыма и Крымская тема) / С. О. Курьянов // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. – [Электронный ресурс] – URL: <https://snphilol.cfuv.ru/wpcontent/uploads/2016/12/024kuryanov.pdf?ysclid=mg0petida0555917756> (дата обращения 28.09.2025).

Лищенко, Н. Ф. Крымский текст русской литературы: топосы, мотивы, семиосфера / Н. Ф. Лищенко // Вопросы русской литературы. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/krymskiy-tekst-russkoy-literatury-toposu-motivu-semiosfera/viewer> (дата обращения 28.09.2025).

Овчинников, Д. П. «Казалось, существование этого народа было вечно»: мифопоэтические пределы Малороссийского текста русской литературы (к постановке проблемы) / Д. П. Овчинников // Известия вузов. Серия «Гуманитарные науки». – [Электронный ресурс]. – URL: https://www.isuct.ru/e-publ/gum/sites/ru.e-publ.gum/files/2017/t08n04/humscience_2017_t08n04-324.pdf?ysclid=mg0q0kuiyf431878646 (дата обращения 27.09.2025).

Пушкин, А. С. Сказки / А. С. Пушкин // «Махаон», 2003. – [Электронный ресурс]. – URL: https://testuser7.narod.ru/Philipok/Pushkin_Skazki.pdf (дата обращения: 27.09.2025).

Сергеева-Клятис, А. Ю. А. Люсый. Крымский текст в русской литературе / А. Ю. Сергеева-Клятис // Вопросы литературы, 2005. – № 1. – С. 362-363.

Теребихин, Н. М. Метафизика Севера: монография / Н. М. Теребихин. – Архангельск: Пом. ун-т, 2004. – С. 271.

Топоров, В. Н. Петербургский текст русской литературы: избранные труды. – СПб.: Искусство – СПб, 2003. – С. 616.

Федеральная рабочая программа начального общего образования по учебному предмету «Литературное чтение» (для 1–4 классов образовательных организаций) / [авт.-сост.: В. Г. Горецкий, Л. Ф. Климанова, М. В. Голованова и др.]. – М.: Ин-т содержания и методов обучения им. В. С. Леднева, 2025. – [Электронный ресурс]. – URL: https://edsoo.ru/wp-content/uploads/2025/07/2025_noo_frp_literaturnoe-chtenie_1-4.pdf (дата обращения: 25.09.2025).

Федеральная рабочая программа основного общего образования по учебному предмету «Литература» (для 5–9 классов образовательных организаций) / [авт.-сост.: В. Г. Горещкий, Л. Ф. Климанова, М. В. Голованова и др.]. – М.: Ин-т содержания и методов обучения им. В. С. Леднева, 2025. – [Электронный ресурс]. – URL: https://edsoo.ru/wp-content/uploads/2025/07/2025_ooo_frp_literatura_5-9.pdf (дата обращения: 25.09.2025).

Федеральная рабочая программа среднего общего образования по учебному предмету «Литература» (базовый уровень) (для 10–11 классов образовательных организаций) / [авт.-сост.: В. Г. Горещкий, Л. Ф. Климанова, М. В. Голованова и др.]. – М.: Ин-т содержания и методов обучения им. В. С. Леднева, 2025. – [Электронный ресурс]. – URL: https://edsoo.ru/wp-content/uploads/2025/07/2025_soo_frp_literatura_10_11_baz.pdf (дата обращения: 25.09.2025).

Шульженко, В. В. «Кавказский текст» русской литературы: границы описания и парадоксы восприятия / В. В. Шульженко // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kavkazskiy-tekst-russkoy-literatury-granitsy-opisaniya-i-paradoksy-vospriyatiya/viewer> (дата обращения 29.09.2025).

Литература

Курьянова, В. В. Крымский текст в творчестве Л. Н. Толстого: монография / В. В. Курьянова. – Симферополь: Бизнес-Информ, 2015. – 220 с.

Ходанен, Л. А. Культурный концепт «Кавказ» и его текстообразующая роль в творчестве А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова / Л. А. Ходанен // Сибирский филологический журнал. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://journals.tsu.ru/uploads/import/1367/files/06.pdf> (дата обращения 29.09.2025).

Трикоз Э.Л.

Музей-квартира В. И. Белова – филиал
Кирилло-Белозерского историко-архитектурного
и художественного музея-заповедника
(г. Вологда)

ЗА ЧТО Л. И. ОШАНИН РУГАЛ СТУДЕНТА В. И. БЕЛОВА?

Аннотация. Статья посвящена изучению нескольких музейных фондовых документов, связанных с периодом студенчества В. И. Белова в Литературном институте имени А. М. Горького. Они принадлежат авторству Л. И. Ошанина и являются как фактом внутренней оценки творчества студента вуза В. И. Белова, так и официальной публичной оценки прозаического творчества начинающего писателя. Архивные рукописи должны быть учтены при реконструкции целостной картины творчества В. И. Белова, введены в научный оборот.

Ключевые слова: В. И. Белов, Л. И. Ошанин, жанр, отзыв, творческая характеристика, субъект оценки.

Молодой журналист районной грязовецкой газеты «Коммунар» и начинающий поэт В. И. Белов был принят в семинар Л. И. Ошанина самим руководителем в 1959 г. Рекомендацию для поступления в вуз он получил от писателя-фронтовика и своего земляка А. Я. Яшина, который в 1950–1960-е гг. преподавал в Литературном институте им. А. М. Горького (далее – Литинститут), жил с семьей в Москве. Яшин знал, что «несбыточная мечта об университете точила сердце» Белова [Белов: 113].

Вторым человеком, который помог осуществить беловскую мечту, был Л. И. Ошанин. Об этом известно из астафьевской миниатюры «Зачем меня окликнул ты?» в сборнике «Затеси»: «В одной общежитской компании Литинститута <...> было два студента, которых Ошанин, будто ржавые гвозди, вытащил из забора тугой жизни, одного аж из секретарей горкома комсомола, другого – из Суворовского училища. Я уже знал, как трудно было Ошанину их вызволять из неволи и пристроить в Литинститут...» [Астафьев]. В этой цитате речь идет о Василии Белове и Геннадии Русакове, после первого курса, оставившем институт, выбрав карьеру переводчика.

Белов учился в столице пять лет – до середины 1964 г. 23 июня 1964 г. ему была присвоена квалификация литературного работника¹. Поэтический семинар Л. И. Ошанина Белов посещал на протяжении всех пяти лет, однако к третьему курсу он понял, что проза – «главное в его писательской судьбе». Ошанин это тоже признавал. Первая «небольшая прозаическая повесть» Белова была «напечатана в “Современнике”»² в 1961 г.

В московский институт Белов поступал, намереваясь стать профессиональным лириком, и 8 октября 1962 г. молодой поэт-студент уже был принят в Союз писателей СССР. В мемориальной квартире писателя сохранился его членский билет № 03111³. Следует отметить, что он был первым среди сокурсников, кто вступил в союз, будучи студентом. Ему было почти 30 лет. В вузе Белов считался активным, плодотворным начинающим писателем, с первого курса печатался в московских журналах и газетах. Весной 1960-го он впервые получил большой писательский гонорар (См. «Филипок»: [Белов 2026]). Для сравнения: один из самых успешных беловских товарищей Иван Лысцов был принят в союз только через год после окончания института – в 1965 г., староста семинара Валентин Ермаков – в 1966 г., поэты-сокурсники Огультьэч Оразбердыева – в 1969 г., Иван Костин и Паслей Самык – в 1971 г.). Перечисленные молодые поэты были из сельской местности. Не все быстро приспособились к жизни в столице и научились продвигать свое творчество. У

¹ Диплом сохранился в архиве писателя В. И. Белова. Номер хранения: КБИАХМ МКБ КП-5241 А-3221.

² Из отзыва на дипломную работу В.И. Белова. Документ из фонда Государственного центрального театрального музея им. А. А. Бахрушина. Номер: ГЦТМ КП 335912/211.

³ Хранится в Музее-квартире В. И. Белова. Номер: КБИАХМ МКБ КП-5242 А-3222.

многих не было такой поддержки, как у Белова: финансово и морально в первые годы студенчества его поддерживала семья жены Ольги Сергеевны Беловой (Забродиной), писатель Яшин помогал пробиться на страницы столичных журналов, вычитывал его тексты, с заботой относился ко всем молодым писателям-володжанам, которые с конца 1950 по середину 1960-х учились в Литинституте. В то время в столичном вузе на виду была крепкая «вологодская кучка», литераторы по-братски общались, помогали друг с другу. Володжан в Москве часто навещал Яшин, «заботливый, обогревный и обязательный»: «Однажды Александр Яковлевич приехал проведать нас с Василием Беловым в общежитие Литературного института. Спрашивал, как живется-пишется. Попросил прочитать что-нибудь новое. Я прочитал самое свежее стихотворение «Дождь» о страданиях колхозного председателя... Я смолк и жду, что скажет. А он привстал и меня обнял. Молча похвалил и Белов...» [Романов: 34].

Ошанин понимал, какими могли быть студенческие трудности после переезда из провинции в Москву, хорошо чувствовал учеников, видел их сильные и слабые стороны, например, о Г. Русакове говорил, что он «квалифицированно переводит стихи», но при этом у него нет «большого жизненного материала под рукой». Среди других критических оценок, касающихся жизненного опыта студентов, можно встретить: «переполненный жизненным материалом», но при этом «политически остр» (об И. Лыцове), «неумение жить так, чтоб жизнь стала материалом для творчества» (о С. Козлове¹). О Валентине Ермакове в 1961 г. Ошанин писал, что способный студент пишет мало, потому что на первом и втором курсе естественно находиться в «поре метаний» и поисках нового.

Большинство беловских сокурсников были диалектоносителями, что сильно выделяло их в литинститутской среде. Даже в художественных текстах они использовали язык своей малой родины. Эта особенность отмечалась руководителем семинара не всегда как положительное качество при оценке текста начинающего художника. Например, в творческой характеристике И. В. Лыцова критике подвергалось неумелое смешение общеупотребительного, устаревшего, окказионального и диалектного пластов лексики: «Беда его – недостаточное знание синтаксиса и неумение отобрать слова /у него богатейший запас народных, областных слов, всевозможных диалектизмов, но разобраться в нем ему еще трудно/. Эту беду он не хотел и не умел понять...

¹ Известный советский писатель-сказочник, сценарист (1939 – 2010 гг.).

Думаю, при помощи семинара и лингвистов Лысцов преодолееет это к концу института. Верю в него»¹.

Тексты в жанре творческой характеристики, сохранившиеся в архиве Государственного центрального театрального музея им. А. А. Бахрушина, достаточно хорошо отражают ошанинское представление о студентах беловского курса. В них дан творческий портрет молодых писателей поколения 1930-х гг., указаны социальный статус, речевые особенности пишущих, роль персоны в студенческом коллективе. Содержание характеристик дает представление о том, насколько осведомлен автор, Л. И. Ошанин, о биографических данных и сложившейся в определенный момент жизненной ситуации студента, какова была его оценка этапа творческого пути учеников (успеваемость, писательская «зрелость», погруженность в творческий процесс, темы семинаров и т. д.).

В 1-м абзаце творческой характеристики 1961 г. Лев Иванович так писал об успехах студента Белова и его связи с родиной²: «Василий Белов сразу мне представлялся как один из самых интересных студентов. Этот человек глубок и совестлив. У него органическое чувство правды. Есть у него привычка и потребность думать за многих, прежде всего, за свою вологодскую деревню. Там у него много и любви, и боли».

Василий Белов не отрицал, что был среди лидеров группы. В воспоминаниях «Тяжесть креста» он писал: «Раз в неделю я посещал семинар Льва Ошанина, где мы обсуждали друг друга. Лидировали Гена Русаков, Ваня Лысцов, азербайджанец Фикрет Годжа, горноалтаец Паслей Самык. Вроде не на последнем счету числился и аз грешный...» (См.: [Белов]).

Во 2-м абзаце характеристики Ошанин говорил о расширении жанрового диапазона и творческом росте студента: Белов на втором курсе «неожиданно выступил с небольшой прозаической повестью», которая написана «в доброй неторопливой манере старой русской прозы, полной правдивых, точных деталей».

Преподаватель создал творческий портрет 29-летнего студента с такими психологическими «штрихами»: «глубок и совестлив», обладает «органическим чувством правды», «думает за многих», им «всё принимает близко к сердцу», поэтому и пишет так, что хочется «верить в него». Следует отметить, что только в трех характеристиках 1961 г. он прямо выражает веру в учеников поэтического семинара: В. Белова, И. Лысцова, С. Козлова.

¹ Здесь и далее сохранены особенности авторской орфографии, пунктуации и оформления текста. Творческая характеристика И. В. Лысцова. С авторской правкой и датировкой. Июнь 1961 г. Номер: ГЦТМ КП 335699/184.

² Творческая характеристика Василия Белова, студента Литинститута им. А. М. Горького. Июнь 1961 г. Номер: ГЦТМ КП 335699/203.

В конце 3-го абзаца творческой характеристики выражена субъективная оценка литературных предпочтений молодого автора, подчеркивающая его индивидуальность и сформированность взглядов: «Вкусы у него установившиеся, точные, свои».

Текст Ошанина состоит из 94 слов. По содержанию характеристика является больше положительной, деликатной. В ней обращает на себя внимание употребление однокоренных слов «правда» и «правдивый» и повтор слова «точный» (*точные детали, точные вкусы*), содержащего смысл «соответствующий истине, правде», «правильный». Они будто подчеркивают основательность, глубину взглядов выходца из вологодской деревни, служат частью «фундамента» ошанинского образа Белова.

Второй сохранившийся документ авторства Л. И. Ошанина создан в жанре отзыва на дипломную работу, книгу повестей и рассказов В. И. Белова. Машинописная копия сохранилась с авторскими пометами, сделанными чернильной ручкой. Документ датирован 19 января 1964 г.¹

Как известно, доминирующую роль в жанре отзыва играет компонент оценки [Петренко: 264], которую следует отдельно проанализировать. Вступление (1-3 абзац) отзыва решает задачу привлечения внимания к содержанию текста. В 1-м абзаце Лев Иванович, делаясь своим впечатлением – первого читателя, сразу интригуяюще указывает на место рождения беловских живописных образов (Русский Север) и их деревенское происхождение: «Когда откроешь книгу Василия Белова, особенно книгу его прозы, – на тебя пахнёт неповторимым запахом северного леса, особым говором северных деревень». Во 2-м абзаце² Ошанин, используя стилистический прием парцелляции, перечисляет грани профессионализма автора: «В. Белов – настоящий художник. Сложившийся. Пристальный. Требовательный к себе». Преподаватель дает положительную эмоционально-интеллектуальную оценку личности выпускника, признает в нем профессионально пишущего прозаика, который может ответственно и самостоятельно продолжать творческий путь в литературе. В 3-м абзаце Ошанин говорит об эволюционном развитии студента: «Он начинал как поэт. Уже в институте он стал писать прозу. В прошлом составе моего семинара так было с Анатолием Приставкиным, Маканом Джамагуловым. Это для многих путь естественный и необходимый». Автор отзыва сдержанно выражает мысль о сложившейся практике перехода от поэзии к прозе во время творческих поисков начинающих литераторов, не указывая при этом каких-либо причин, послуживших такому выбору.

¹ Отзыв на дипломную работу, книгу повестей и рассказов Василия Белова. С авторской правкой и пометами. 19 января 1964 г. Номер: ГЦТМ КП 335912/211

² Мы следуем за особенностями авторского членения текста на абзацы.

Основная часть отзыва (4-9 абзацы) включает две составляющие: описательную и оценочно-критическую. В 4-м абзаце Ошанин перечисляет представленные в дипломе произведения, отражающие писательскую эстетику «избяной Руси»: «Белов пишет о том, что он знает досконально. Начиная с первой повести «Деревня Бердяйка», с рассказов и повести из книги, изданной в Вологде «Знойное лето», «Люба-Любушка», «Прежние годы», «Скворцы», – и всё посвящено вологодской деревне с её ольховым пейзажем, с её трудной и скудной землёй и светлыми человеческими душами». Словосочетанием «знать досконально» дополняется творческий портрет молодого и «пристального» художника-прозаика. В 5-м абзаце Ошанин углубляется в раскрытие творческих характеристик студента: «Белов не боится любых по сложности вопросов. Но к ним он подходит, как настоящий хозяин жизни и коммунист. В этом отношении очень характерна его повесть «Знойное лето» и её центральный образ секретаря райкома комсомола Жени Суховинова, талантливого жизнедеятельного и чистого юноши. И так становится спокойно на душе, когда он в конце повести делается председателем нелегкого колхоза «Союз». Здесь дана аксиологическая ценность творческих идей и замыслов писателя-коммуниста, их идеологическая «правильность». Ошанин одобрительно заключает фрагмент фразой «спокойно на душе»: героем беловского времени становится партийный человек, сельский труженик, комсомолец.

Отметим, что дипломный проект Белова представлял ранние прозаические тексты, которые, начиная с 1961 г., автор стал публиковать в столичных литературных журналах. В 1964 г., после защиты диплома, малая проза вышла в Москве в издательстве «Молодая гвардия» с названием «Речные излуки». В сборник были включены: «Деревня Бердяйка»; «Девичье лето»; «Скворцы»; «Вовка-сатюк»; «Весна»; «Даня»; «Поющие камни»; «Гудят провода»; «Вор»; «Эхо»; «Клавдия»; «На родине»; «Речные излуки». Примечательно, что послесловие к книге было написано Л. И. Ошаниным. И только после обнаружения чернового варианта отзыва на дипломную работу стало ясно, что автор послесловия опирался на ранее написанный отзыв на диплом от 19 января 1964 г. Черновик отзыва на книгу был написан через пять месяцев – 28 июня 1964 г.¹ Эта машинопись помещается на лист формата А 4, датирована автором черными чернилами (слева внизу листа).

В 6-9 абзацах отзыва на диплом Л. И. Ошанин эмоционально и образно говорит о языке произведений Белова, авторской манере письма: «По своей творческой манере, по языку Белов, начисто минуя всё современные модернистские течения, как бы непосредственно принимает эстафету от

¹ Отзыв на книгу прозы В.И.Белова, выпущенную издательством «Молодая гвардия». Номер: ГЦТМ КП 335912/81

старой русской прозы, от Лескова, Бунина, Куприна, в то же время оставаясь самим собой. Язык его необыкновенно сочен, причём он именно вологодский, а никакой другой. Он смело использует народные выражения и слова, неизвестные «изящной словесности». А в то же время это делает это с таким тактом и чувством меры, что их читаешь, как нечто совершенно естественное и необходимое.

Слово его ёмко. Он умеет очень разнообразно говорить по существу об одном и том же, – лесной тропе, крике кукушки, вздохе коровы...»

Только в 8 и 9 абзацах отзыва представлен стили- и жанрообразующий критический анализ беловских недостатков. Тактично и вежливо Ошанин пишет о необходимости разнообразия сюжетов, тщательной работы при продумывании композиции произведений, а не только об увлеченном погружении в лирические образы при описании героев, сельского пейзажа: «Я не хочу сказать, что у дипломанта Белова нет недостатков. Как всякий подлинный художник, Белов – человек сложный. Правдивый и искренний, полный подлинной радости и подлинной боли за своих земляков, он иной раз невольно сгущает краски. Рисуя жизнь честно и прямо, он не всегда умеет вмешаться в неё, подсказать решение, найти нужный сюжетный поворот. Увлечённый живописью, порой он как бы нарочно отказывается от композиционных поисков. Сначала рисует, а потом просто всё рассказывает скороговоркой /как и пример в «Клавдии»/. Правда пока получается всё равно интересно. Но всегда ли так будет?

Ещё одна особенность Белова – в том, что я у него знаю, он певец Вологодской деревни. Как только он покидает свой край, слово теряет запах и цвет, перестаёт быть родным и завораживающим...»

Находясь «во власти институциональных отношений» и следуя этике общения преподавателя и студента в творческом вузе, Ошанин не выражает прямых отрицательных оценок: говоря о недостатках, сразу комплиментарно отмечает и сильные стороны пишущего, выражает поддержку и одобрение на лексическом уровне («подлинный художник», «правдивый и искренний», «рисуя жизнь честно и прямо», «певец» и др.)

В конце 8 абзаца отзыва присутствует стилистика разговорной речи. Риторический вопрос оживляет строгий стиль отзыва, дает ощущение проблемной ситуации, «вносит легкий оттенок драматизации, выражает стремление автора перейти от монолога к диалогу» [Петренко: 266].

В 9 абзаце размыта оценка Л. И. Ошанина: непонятно, хорошо или плохо, что Белов так крепко связан с родной землей, настолько, что даже отрыв от нее сильно сказывается на силе речевого образа в произведении? Судя по биографии преподавателя-фронтовика и воспоминаниям его современников, Ошанину была не свойственна привязанность к месту: он жил в Рыбинске,

Ростове Великом, Москве, Казани, Кировске. В. П. Астафьев называл его «насквозь комсомольским, всю дорогу бодрым поэтом», «с удачливой поэтической судьбой», который часто путешествовал по стране до войны и после нее – «большой творческой шайкой», а «на старости лет хватанул аж в Америку» [Астафьев].

Проанализированный выше текст 1964 г. стал основой для отзыва на книгу В. И. Белова «Речные излуки». В нем всего шесть абзацев, исключены критические оценки, эмоциональное вступление заменяет фрагмент, содержащий краткую писательскую биографию периода 1959–1964 гг.: «Родившийся и выросший в вологодской деревне, связанный с ней всеми своими корнями, Василий Белов поступил в 1959 г. в Литературный институт им. А. М. Горького как поэт. Уже в Литинституте он стал писать прозу, а через два-три года выяснилось, что проза и есть, пожалуй, главное в его писательской судьбе...»¹. Двумя заключительными абзацами Ошанин продолжает биографию, закольцовывая композицию отзыва: «Василий Белов выпустил в Вологодском издательстве книгу стихов и книгу прозы. В Москве его произведения печатались в «Нашем современнике», «Дне поэзии», «Литературе и жизни» и многих других изданиях. В этой книге собрано немного из написанного им...

Я счастлив, что мне довелось встретиться с Василием Беловым, пять лет проработать с ним в семинаре и подружиться. Я верю в большую судьбу этого неторопливого и своеобразного художника...»

Именно этот текст от 28 июня 1964 г. вошел в московский сборник «Речные излуки» и был поводом для «бурного выяснения отношений» с Яшиным, который в тот же год летом приехал в Тимонику, чтобы узнать причину, по которой Василий Иванович обратился к Ошанину за помощью. Вероятно, что в то время В. И. Белов объяснил это тем, что для преподавателя-поэта было не так трудозатратно создать текст на основе ранее написанного отзыва на дипломную работу. Белов дорожил временем своего наставника Яшина и не хотел его тревожить «по мелочам».

Итак, творческая характеристика и два отзыва не только многое рассказывают об их авторе-создателе, подтвердив общеизвестные характеристики Ошанина как мягкосердечного человека, который «пытался делать людям добро, и у него это получалось» (В. П. Астафьев), был деликатным и чутким руководителем семинара, не только добавляют деталей к творческому портрету молодого Белова, но и помогают понять историю создания короткого ошанинского послесловия к книге «Речные излуки», в

¹ Из того же отзыва на книгу 1964 г. Номер: ГЦТМ КП 335912/81.

котором впервые была публично выражена положительная оценка творчества Белова и вера в талант молодого вологодского прозаика.

Литература

Астафьев, В. П. Зачем меня окликнул ты? // Новый Мир.–№ 8.–1999. – [Электронный ресурс]. – URL: https://magazines.gorky.media/novyi_mir/1999/8/zatesi.html.

Белов, В. И. Тяжесть креста: Воспоминания о В. М. Шукшине. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.booksite.ru/belov/interview/12.htm> (дата обращения 20.11.2025).

Белов, В. И. Филипок (из автобиографической рукописи) // Светлые души: Сборник прозы. [Вып. 2]. – Вологда, 2006. – с. 111–123.

Петренко, Ю. А. Отзыв как жанр академического дискурса и его основные характеристики // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2020. – Том 13. Выпуск 11. – с. 262–267.

Романов, А. А. Искры памяти. – Вологда: КИФ «Вестник», 1995. – 304 с.

Федосеева Л. Н.

Академия права и управления
Федеральной службы исполнения наказаний
(г. Рязань)

К ВОПРОСУ О ГОСУДАРСТВЕННОМ РЕГУЛИРОВАНИИ В СФЕРЕ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В статье представлен обзор законодательных мер в сфере языковой политики Российской Федерации, проанализированы основные документы, отражающие данную проблему, начиная с 2005 г. Сделан вывод о том, что государство проявляет активность в плане регулирования языковой ситуации, однако определенные аспекты еще требуют внимания.

Ключевые слова: русский язык, языковая политика, государственное регулирование.

Русский язык в современную нам эпоху переживает не самые лучшие времена, налицо негативная тенденция: число владеющих им за рубежом сокращается, и он отстывает на позиции начала XX в. Ситуация усугубляется тем, что даже в самой России уровень владения русским языком постепенно падает из-за его деградации, что представляет собой глобальный вызов для всего русскоязычного мира.

В ответ на сложившуюся языковую ситуацию в России с начала XXI в. принимаются законодательные меры.

В 2005 г. был издан Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации», который впоследствии дополнили изменениями в

2023 и 2025 гг. Эти изменения направлены на усиление механизмов обеспечения статуса русского языка как государственного и контроль за соблюдением его литературных норм. Закон призван гарантировать использование русского языка на всей территории России, обеспечить право граждан на его использование, а также защищать и развивать русскую языковую культуру. Важным положением является запрет на использование слов и выражений, не соответствующих нормам современного русского литературного языка, при его использовании в качестве государственного.

В 2022 г. вступили в силу поправки к закону о рекламе, основной тезис которых таков: распространение рекламной информации на иностранном языке без перевода на русский язык не допускается.

В 2024 г. создан совет при Президенте РФ по реализации государственной политики в сфере поддержки русского языка и языков народов Российской Федерации.

В 2025 году Президент России подписал федеральный закон, который вносит изменения в законодательство, регулирующее защиту прав потребителей и долевого строительство. Главная цель этих изменений – ограничить использование заимствованных слов в публичном пространстве. Ограничения касаются

- торговли, бытового и других видов обслуживания потребителей: иностранные слова не должны использоваться в вывесках, названиях услуг и других обозначениях, с которыми сталкиваются потребители;
- коммерческих обозначений объектов недвижимости: застройщики не смогут использовать иностранные слова в названиях строящихся объектов (будь то отдельные здания или целые жилые комплексы), которые они планируют использовать в рекламе для привлечения средств дольщиков.

Таким образом, закон направлен на укрепление русского языка в сфере коммерческой деятельности и рекламы, особенно в отношении защиты прав потребителей и регулирования долевого строительства.

В том же 2025 г. Президент России утвердил документ под названием «Основы государственной языковой политики Российской Федерации». Это стратегический план, главная цель которого – сохранять, развивать и поддерживать русский язык, а также языки всех народов, проживающих в России, включая государственные языки республик. Кроме того, документ направлен на продвижение русского языка за рубежом. В нем прописано текущее положение дел с языками в стране, определены цели, главные принципы и задачи языковой политики, а также перечислены конкретные инструменты и способы ее реализации.

«Установлено, что государственная языковая политика реализуется в следующих целях: обеспечения прав и свобод человека и гражданина в языковой сфере; обеспечения национальной безопасности и суверенитета Российской Федерации в языковой сфере; укрепления единства многонационального народа Российской Федерации и общероссийской гражданской идентичности; обеспечения защиты, поддержки и развития русского языка как государственного языка Российской Федерации, как языка государствообразующего народа и как родного языка; создания условий для надлежащего функционирования русского языка как государственного языка Российской Федерации; обеспечения сохранения, поддержки и развития языков народов Российской Федерации, в частности языков коренных малочисленных народов, и языкового многообразия как национального достояния и историко-культурного наследия Российской Федерации.

В качестве задач государственной языковой политики названы, в частности, сокращение использования иностранных слов, имеющих общеупотребительные аналоги в русском языке; утверждение в обществе представления о высокой социальной ценности речевой культуры и навыков владения русским языком, грамотности речевого общения и недопустимости использования нецензурной лексики; создание условий для речевого развития, воспитания интереса к чтению и книге на всех уровнях общего образования, в том числе в системе дошкольного образования, и др.» [Утверждены Основы государственной языковой политики Российской Федерации].

По мнению неравнодушных соотечественников, «Основы государственной политики» – «документ более значимый, чем это могло бы показаться на первый, поверхностный взгляд» [Караулов]. «Язык и связанные с ним явления, такие как правописание, культура речи, преподавание языка, литературное творчество, книгоиздание – это не какие-то второстепенные вопросы, которые уступают в очередности вопросам насущным, связанным с крупными предприятиями и большими деньгами. Язык – это фундамент нашей материальной жизни, без которого рассыпается ее смысл» [Утверждены Основы государственной языковой политики Российской Федерации].

Именно русский язык назван здесь носителем традиционных духовно-нравственных ценностей, гарантом гражданской идентичности и единства культурного пространства. Наша страна – не просто огромная территория с очерченными границами, она обладает смыслами, которые выражаются языком. В «Основах» русский язык определяется как часть мировой культуры и стержень русского мира.

Интересно то, что в документе фигурируют три ипостаси русского языка: государственный язык, язык государствообразующего народа и родной язык.

При всей своей близости это не тождественные понятия. Государственный язык – это «общеупотребительная форма русского языка, соответствующая нормам современного русского литературного языка, зафиксированным в нормативных словарях, справочниках и грамматиках» [Указ Президента Российской Федерации].

Очевидно, что государственным языком не владеют люди, речь которых, как устная, так и письменная, далека от нормативной. И если в отношении обывателей государство бессильно (кроме административного воздействия на граждан, использующих в общественных местах нецензурную лексику), то чиновники должны соблюдать языковую дисциплину. Правда, контроль за этим аспектом государственной службы пока никто не осуществляет. В «Основах» не только прямо говорится об этом, но и намечаются перспективы: российское правительство должно создать или определить федеральный орган, регулирующий языковую политику.

Документ не имеет крена в сторону русификации народов, населяющих Российскую Федерацию, он гарантирует поддержку языкам республик и прочим языкам народов России. Здесь говорится о государственном реестре языков, нуждающихся в такой поддержке, однако список не приводится. Очевидно, что расширительный подход в этом вопросе вряд ли уместен: речь должна идти именно о языках народов, внесших вклад в культурное наследие страны, а не о создании комфортных языковых условий для мигрантов, что будет только препятствовать их ассимиляции.

Итак, говоря о языковой политике и ее регулировании, нельзя упрекнуть наше государство в бездействии. Статус русского языка определен, его значение оценено, задачи для граждан страны сформулированы, использование в некоторых сферах общественной жизни регламентировано. Однако конкретные механизмы, помогающие преодолеть деградацию языковых навыков носителей и контролирующие нормированность речи государственных служащих, пока, к сожалению, не выработаны. Вероятно, это дело ближайшего будущего.

Литература

Караулов И. Русский язык лежит в основе российских ценностей. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://vz.ru> (дата обращения: 28.09.2025).

Утверждены Основы государственной языковой политики Российской Федерации. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.consultant.ru/law/hotdocs/89983.html> (дата обращения: 28.09.2025).

Указ Президента Российской Федерации от 11.07.2025 № 474 «Об утверждении Основ государственной языковой политики Российской Федерации». – [Электронный ресурс]. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru> (дата обращения: 29.09.2025).

**Раздел IV. ЯЗЫК И КУЛЬТУРА
В НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ**

Короткова М. А.

Смоленский государственный университет
(г. Смоленск)

**ЭЛЕМЕНТЫ ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО КРАЕВЕДЕНИЯ В ПРЕПОДАВАНИИ
ЖУРНАЛИСТСКИХ ДИСЦИПЛИН
(НА ПРИМЕРЕ СМОЛЕНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА)**

Аннотация. В статье рассматривается интеграция краеведческих аспектов в образовательный процесс подготовки журналистов. Исследуются методы, позволяющие эффективно внедрять элементы филологического краеведения в учебные курсы, что способствует углубленному пониманию контекста сообщаемой информации. Также обсуждаются примеры успешной практики, иллюстрирующие значимость краеведческого подхода для развития критического мышления и творческих навыков студентов.

Ключевые слова: журналистика, филологическое краеведение, литературное краеведение, Твардовский

Постижение филологического краеведения не является самоцелью студентов, которые учатся на отделении журналистики. Оно изучается во взаимосвязи с ремеслом. Прежде всего, это касается дисциплины «История журналистики», которая преподается на 2 и 3 курсах. Д. С. Лихачеву приписывают слова о том, что «понять литературу, не зная мест, где она родилась, не менее трудно, чем понять чужую мысль, не зная языка, на котором она выражена. Ни поэзия, ни литература не могут быть поняты без связи со всей родной страной» [Мартынова 2018: 1]. Учитывая, что российская журналистика выросла из общего литературно-культурного процесса XIX в., который сформировал прочные нравственные, публицистические и просветительские основы, слова Лихачева можно отнести и к журналистике.

Одной из задач современной высшей школы является профессиональная и общекультурная подготовка квалифицированного, обладающего творческими способностями работника к эффективной деятельности. Изучение учебной дисциплины «История журналистики» вносит вклад одновременно и в профессиональный, и в общекультурный сегменты обучения будущих журналистов. Предмет рассчитан на полтора года и изучается на втором и третьем курсе студентами профильной специальности. Эта дисциплина, с одной стороны, требует запоминание большого количества дат, имен, названий периодических изданий, а, с другой стороны, требует понимания

взаимосвязи, логики явления событий [Жилякова 2012: 6]. Исходя из этого преподаватели сталкиваются с проблемой: как облегчить запоминание материала, чем увлечь студентов. Включение элементов филологического краеведения позволяет отчасти решить эту проблему.

Эта тема приобретает особую актуальность и в связи с тем, что сегодняшние студенты не изучали региональный компонент в школе – историю и литературу Смоленщины. Русский философ Василий Розанов, чьи школьные годы пришлись на вторую половину XIX в., в книге «Опавшие листья» так говорил об этой проблеме: «Учась в Симбирске – ничего о Свияге, о городе, о родных (тамошних) поэтах – Аксаковых, Карамзине, Языкове; о Волге – там уже прекрасной и великой. Учась в Костроме – не знал, что это имя – еще имя языческой богини; ничего – о Ипатьевском монастыре. О чудотворном образе (местной) Феодоровской Божией Матери – ничего. Учась в Нижнем – ничего о «Новгороде низовы земли», о «Макарии, откуда ярмарка», об Унже (река) и ее староверах» [Розанов 1990: 396].

Попытки дать определение понятию «литературное краеведение» были предприняты еще в конце XVIII в. М. В. Ломоносовым, Н. И. Новиковым, В. Н. Татищевым. С точки зрения П. И. Волковой, «литературное краеведение – это изучение местной литературной жизни (края, области, района, города), биографии писателей, связанных с той или иной местностью (так называемые «литературные места»), где писатель родился, жил, бывал и т. п.; литературных произведений и художественных образов, навеянных природой, историческими событиями, бытом и людьми того или иного края» [Волкова 2007: 18]. Смоленская земля взрастила немало известных писателей и поэтов, которые по совместительству были талантливыми публицистами. Для кого-то она была «малой родиной» – так уж случилось, что известными авторами они становились лишь после переезда в большие города. Кого-то судьба лишь ненадолго соединила со Смоленской областью.

Больше всего элементы филологического краеведения включены в темы «Между двух революций», «Работа по созданию единого пропагандистского комплекса в конце 1920-х – 1930-е годы», «Отечественная журналистика в годы Второй мировой войны (1939–1945 гг.)», «Советская журналистика в первое послевоенное десятилетие», «Советская журналистика в годы «оттепели» (середина 1950-х – середина 1960-х гг.)». В связи с этим студенты Смоленского государственного университета более детально знакомятся с творчеством писателя А. Р. Беляева, работавшего в газете «Смоленский вестник» с 1906 по 1915 г., прошедшего за это время путь от неопытного автора до редактора и опубликовавшего в издании 99 статей [Ливанова 2017: 270]. Также акцент делается на публицистической деятельности М. М. Зощенко, который после Октябрьской революции работал на Смоленщине специалистом по

кролиководству. И К. М. Симонова, военного корреспондента в годы Великой Отечественной войны, который, очутившись на Смоленщине, написал одно из самых пронзительных стихотворений – «Дом в Вязьме». Безусловно, отдельное занятие посвящается А. Т. Твардовскому: он всю жизнь был связан не только с поэзией и литературой, но и журналистикой.

Тема творчества создателя поэмы «Василий Теркин» продолжается в совместном посещении музея-квартиры «А. Т. Твардовский в Смоленске». Он жил здесь в самый разгар войны - с сентября 1943 по март 1944 г. Именно в этот период в городе находилась редакция газеты «Красноармейская правда», военным корреспондентом которой был А. Т. Твардовский. Стены квартиры на Запольном переулке помнят, как создавалась поэма «Дом у дороги», рождались новые главы «Василия Теркина» и «За далью – даль».

Образовательная или учебная экскурсия для обучающихся образовательных учреждений является методом, который способствует формированию и развитию общих и профессиональных компетенций. Он позволяет достичь более высоких результатов при освоении образовательных программ. Такой метод базируется на важности зрительного восприятия, которое подчеркивают психологи: «около 90% информации о внешнем мире поступает через глаза. При этом любой, даже самый элементарный, акт зрения следует рассматривать как акт мышления; в свою очередь, наше мышление основано, в первую очередь, на зрительном восприятии» [Николаенко 2007: 23].

В рамках дисциплины «Региональное информационное пространство» студенты-первокурсники посещают редакцию старейшего издания региона – смоленской областной газеты «Рабочий путь». В стенах офиса они детально знакомятся с творчеством сотрудников газеты, которым суждено было стать не только известными публицистами, но и писателями. М. В. Исаковский, поэт-песенник, автор «Катюши», в 1920-е гг. трудился здесь заведующим литературным отделом. Именно под его чутким руководством в «Рабочем пути» начал публиковаться А. Т. Твардовский. Чуть позже И. Ф. Стаднюк – будущий известный прозаик и сценарист фильма «Максим Перепелица» – в 1940-е годы начинал здесь свою литературную карьеру.

В системе бакалавриата указанные нами дисциплины предполагают минимальное количество лекций и большое количество практических занятий. С одной стороны, такой подход предоставляет студенту возможности активной самостоятельной работы. С другой стороны, расширяет возможности преподавателя, позволяет не ограничиваться стенами учебной аудитории. То есть изучение курса невозможно без научно-исследовательской работы. Возможность самостоятельно обнаружить яркие факты дает филологическое краеведение.

Литература

Волкова, П. И. Занимательное краеведение: учебно-методическое пособие. В 2-х ч. / П. И. Волкова, А. Ю. Тихонова. – Ульяновск: УИПК ПРО, 2007. – 100 с.

Жилиякова, Н. В. Новые методики в преподавании истории журналистики. Статья первая // Знак: проблемное поле медиаобразования. – 2011. – С. 6–13.

Ливанова, М. В. Четвертая жизнь Александра Беляева (писатель-фантаст – сотрудник газеты «Смоленский вестник») // Русская филология: ученые записки Смоленского государственного университета. – 2017. – Т.17. – С. 269–275.

Мартынова, Л. В. Роль литературного краеведения в системе филологического образования // Учитель – начало всех начал: школа в современной России. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. – 2018. – С. 1–4.

Николаенко, Н. Н. Психология творчества. / Н. Н. Николенко. – СПб.: Речь, 2007. – 230 с.

Розанов, В. В. Уединенное / Сост. и комментарии А. Н. Николюкина. – М.: Политиздат, 1990. – 541 с.

Зарубалова Л. В.

(г. Вологда)

РОЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ХУДОЖНИКА-КЕРАМИСТА ТАТЬЯНЫ ЧИСТЯКОВОЙ В ФОРМИРОВАНИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОБРАЗА ВОЛОГОДЧИНЫ

Аннотация. В данной статье автор рассматривает, как известный вологодский художник-керамист Т. А. Чистякова, изображая в керамике монастыри и храмы Вологодчины, деревянную архитектуру северных городов, быт крестьян и горожан, пытается показать сложившийся в период с 1971 по 2020 гг. и свой авторский образ Вологодчины. Ее художественные работы были хорошо известны в области и за ее пределами. На формирование керамических образов оказало влияние не только творчество вологодских, ленинградских художников, но и местных писателей (членов Вологодского отделения Союза писателей СССР).

Ключевые слова: филологическое краеведение, искусствоведение, Т. А. Чистякова.

Данная статья рассматривает, как известный вологодский художник-керамист Т. А. Чистякова, изображая в керамике монастыри и храмы Вологодчины, деревянную архитектуру северных городов, быт крестьян и горожан, показывает сложившийся особенный авторский образ Вологодчины¹.

Работы заслуженного художника Российской Федерации хорошо известны в области и за ее пределами. На формирование уникальных керамических

¹ Статья публикуется в авторской редакции с сохранением орфографии и пунктуации автора. Все упомянутые в статье предметы находятся в фонде Кирилло-Белозерского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника и представлены в экспозиции «Мастерской Татьяны Чистяковой».

образов оказало влияние не только творчество вологодских художников, но и писателей, членов Вологодского отделения Союза писателей СССР.

Татьяна Чистякова родилась в 1939 г. в Вологде, здесь же она и жила постоянно. Училась в Ленинградском высшем художественно-промышленном училище им. В. И. Мухомовой, окончила его в 1971 г. (отделение художественной керамики и стекла). Была принята в Союз художников России в 1978 г., в 2007-м ей было присвоено звание заслуженного художника Российской Федерации. За 50 лет творчества Татьяна Чистякова стала одним из самых известных керамистов Русского Севера, воспевающих неброскую, но задушевную его красоту.

В советское время керамика переживала расцвет. Мастеров было много, работали они в разных направлениях: кто-то выбирал условность и абстракцию, кто-то реализм, а Татьяна Чистякова нашла себя в лирическом повествовании.

Простая и честная провинциальная жизнь – главный источник творчества мастера, а основная задача – запечатлеть в керамике ее искренность и красоту. Сквозь сияющие купола древних православных храмов и резные наличники деревянных домов, незамысловатые букеты из полевых цветов и портреты близких людей, изображения ребячьих зимних забав и семейных посиделок за вечерним чаем отчетливо видится сила и мощь нашей родины, устойчивость её традиций и вера в семейные ценности. Она не могла не рисовать. Обучаясь в студии Николая Баскакова в Вологодском дворце культуры железнодорожников, познакомилась и с Джанной Тутунджан. Народный художник РФ очень тепло отзывалась о творческом потенциале своей ученицы: «Природа одарила ее многогранным талантом. Как скульптор, она создает образ через объем. Как живописец, придает работе определенный цветовой колорит, создающий эмоциональный настрой. Как график, свободно распоряжается пятном и линией, добиваясь легкости и неповторимости пластики всей работы.»

Изображая монастыри и храмы Вологодчины, деревянную архитектуру северных городов, быт крестьян и горожан, она облекала в художественную форму идеалы гуманизма, духовности, любви к Родине.

Уже в ранних керамических пластах автор применяла цвет глазури, позже перейдя к созданию настоящих керамических картин.

Многое связывало Татьяну Александровну с Ферапонтовым, где она жила в доме с мужем художником Евгением Соколовым. Село Ферапонтово расположено на берегу между двумя озерами (Бородаевское и Паское). Знаменитый Ферапонтов монастырь основан в 1398 году святым Ферапонтом, сподвижником Кирилла Белозерского. Около четырехсот лет Ферапонтов монастырь был одним из видных культурных и религиозных

просветительных центров в Белозерском крае. Главная достопримечательность – собор Рождества Богородицы, в котором сохранились уникальные фрески 1502 г., созданные прославленным древнерусским иконописцем Дионисием. Единство творений рук человеческих и природного ландшафта показывает в своих произведениях керамист Чистякова. К примеру, «Берег Бородаевского озера. Ферапонтов монастырь. 1997» (фото 1), «Экскурсия. Кирилло-Белозерский монастырь. 2003» (фото 2).

Фото 1. «Берег Бородаевского озера. Ферапонтов монастырь. 1997»

Фото 2. «Экскурсия. Кирилло-Белозерский монастырь. 2003»

Гармония продолжается и в работах на другие темы: «Вологда. 2013» (фото 3), «Вологда. 1977» (фото 4); «Череповец. II половина XX века». Подтверждений – множество: «Двор детства» (фото 5) – вологодский, уже забытый мотив. Бельё, которое хозяйка развешивает на веревочке, играющие дети и разноцветье летнего дня. Лето в Вологде коротко. Ловила ускользающие мгновения и керамист Чистякова яркими пятнами пигментов своих керамических картин: зелеными, голубыми, охристыми, розовыми...

Фото 3. «Вологда. 2013»

Фото 4. «Вологда. 1977»

Фото 5. «Двор детства»

Люди стали частью образа Вологодчины Чистяковой. В своих произведениях она показала всю жизнь от рождения до одиночества старости: «Колыбельная», «Молодая семья», «У могилы отца-воина», «Я привел тебе в дочери» – полиптих (фото 6) представлен в музее «Мастерская Татьяны Чистяковой». Люди Леушкина – деревни в Ферапонтове – старые, сгорбленные, с клюшками. Такие, роднее которых нет и не может быть – тоже художественная правда, почерпнутая Татьяной Александровной из жизни. Графические работы, такие,

Фото 6. «Пласты из полиптиха»

как «Елена из Леушкина», портреты знакомых. И, отталкиваясь от эскизов, зарисовок, она создавала реальные многогранные образы, объединенные одним словом – Родина.

Ещё одна тема. Летели лебеди на юг, звучали мелодии электрических проводов, пахли разноцветьем букеты. В них не только красота, в них – вечность. Давно нет тех растений, а вот керамические натюрморты живут: «Синий букет», «Натюрморт», «Колокольчики». Используя все доступные ей возможности, Татьяна Александровна в драпировках из глины показывала замысловатость узорчатой ткани. Намечала перспективу, разноцветила впечатления.

В 2007 году Татьяне Александровне было присвоено звание заслуженного художника Российской Федерации за личные заслуги в создании высокохудожественных произведений живописи, скульптуры, графики; в развитии отечественной художественной культуры; в обучении молодых художников. Т. А. Чистякова – член Правления Вологодского детского фонда, создатель детской студии керамики «Синяя птица». Но, конечно, самый главный ребенок в её жизни – сын. Его образ – трёхлетнего – в круглой керамической скульптуре. Тарелка с изображением мастерской Антона – и – «Лишь бы помыслы были чисты», изображение ангела над головой юного мастера. Семейная тема показана с разных сторон: «Ссора. II половина XX в.» (фото 7), «Телефонный разговор. 1967», триптих «Зимний вечер в Вологде. 1992» (фото 8, 9).

Фото 7. «Ссора. II половина XX в.»

Фото 8. Центральная часть триптиха «Зимний вечер в Вологде. 1992»

Фото 9. Левая часть триптиха «Зимний вечер в Вологде. 1992»

Говорят, каждый творец передаёт своим произведением то, что имеет. Т. А. Чистякова передаёт чистоту, тишину, искренность и честность. Именно так высказался на открытии выставки в Народном доме в Кириллове «случайный» посетитель после ознакомления с работами мастера:

«Графика, живопись, скульптура... Объёмные изображения так и хочется потрогать руками. С картин смотрят целые усадьбы и сёла, знакомые деревенские люди и крестьянские семьи, те, в которых уютно и тепло, те, в которых главным считается мир, лад и труд».

Лауреат Государственной премии Вологодской области по литературе и

искусству (1999), Т. А. Чистякова была знаменита не только среди художников. В шестидесятые существовал вологодский ХЛАМ. В него входили художники, литераторы, артисты, музыканты. По первым буквам названий профессий и было выбрано название.

Не случайно Вологда и область стала местом притяжения самых разных творцов: писатель Виктор Астафьев, художники Михаил Копьев, Александр Пантелеев, Ян Крыжевский, сценарист, режиссер, писатель Василий Шукшин. Скульптор Вячеслав Клыков. Они создавали историю в пространстве, объединяющем разные виды искусства. В Вологде была особая атмосфера, поддерживаемая всеми категориями творческих людей. На творчество Татьяны Чистяковой оказал влияние Николай Рубцов:

Россия, Русь - куда я ни взгляну..
За все твои страдания и битвы
Люблю твою, Россия, старину,
Твои леса, погосты и молитвы,
Люблю твои избушки и цветы,
И небеса, горящие от зноя,
И шепот ив у омутной воды,
Люблю навек, до вечного покоя..
Россия, Русь! Храни себя, храни!..

Это отрывок из стихотворения Николая Рубцова «Видения на холме». А начинается оно так: Взбегу на холм... Такое же название у керамического панно Татьяны Александровны Чистяковой (фото 10). «Шамот, лепка, роспись, ангобы, обжиг» – так указано в этикетке. И, хотя имени Николая Михайловича в ней нет – изображение позволяет вспомнить все строки стихотворения: леса,

Фото 10. «Взбегу на холм... 2009»

погосты, избушки, цветы, небеса, ивы у воды... Интересные названия из технологии керамических изделий позволяют не только услышать строки вологодского поэта, но представить мысленно, как создавался шедевр, который сейчас находится в «Мастерской Татьяны Чистяковой». Вот так неожиданно, но прочно связались высокие температуры и лирические струны пейзажа Николая Рубцова. И это всё вместе взятое – о Родине, о большой любви и трепетном отношении к каждому уголку Вологодчины.

Пласт «Босиком по земле. Портрет Александра Яшина. 2012» (фото 11) – и вновь глубокое проникновение в пейзажную лирику вологодского поэта:

«Босиком по земле». 1962:
...И ягоды ем,
И траву щиплю,

К ручью становлюсь на колени я.
 Я воду люблю,
 Я землю люблю,
 Как после выздоровления.
 Бреду бережком,
 Не с ружьем, с бадожком,
 Душа и глаза – настезь.
 Бродить по сырой земле босиком –
 Это большое счастье!

Фото 11. «Босиком по земле. Портрет Александра Яшина. 2012»

«Вологодский ЛАД» – литературно-художественный журнал, посвящённый культуре, истории и жизни Русского Севера. Один из главных разделов – «И ныне, и присно», здесь публикуются материалы о вере и Церкви, беседы со священнослужителями. В 2008 г. журнал был удостоен областной премии «Вологодчина – любовь моя и гордость». Этот журнал стал для керамиста Чистяковой откровением, повествующим о новинках вологодской литературы. И, конечно, его экземпляры есть на книжной полке стеллажа «Мастерской Татьяны Чистяковой».

Интересовалась Татьяна Александровна историей, географией, культурными ценностями Белозерска, Ферапонтова, Грязовца, Вологды. Об этом красноречиво говорят книги, выстроившиеся в ряд на полках выставочного зала Кирилло-Белозерского музея-заповедника Мастерской Чистяковой. В 2007 г. Роберт Балакшин опубликовал книгу «Мой город», к которой тоже не раз обращалась художник-керамист. Она знала и любила его книги. Не случайно издание оказалось в её личной библиотеке. В творчестве художника-керамиста отобразилось понимание вологодского края: «Золотая осень. 2003» (фото 2), «Шел пароход. 2005», «Вечернее чаепитие. 2009» (фото 13).

Фото 12. «Золотая осень. 2003»

Фото 13. «Вечернее чаепитие. 2009»

Произведения Татьяны Александровны выставлялись на всероссийских, межрегиональных, областных и международных выставках, оформляли интерьеры общественных зданий, образовательных учреждений в разных городах России.

Её персональные выставки неоднократно проходили в Вологде и

Кириллове, а также в Петрозаводске, Москве, Череповце, Мирном (Архангельская область), Сыктывкаре и других городах России. В 1996 г. персональная выставка Татьяны Чистяковой состоялась в Финляндии (Валкеакоски), в 1997 г. – в Венгрии (Будапешт), ее работы были представлены на выставках в Чехии (Прага, 1972) и в Германии (Эндем, 1992). Произведения художника находятся в коллекциях Кирилло-Белозерского музея-заповедника, Вологодской областной картинной галереи, Вологодского музея-заповедника, Череповецкого музейного объединения, Камчатского областного художественного музея, в частных коллекциях в России и за рубежом.

В каком бы жанре ни была рассказана керамическая история – натюрморта, портрета, пейзажа или бытовой сценки, – она выглядит правдивым повествованием о человеке и его родном крае, о жизни, верности и любви. Она постоянно менялась, оставаясь сама собой.

Литература

Глушков, И. Г. Керамика как исторический источник. – Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 1996. – 328 с.

Гура, В. В. А. Я. Яшин // В. В. Гура. Русские писатели в Вологодской области: [очерки] / В. В. Гура. – Вологда, 1951. – С. 155-157.

Рубцов, Н. М. Лирика. – Вологда: Северное книжное издательство, 1965. – 40 с.

Ильина Е. Н.

Вологодский государственный университет
(г. Вологда)

ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ: КЛАССИКА И СОВРЕМЕННОСТЬ

Аннотация. Статья объединяет размышления о современном образовании в контексте обсуждения высказываний классиков российской высшей школы и обращения к опыту работы кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации Вологодского государственного университета

Ключевые слова: образование, обучение языку, Вологодский государственный университет.

Завершить сборник научных статей участников конференции, посвящённой 85-летию со дня рождения Заслуженного работника высшей школы Российской Федерации, доктора филологических наук, профессора Гурия Васильевича Судакова, хотелось бы рассуждениями о современном образовании и о той заботе, которую по отношению к нему всегда проявляли известные учёные. Организация образовательного процесса, подготовка школьного учителя и преподавателя вуза, развитие научных идей и их

обсуждение в среде талантливой молодёжи – все эти вопросы неизменно волновали и волнуют неравнодушных вузовских профессоров, руководителей научных школ, стараниями которых лучшие достижения отечественного образования продолжают жить в трудах следующих поколений.

Рассуждая об организации системы высшего образования в России, заслуженный профессор Императорского Московского университета, знаменитый физик Николай Алексеевич Любимов, подчёркивал особую роль преподавателя как ключевого звена этой системы: *«Вся цель университетской организации в том, чтобы она содействовала развитию ученой и учебной деятельности учреждения. Желанное развитие этой деятельности зависит от двух главных условий: 1) от выбора лиц, которым вверяется преподавание и 2) от того, поставлены ли эти лица в такую обстановку, которая была бы благоприятна для их научной деятельности и, кроме того, имела бы возбуждающее к ней влияние, для чего все должно быть направлено так, чтобы эта существенная деятельность необходимо являлась на первом плане»* [Любимов: 7]. Действительно, невозможность вузовского преподавателя постоянно и продуктивно участвовать в научной деятельности, совмещать функции учителя и учёного, примером своей жизни убеждать своих учеников в неразрывной живой связи науки и образования приводит к утрате академической культуры вуза, той его изначальной роли, которая подразумевает существование студентов в особом культурно-образовательном пространстве, где достижения «большой» науки внедряются в практику образовательного процесса. Вспоминая филологический факультет Вологодского государственного педагогического университета конца 80-х – начала 2000-х, хочется сказать, что во время профессионального взросления нашего поколения вузовских преподавателей такая среда существовала, во многом благодаря преподавателям кафедры русского языка, особую роль среди которых играли профессора: Юлия Ивановна Чайкина, Людмила Григорьевна Яцкевич и Гурий Васильевич Судаков. Пример их научного подвижничества определил появление целого поколения преподавателей высшей школы, для которых труд филолога объединяет исследовательскую, учебно-методическую и просветительскую работу, с одной стороны, доказывая профессиональную состоятельность учёного-филолога, а с другой, позволяя проявить творческий потенциал филолога-преподавателя.

На страницах «Заметок о народном просвещении России» профессора Императорского Санкт-Петербургского университета, великого русского химика Дмитрия Ивановича Менделеева немало говорится о том, что результативность высшего образования во многом определяется заботой государства о подготовке учителей: *«...Первейшею заботою стран, подобных России, видящих свой идеал впереди, а не сзади, должна служить забота об*

образовании наставников всякого рода, а в особенности для средних и высших учебных заведений; прочее все еще можно предоставить индивидуальности и случайности, а этого ни в коем случае не должно, т.е. к образованию наставников высших степеней надо приложить много усилий и средств страны, если она хочет расцвета своей жизни впереди и хочет, хоть и постепенно, достигать желаемого синтеза» [Менделеев: 208]. Речь, безусловно, здесь не идёт о декларативной, показной заботе о подготовке учителей в условиях, явно не способствующих ни осознанию важности учительской профессии, ни поддержке её престижа в обществе, ни формированию и сохранению корпоративной солидарности – в профессиональной жизни вологодского педагогического вуза были и такие периоды. На этом фоне с благодарностью вспоминается взаимодействие профессора Г. В. Судакова с властными структурами в практике работы Совета по русскому языку при правительстве Вологодской области, масштабный комплекс мероприятий областной программы по развитию и сохранению русского языка в регионе, включавшей в себя и издание научных трудов преподавателей кафедры, и публикацию научно-методических работ для школьных учителей, и взаимодействие со средствами массовой информации, и актуализацию проблем изучения вологодской региональной идентичности, и многое другое.

Воспитать настоящего учителя невозможно без формирования у выпускников вуза представления о ней как о призвании, об особом служении обществу, о миссии, которую возлагает на себя человек, несущий знания людям. Рассуждая о призвании, великий русский хирург, профессор Медико-хирургической академии Николай Иванович Пирогов считал его нравственной основой погружения человека в профессию: *«Кто не носит в себе призвания, кого высшая сила не удерживает на пути к нравственному совершенству, того нельзя удержать и деньгами на пути науки. Никакое огромное содержание не удержит, например, врача от прибыльной практики и от отсталости в науке, если он сам не имеет научного призвания. Искатель выгодных мест будет, и при обеспеченном существовании, искать их, также как и достаточный чиновник допустит злоупотребление за деньги, если его не будет удерживать нравственный взгляд на себя и на общество. Кто не сделал самоусовершенствование главной задачей жизни, того и обеспеченное существование не удержит на научном пути» [Пирогов: 331]. Личный пример преподавателей вологодского филфака, их непростые судьбы в непростое время убеждают нас в том, что при всех научных и мировоззренческих разногласиях их объединяло нравственное отношение к профессии, стремление передать своим студентам жажду научного поиска и любовь к детям, сформировать у выпускников филологического факультета культуру*

чтения и интерпретации текста, навыки бережного обращения со словом. Это слово становилось вершиной айсберга, основаниями которого становились знания теории и истории языка в интерпретации Вячеслава Александровича Шитова и Гурия Васильевича Судакова, сведения о географической проекции языковых явлений в работах Татьяны Георгиевны Паникаровской и Людмилы Юрьевны Зориной, лексическая семантика в работах Юлии Ивановны Чайкиной и Сергея Николаевича Смольникова, фонетический облик слова и его грамматическая организация в исследованиях Елены Павловны Андреевой и Людмилы Григорьевны Яцкевич, а также многие другие аспекты бытования слова в языке, отражённые в трудах преподавателей кафедры русского языка, со временем превратившейся в кафедру русского языка, журналистики и теории коммуникации Вологодского государственного университета. Однако по-прежнему вопрос призвания, личного выбора и служения профессии – это ключевой вопрос существования кафедры как объединения филологов, совмещающих научно-исследовательскую, учебно-методическую и просветительскую деятельность в практике подготовки выпускников, чей профессиональный труд также требует призвания и нравственного отношения к слову. Поэтому одной из важнейших задач работы кафедры нам представляется сохранение научной преемственности, подготовка достойной смены поколений преподавателей вуза, а проведение юбилейной конференции «Русское слово: горизонты анализа» в честь 85-летия со дня рождения Гурия Васильевича Судакова будет способствовать решению этой задачи.

Литература

Любимов, Н. А. Мнение профессора Любимова по поводу предстоящего пересмотра Университетского устава / Н. А. Любимов. – М.: Имп. Моск. ун-т, 1873. – 18 с.

Менделеев, Д. И. Заметки о народном просвещении России / Д. И. Менделеев // Сочинения. – Т. XXIII. – М.: Изд. АН СССР, 1952. – 385 с.

Пирогов, Н. И. Избранные педагогические сочинения / Н. И. Пирогов. – М.: Изд-во Академии педагогический наук РСФСР, 1953. – 753 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Андреева Елена Павловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации Вологодского государственного университета; er-andreeva@bk.ru

Астахина Людмила Юрьевна – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН.

Бекасова Елена Николаевна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и МПРЯ Оренбургского государственного педагогического университета; bekasova@mail.ru

Боброва Мария Владимировна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института лингвистических исследований РАН; bomaripgu@yandex.ru

Васильева Ольга Владимировна – кандидат филологических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета; barcarola@list.ru

Волженцева Екатерина Анатольевна – студентка 3 курса филологического факультета Оренбургского государственного педагогического университета; katerinavolzhentseva@gmail.com

Волкова Анастасия Дмитриевна – старший преподаватель Одинцовского филиала МГИМО МИД России; Anastasia.volkova@odin.mgimo.ru

Воропаева Екатерина Александровна – старший преподаватель кафедры русского языка Смоленского государственного университета; vogoraeva.ekaterina2013@yandex.ru

Ганжина Ирина Михайловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Тверского государственного университета; emmaus1962@yandex.ru

Генералова Елена Владимировна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института лингвистических исследований Российской Академии наук; elena-generalova@yandex.ru

Голубева Анастасия Анатольевна – специалист по учебно-методической работе кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации, Вологодского государственного университета; nastyagolubeva.1999@mail.ru

Губанов Сергей Анатольевич – доктор филологических наук, профессор кафедры философии Поволжского государственного университета телекоммуникаций и информатики; gubanov5@rambler.ru

Гуликовский Кирилл Олегович – студент 2 курса направления подготовки «Музеология и охрана объектов культурного и природного наследия» Кемеровского государственного института культуры; lshonon@gmail.com

Зарубалова Людмила Васильевна – независимый исследователь, член Союза журналистов РФ; zarubaloval@mail.ru

Ильина Елена Николаевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации Вологодского государственного университета; filfak@list.ru

Калянин Геннадий Олегович – аспирант кафедры филологии Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого; mr.kalyanin@yahoo.com

Катышев Павел Алексеевич – доктор филологических наук, заведующий кафедрой общего и русского языкознания Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина; katpa@rambler.ru

Короткова Мария Андреевна – ассистент кафедры литературы и журналистики Смоленского государственного университета; demochkina_smol@mail.ru

Коротун Владилена Леонидовна – старший преподаватель Московского авиационного института (национального исследовательского университета); vladakor@mail.ru

Котова Ксения Андреевна – магистр филологии; xenia.kotovaa@gmail.com

Кочкина Юлия Леонидовна – кандидат филологических наук, декан филологического факультета Смоленского государственного университета; kochkinayl@gmail.com

Лапина Ирина Сергеевна – студентка филологического факультета Оренбургского государственного педагогического университета; ira.lapina31@gmail.com

Лушпей Анастасия Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы, русского и иностранных языков Кемеровского государственного института культуры; ana1534@ya.ru

Никитин Олег Викторович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры славистики, общего языкознания и культуры коммуникации Государственного университета просвещения; профессор кафедры русского языка Петрозаводского государственного университета; olnikitin@yandex.ru

Рыжков Егор Владимирович – студент 3 курса Института филологии Петрозаводского государственного университета; minonegor07540@gmail.com

Трикоз Эльвира Львовна – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Музея-квартиры В. И. Белова – филиала Кирилло-Белозерского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника; elvira.trikoz@mail.ru

Федосеева Лариса Николаевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского и иностранных языков Академии права и управления Федеральной службы исполнения наказаний; ln-fedoseewa@yandex.ru

Ширкунова Анна Витальевна – ассистент кафедры образовательных технологий Псковского государственного университета; gerusova95@gmail.com

Щекин Алексей Сергеевич – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела русской исторической лексикологии и лексикографии Института лингвистических исследований Российской Академии наук; shekinalexey@gmail.com

Научное издание

РУССКОЕ СЛОВО:
ГОРИЗОНТЫ АНАЛИЗА
(к 85-летию Гурия Васильевича Судакова)

Сборник научных статей

Научные редакторы:
Ильина Елена Николаевна, Колесова Ирина Евгеньевна

Электронное издание

ISBN 978-5-6054173-1-6

Рекомендовано к изданию 24.12.2025. Уч.-изд. л. 10,3

БУК ВО «Вологодская областная универсальная научная библиотека»
160000, г. Вологда, ул. Марии Ульяновой, д. 1